

Джордж Р.Р. Мартин

ПИР
СТЕРВЯТНИКОВ

Тот, кто играет в престолы,
либо погибает, либо побеждает. Середины не бывает!

Annotation

Перед вами – четвертая летопись цикла «Песнь льда и огня». Эпическая, чеканная сага о мире Семи Королевств. О мире суровых земель вечного холода и радостных земель вечного лета. О мире лордов и героев, воинов и магов, чернокнижников и убийц – всех, кого свела воедино Судьба во исполнение древнего пророчества. О мире опасных приключений, великих деяний и тончайших политических интриг.

Война Пяти Королей наконец завершена, и дом Ланнистер с союзниками празднует победу. Однако до мира и спокойствия еще **ОЧЕНЬ ДАЛЕКО!** Властитель Севера Робб от дома Старк сумел подавить мятеж в далеких северных землях, однако его родичи, похоже, слишком слабы, чтобы удержать завоеванные земли... Снова собираются воедино бандиты, ренегаты и уцелевшие повстанцы. Снова угрожает смертельная опасность Железному Трону Семи Королевств – и стервятники уже чувят приближения **НОВОГО ПИРА...**

Джордж Мартин

Пир стервятников

© George R. R. Martin, 2005

© Перевод. Н. И. Виленская, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Север

Условные обозначения

- Города • Городки • Замки
- ∴ Руины ∴ Разрушенные замки

Условные обозначения

- Города • Городки ♦ Замки
- ∴ Руины ❖ Разрушенные замки

Железные острова

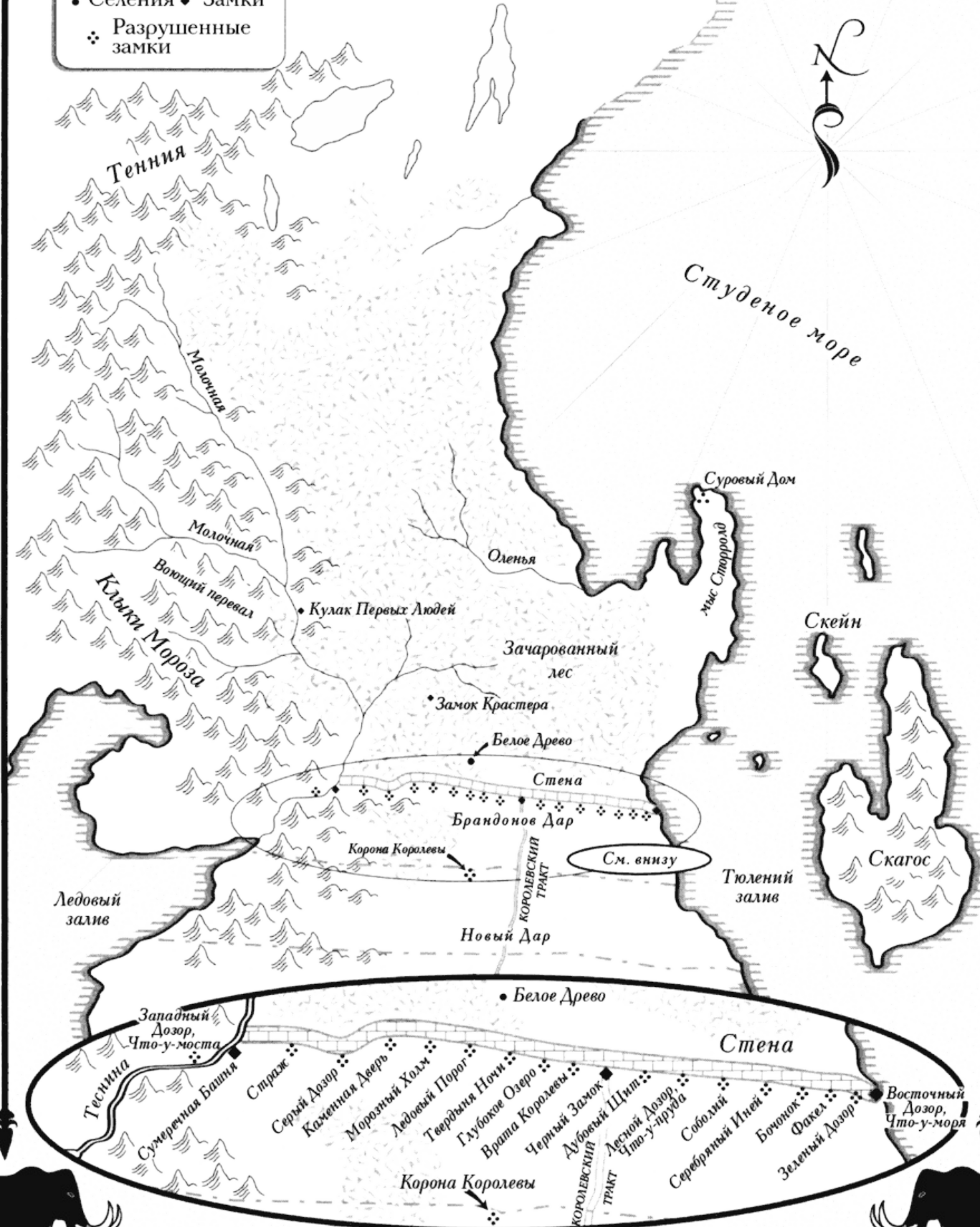

За Стеной

Условные обозначения

- Селения ♦ Замки
- ❖ Разрушенные замки

Край Вечной Зимы
(на карту не нанесен)

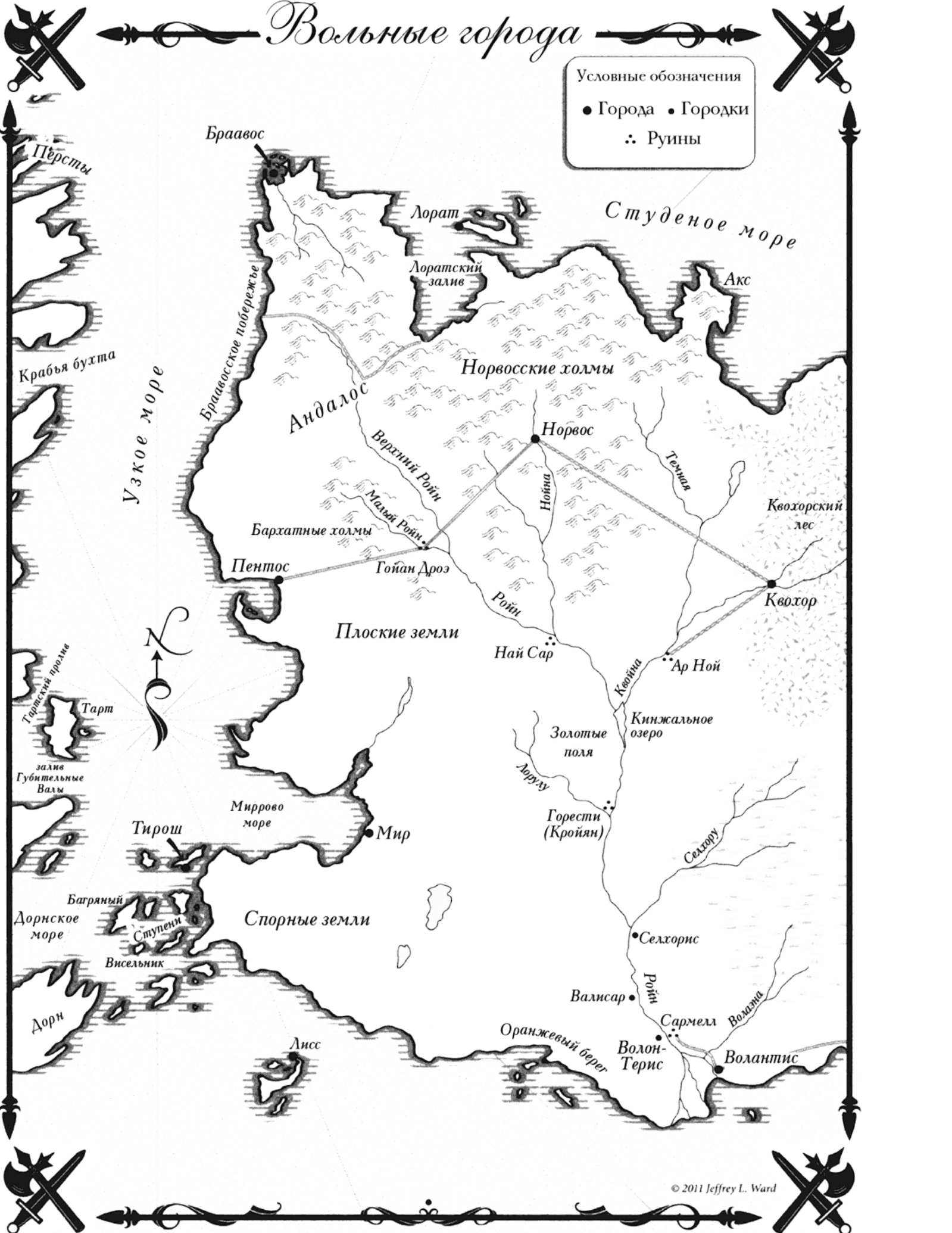

Вольные города

Условные обозначения

● Города ● Городки

∴ Руины

Браавос

Лорат

Студеное море

Лоратский залив

Акс

Персты

Крабья бухта

Узкое море

Браавосское побережье

Андалос

Норвосские холмы

Норвос

Верхний Ройн

Темия

Малый Ройн

Бархатные холмы

Квохорский лес

Пентос

Голян Дроз

Квохор

Плоские земли

Най Сар

Ар Ной

Таристый пролив

Тарт

залив Губительные Валы

Мировое море

Мир

Золотые поля

Кинжальное озеро

Тирош

Спорные земли

Горести (Кройян)

Селхору

Багряный Дорнское море

Ступени

Висельник

Селхорис

Дорн

Лисс

Валисар

Ройн

Сармел

Вомея

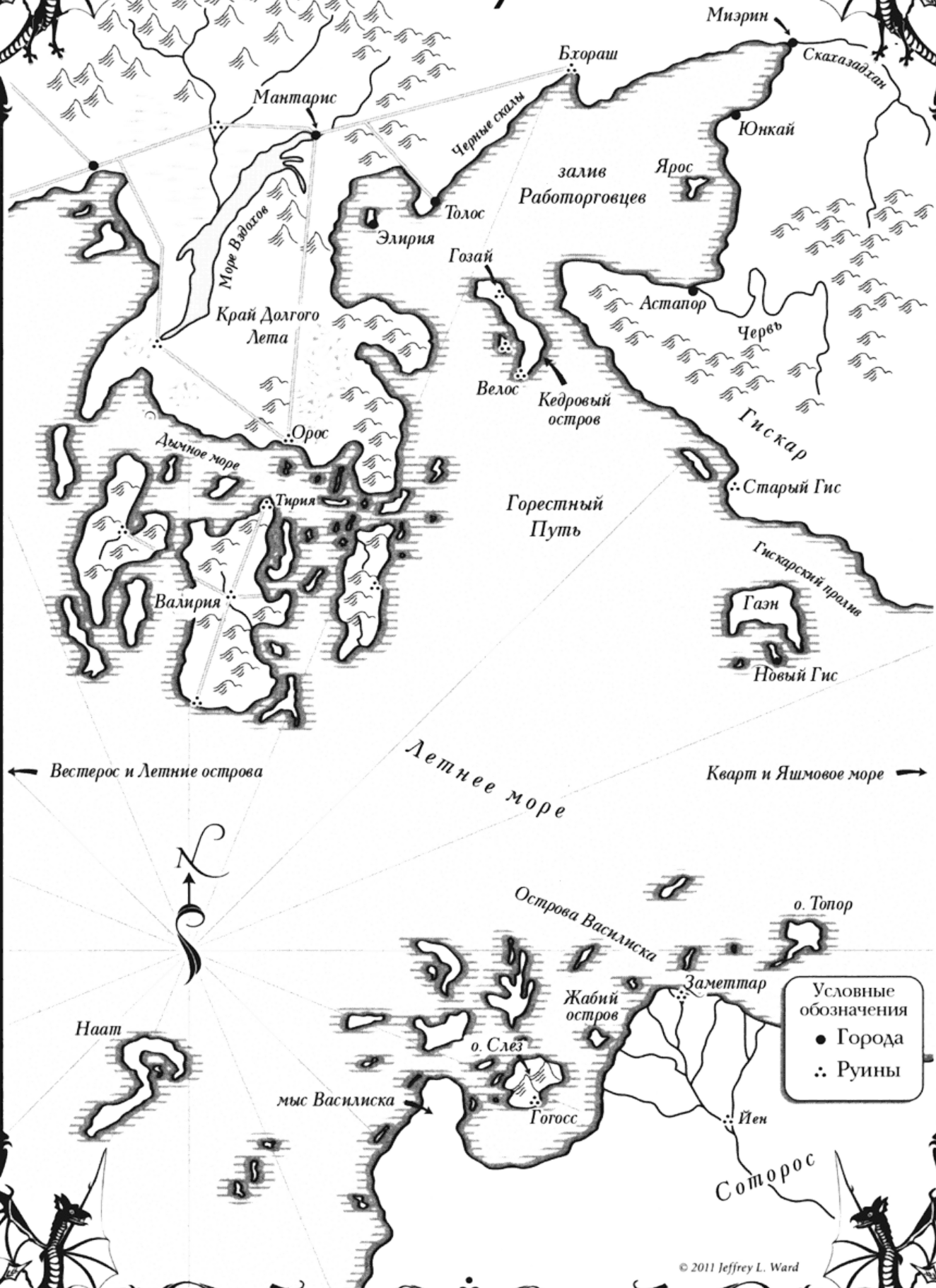
Оранжевый берег

Волон-Терис

Волантис

Валирия

Условные обозначения
● Города
∴ Руины

ЖЕЛЕЗНЫЕ ОСТРОВА

– Драконы... – Молландер подобрал с земли сморщенное яблоко и перекидывал его с руки на руку.

– Подбрось его, – попросил Аллерас-Сфинкс, достав стрелу из колчана.

– Хотел бы я увидеть дракона, – сказал Рун, самый младший в компании – до взрослого возраста ему недоставало двух лет. – Очень хотел бы.

А я хотел бы уснуть в объятиях Розы, подумал Пейт, беспокойно ерзая на скамье. К утру девушка вполне могла бы достаться ему. Он увез бы ее из Староместа за Узкое море, в Вольные Города. Там мастеров нет, и никто бы его ни в чем не стал обвинять.

Наверху, за ставнями, смеялась Эмма и слышался голос ее клиента. Из прислужниц «Пера и кружки» она самая старшая, ей уже все сорок стукнуло как пить дать, но она еще хороша, если кому нравятся женщины в теле. Розы, ее дочке, пятнадцать, и она только что расцвела. Эмма оценила ее невинность в один золотой дракон. Пейт скопил девять серебряных оленей и целый горшок медаков, но раньше настоящий дракон вылупится, чем у него наберется золотой.

– Поздновато ты родился для драконов, малыш, – сказал кандидат Армин. На шее у Армина кожаный шнурок со звеньями его будущей цепи – оловянным, жестяным, свинцовым и медным, – и он, как все кандидаты, думает, что у каждого школяра на плечах репа вместо головы. – Последний из них умер еще при короле Эйегоне Третьем.

– Последний в Вестеросе, – уточнил Молландер.

– Кинь яблоко, – снова попросил Аллерас. Он смазливый парень, их Сфинкс. Все служанки на него заглядываются. Даже Розы норовит коснуться его руки, когда приносит вино. Пейт в таких случаях стискивал зубы и притворялся, будто ничего не заметил.

– Как в Вестеросе, так и на всем свете, – упорствовал Армин. – Это всем известно.

– Яблоко, – повторил Аллерас. – Если ты, конечно, не собираешься его съесть.

– Сейчас. – Молландер, волоча ногу, подскочил и запустил яблоко в туман, нависший над Медовичкой. Не будь он колченогим, он стал бы рыцарем, как и его отец. Силы ему не занимать – руки у него мощные, плечи широкие. Яблоко улетело далеко... но стрела настигла его, стрела в ярд длиной из золотого дерева, с алым оперением. Пейт не видел, как она попала в яблоко, но услышал над рекой слабое «чмок», а потом всплеск.

– Прямо в середку, – присвистнул Молландер. – Красота.

Что они понимают в красоте? Красота – это Розы. Пейт любил ее ореховые глаза и грудки-бутончики, любил ямочки у нее на щеках. Иногда она прислуживала босая, чтобы побегать по траве, и это он тоже любил. Любил ее запах, чистый и свежий, любил завитки волос у нее за ушами. Любил даже пальцы у нее на ногах. Как-то ночью она дала ему поиграть с ними, и он про каждый сочинил смешную историю – Розы хихикала без передышки.

Может, им лучше не переправляться за Узкое море. На скопленные деньги он купит осла, и они с Розы будут путешествовать по Вестеросу, садясь на него по очереди. Эброз счел, что он не заслуживает серебра, но Пейт умеет вправлять кости и ставить пиявки от лихорадки. Простые люди будут благодарны ему за помощь. Если научиться еще стричь волосы и брить бороды, он даже цирюльником может стать. «Этого мне хватит, – думал он, – лишь бы Розы была со мной. Розы – все, что мне нужно на свете».

Так было не всегда. Раньше Пейт мечтал быть мастером в замке. Щедрый лорд из уважения к мудрости Пейта пожалует ему белого коня, и Пейт будет гордо разъезжать повсюду, улыбаясь встречным простолюдинам...

Однажды в таверне, после второй кружки ужасно крепкого сидра, Пейт хвастливо заявил, что не всегда будет школяром. «Верно, не всегда, – ответил ему Лео Ленивец. – Скоро тебя прогонят и отправят свиней пасти».

Терраса «Пера и кружки» казалась островком света в море тумана. Ниже по реке светил, как размытая оранжевая луна, маяк на башне Хайтауэров, но на душе у Пейта было темно.

Алхимику пора бы уже прийти. Может, он зло подшутил над Пейтом? Или с ним что-то приключилось? Судьба уже не впервые поворачивается к Пейту спиной. Он почитал себя счастливецом, когда его назначили помогать старому архимейстеру Валгрейву при воронах. Разве он знал, что ему придется носить старику еду, убирать его комнаты и одевать его по утрам? Все говорили, что ни один мастер не знает о воронах столько, сколько Валгрейв успел забыть, и Пейт думал, что уж чугунное-то звено ему обеспечено, – однако не тут-то было. Валгрейв продолжает называться архимейстером из одной лишь учтивости. Под его облачением теперь частенько скрываются замаранные подштанники, а с полгода назад кандидаты застали его в библиотеке плачущим – он забыл дорогу в свои покои. Вместо него в чугунной маске заседает теперь мастер Гормен – тот самый, кто однажды обвинил Пейта в краже.

На яблоне у реки запел соловей. Сладко его слышать после воплей и карканья воронов, с которыми Пейт возится день-деньской. Белые вороны знают его по имени и бормочут «Пейт, Пейт, Пейт», как только завидят его, – самому заорать в пору. Эти редкостные белые птицы – гордость архимейстера Валгрейва. Он хочет, чтобы они склевали его, когда он умрет. Пейт начинал подозревать, что и ему уготована такая же участь.

Может, виной всему здешний крепкий сидр. Пейт не хотел пить, но Аллерас сегодня обмывает свое медное звено, да и нечистую совесть как-то угомонить надо. Ему казалось, будто соловей выводит «золото за чугун, золото за чугун». Это самое сказал незнакомец в ту ночь, когда Роза их познакомила. «Кто ты?» – спросил его Пейт, а он ответил: «Алхимик. Превращаю чугун в золото». И по его костяшкам запрыгала, мерцая при свечах, золотая монета. С одной стороны – трехглавый дракон, с другой – голова давно умершего короля. «Золото за чугун, – звучало в ушах у Пейта, – такого тебе никто не предложит. Хочешь ее? Любишь ее?» «Я не вор, – сказал Пейт самозваному алхимику. – Я школяр Цитадели». Тот почтительно склонил голову и сказал: «Если передумаешь, я вернусь сюда через три дня – вместе с драконом».

Три дня миновали, и Пейт, так и не решив ничего окончательно, пришел в «Перо и кружку» – но вместо алхимика нашел здесь Молландера, Армина, Сфинкса и Руна в придачу. Если бы он не подсел к ним, это вызвало бы подозрения.

«Перо и кружка» никогда не бывает закрыта. Шестьсот лет она стоит на своем островке посреди Медовички, и ни разу ее двери не закрывались. Ее высокий сруб слегка накренился в сторону юга – говорят, это потому, что пьяные школяры вечно приваливаются к стенке с другой стороны, – но она, пожалуй, простоит еще шестьсот лет и будет потчевать вином, элем и ужасно крепким сидром лодочников и моряков, кузнецов и музыкантов, священников и принцев, а также, само собой, школяров и кандидатов из Цитадели.

– Старомест – еще не весь мир, – чересчур громко провозгласил Молландер. Он сын рыцаря и к тому же крепко набрался. С тех пор, как его известили о гибели отца на

Черноводной, он пьет почти каждую ночь. Даже здесь, за безопасными стенами Староместа, Война Пяти Королей как-то коснулась их всех... хотя архимейстер Бенедикт утверждает, что название это неправильное, поскольку Ренли Баратеона убили еще до того, как Бейлон Грейджой объявил себя королем. – Мой отец всегда говорил, что мир больше, чем замок любого лорда. В Кварте, Асшае и Йи Ти можно найти не только драконов, но и много такого, что нам даже не снилось. Моряки рассказывают...

– Вот именно, – перебил его Армин. – Моряки, мой дорогой Молландер. Сходи в гавань, и они тебе расскажут, как спали с русалками или провели год в брюхе огромной рыбы.

– Почему ты знаешь, что это неправда? – Молландер шарил в траве, отыскивая яблоки. – Вот если бы ты сам побывал в брюхе той рыбы, то мог бы утверждать, что их там не было. Над байками одного моряка посмеяться можно, но когда гребцы с четырех разных кораблей на четырех разных языках рассказывают одно и то же...

– Совсем не одно и то же, – упорствовал Армин. – Драконы в Асшае, драконы в Кварте, драконы в Миэрине, дотракийские драконы, драконы, освобождающие рабов... они все рассказывают по-разному.

– Разница только в мелочах. – Молландер, и всегда-то упрямый, выпив, становился совсем несговорчивым. – Они все говорят о драконах и прекрасной молодой королеве.

Единственный дракон, занимающий мысли Пейта, был сделан из желтого золота. Что стряслось с этим алхимиком? Он сказал, что через три дня будет здесь. «Я не вор», – сказал ему Пейт, но когда дракон заплясал, подмигивая...

– Вон еще одно, прямо у тебя под ногами, – сказал Молландеру Аллерас. – А у меня в колчане еще две стрелы.

– Да иди ты со своими стрелами. Червивое, – проворчал Молландер, подбирая яблоко, но все-таки метнул его вверх. Стрела рассекла яблоко на две ровные половинки. Одна упала на крышу башенки, скатилась с навеса и хлопнулась рядом с Армином.

– Если разрезать червяка надвое, получится два червяка, – поведал им кандидат.

– Кабы с яблоками получалось то же самое, никому бы не пришлось голодать, – со своей мягкой улыбкой ответил Аллерас. Сфинкс всегда улыбается, точно какой-то шутке, известной только ему. Это вместе с острым подбородком, залысинами на лбу и коротко остриженными черными кудряшками придает ему лукавый вид.

Аллерас непременно будет мейстером. Он в Цитадели всего только год, но уже успел выковать три звена своей будущей цепи. У Армина, может, и больше, но он извел год на каждое. Впрочем, и он тоже будет мейстером. Только Рун и Молландер остаются голошеими школярами, но Рун совсем еще юнец, а Молландер предпочитает книге бутылку.

Сам же Пейт...

Он в Цитадели уже пять лет, а шея у него такая же голая, как и в тот день, когда он, тринадцатилетний, пришел сюда с запада. Дважды он думал, что готов сдать экзамен. В первый раз он попытался рассказать архимейстеру Ваэллину об устройстве небес – но лишь узнал на собственном опыте, что Ваэлина недаром прозвали Укусным. Целых два года Пейт набирался мужества для новой попытки. На этот раз он предстал перед добрым архимейстером Эброзом, известным своим тихим голосом и ласковыми руками, но вздохи Эброза оказались ничем не лучше ехидных придинок Ваэлина.

– Последнее, – пообещал Аллерас, – и я скажу вам, что думаю об этих драконах.

– Что ты можешь такого знать, чего я не знаю? – Молландер, углядев яблоко на ветке, подпрыгнул, сорвал его и метнул. Аллерас натянул тетиву до самого уха, грациозно

повернулся, следя за полетом мишени, и пустил стрелу, как только яблоко начало падать.

– В последний раз ты всегда промахиваешься, – сказал Рун. Яблоко, невредимое, плюхнулось в реку. – Вот видишь?

– Когда больше не делаешь промахов, перестаешь совершенствоваться. – Аллерас ослабил тетиву и убрал лук в кожаный футляр. Лук у него из златосерда, сказочного дерева, растущего на Летних островах. Пейт однажды попытался согнуть его и не смог. Сфинкс только с виду хлипкий, а руки у него сильные. Аллерас, усевшись верхом на скамью, взял со стола чашу с вином и сказал нараспев, по-дорнийски:

– У дракона три головы.

– Это что, загадка? – спросил Рун. – Сфинксы в сказках всегда говорят загадками.

– Нет, не загадка. – Аллерас пригубил вино. Все прочие дули из кружек знаменитый здешний сидр, и только он один предпочитал сладкие вина тех диковинных стран, где родилась его мать. Такие даже в Староместе стоят недешево.

Сфинксом его прозвал Лео Ленивец. В сфинксе всего намешано: лицо у него человеческое, тело львиное, крылья как у ястреба. Вот и Аллерас такой же. Отец у него дорниец, а мать – чернокожая островитянка. Он и сам темен, как орех, а глаза у него из оникса, как у зеленых мраморных сфинксов на воротах Цитадели.

– Трехглавые драконы бывают только на щитах и знаменах, – заявил Армин-кандидат. – Это геральдический знак, не более. Притом Таргариены все вымерли.

– Не все, – возразил Аллерас. – У Короля-Попрошайки была сестра.

– Я думал, ей голову разбили о стену, – сказал Рун.

– Нет. Это маленькому Эйгону, сыну принца Рейегара, разбили о стену голову brave ребята Ланнистера. А мы говорим о сестре Рейегара, рожденной на Драконьем Камне перед падением острова. О принцессе Дейенерис.

– Да, точно. Бурерожденная. Вспомнил теперь. – Молландер запрокинул кружку, чтобы допить остатки. – За нее! – провозгласил он, брякнув пустой кружкой о стол, и вытер рот. – А где же Розы? За нашу законную королеву не мешало бы выпить еще по одной, что скажешь?

– Тише ты, дурень, – забеспокоился Армин. – Никогда не шути такими вещами. Откуда тебе знать, кто тебя слышит. У Паука везде уши.

– А ты уж и штаны намочил. Я призываю к выпивке, не к восстанию.

За спиной у Пейта кто-то хихикнул, и тихий голос сказал:

– Я всегда знал, что ты изменник, Прыг-Скок. – Лео Ленивец неслышно подкрался к ним через старый дощатый мост. Наряд на нем атласный, в зеленую и золотую полоску, короткий плащ из черного шелка заколот на плече хризолитовой розой. Судя по пятнам у него на груди, этой ночью он пил красное вино, прядь пепельных волос падает на один глаз.

Молландер при виде него ошетинился.

– Убирайся. Никто тебя сюда не звал. – Аллерас примирительно положил руку Молландеру на плечо, Армин нахмурился.

– Милорд Лео? Я думал, тебе запрещено покидать Цитадель еще...

– Еще три дня. – Лео пожал плечами. – Перестин утверждает, что миру сорок тысяч лет, Моллос – что пятьсот. Что такое по сравнению с этим три дня, я вас спрашиваю? – На террасе стояло с дюжину пустых столов, но Лео подсел к ним. – Поставь мне чашу борского золотого, Прыг-Скок, – тогда я, быть может, не скажу отцу про твой тост. Я нынче проигрался в «Клетчатой доске», а последнего оленя истратил на ужин. Молочный поросенок в сливовом соусе, начиненный каштанами и белыми трюфелями. А у вас тут что?

– Вареная баранья нога, – неохотно пробурчал Молландер. – На всех.

– Уверен, это сытное блюдо. Сын лорда должен быть щедрым, Сфинкс. Ты, кажется, получил свою медь? Я бы выпил за это.

– Я угощаю только друзей, – не переставая улыбаться, ответил Аллерас. – И я не сын лорда, я тебе уже говорил. Моя мать была простая торговка.

Карие глаза Лео сверкали от вина и от злости.

– Твоя мать была обезьяна с Летних островов. Дорнийцы любят всякую тварь, лишь бы дырка на нужном месте была. Не обижайся – ты хоть и черен, но все-таки моешься, не то что наш Чушка. – И он махнул рукой в сторону Пейта.

Дать бы ему кружкой по морде, да так, чтоб сразу половину зубов выбить. Чушка Пейт-свинопас – герой бесчисленных озорных историй, добродушный олух. Его глупость на поверку оборачивается хитростью: он побивает жирных лордов, надменных рыцарей, елейных септонов, а в конце концов садится на высокое место лорда и спит с рыцарской дочкой. Но это в сказках – в жизни свинопасам такое не светит. Мать, должно быть, люто его ненавидела, коли наградила его таким имечком.

Аллерас больше не улыбался.

– Извинись сейчас же, – сказал он.

– Не могу – очень уж в глотке сухо.

– Ты позоришь свой дом каждым словом, которое произносишь. И Цитадель позоришь – одним своим пребыванием среди нас.

– Да, да. Поставь же мне вина, чтобы я мог смыть свой позор.

– Я когда-нибудь вырву твой поганый язык, – посулил Молландер. – С корнем.

– Тогда мне нечем будет вам рассказать о драконах. Наш дворняга не соврал: дочь Безумного Короля жива, и у нее вывелось три дракона.

– Три? – ахнул Рун.

– Больше двух, меньше четырех. – Лео потрепал его по плечу. – На твоём месте я погодил бы держать экзамен на золотое звено.

– Оставь его в покое, – сказал Молландер.

– Как скажешь, о благородный Прыг-Скок. На всех кораблях, что прошли больше ста лиг от Кварта, толкуют об этих драконах. Некоторые даже уверяют, что видели их своими глазами, и Маг склонен им верить.

– Мнение Марвина мало что значит, – поджал губы Армин. – Архимейстер Перестин первый скажет тебе об этом.

– Архимейстер Раэм тоже так говорит, – вставил Рун.

– Море мокрое, солнце теплое, – зевнул Лео, – а наша верхушка на дух не выносит мастифа.

У него для каждого прозвище припасено. Пейт, однако, не мог отрицать, что Марвин в самом деле больше похож на мастифа, чем на мастера. Смотрит так, точно укусить тебя хочет. Он не такой, как другие мастера. Говорят, что он водит компанию со шлюхами и бродячими шарлатанами, что он разговаривает с волосатыми иббенийцами и черными жителями Летних островов на их родном языке и приносит жертвы чужим богам в маленьких портовых молельнях. Его видели в самых грязных притонах вместе с лицедеями, певцами, наемниками и даже с нищими. Поговаривают даже, что он однажды одними кулаками убил человека.

Восемь лет Марвин провел на востоке – наносил на карту неизвестные земли, искал

старинные книги, водился с чародеями и заклинателями теней. Когда он вернулся в Старомест, Укусный Ваэлин прозвал его Магом, и это имя, к большому раздражению Ваэлина, вскоре разнеслось по всему городу. «Оставь молитвы и заклинания жрецам и септонам и направь свой ум на познание истин, которым человек может доверять», – посоветовал как-то Пейту архимейстер Раэм. Но у Раэма кольцо, маска и жезл золотые, и в его мастерской цепи недостает звена из валирийской стали.

Армин бросил на Лео надменный взгляд. Нос у него как раз подходящий для таких взглядов – длинный, тонкий и острый.

– Архимейстер Марвин верит во множество странных вещей, но доказать, что драконы существуют, способен не больше Молландера. Это всего лишь матросские байки.

– Ошибаешься, – сказал Лео. – У Мага в комнатах горит стеклянная свечка.

На террасе стало тихо. Армин со вздохом покачал головой, Молландер засмеялся, Сфинкс впился в Лео своими черными глазищами, Рун вконец растерялся.

Пейт знал про стеклянные свечи, хотя никогда не видел, чтобы они горели. В Цитадели это самый большой секрет. Говорят, их привезли в Старомест из Валирии за тысячу лет до Рокового Дня. Всего их, как Пейт слышал, четыре: одна зеленая, остальные черные, и все они высокие и витые.

– Что это за стеклянная свечка? – спросил Рун.

Армин прочистил горло.

– Перед тем, как принести свои обеты, кандидат должен совершить ночное бдение в склепе. При этом ему не дают ни лампы, ни факела – только обсидиановую свечу. Если он не сумеет ее зажечь, то просидит всю ночь в темноте. Самые глупые и упрямые, особенно те, что занимались так называемыми тайными науками, пробуют это сделать. При этом они часто ранят себе пальцы, ибо витки на этих свечах остры, как бритва. Так, с изрезанными пальцами, в размышлениях о своей неудаче, они и встречают рассвет. Те, кто поумней, просто ложатся спать или проводят ночь в молитве, но каждый год кто-нибудь да пытается.

– Верно. – То же самое слышал и Пейт. – Но что проку от свечи, если она не дает света?

– Это урок, – важно ответил Армин, – последний, который мы должны усвоить, прежде чем возложить на себя мастерскую цепь. Стеклянная свеча, вещь редкостная, прекрасная и хрупкая, служит здесь символом истины и знания. Стеклу недаром придана форма свечи – это напоминает нам, что мастер должен быть источником света везде, где бы он ни служил, а острые грани говорят о том, что знание может быть опасным. Мудрецы могут возгордиться своей мудростью, но мастер должен всегда оставаться смиренным. Стеклянная свеча напоминает нам и об этом. Даже принеся обет, надев цепь и отправившись к месту службы, мастер должен помнить о бдении, проведенном впотьмах, и о тщетных попытках зажечь свечу... ибо и знанию не все доступно.

Лео громко расхохотался.

– Это тебе не все доступно. Я своими глазами видел, как она горит.

– Ты видел, как горит другая свеча, – не сдавался Армин. – Возможно, из черного воска.

– Мне лучше знать, что я видел. Свет у нее яркий, много ярче, чем у сальной или восковой свечки. Он бросал странные тени, и пламя не колебалось, хотя в открытую дверь дуло почем зря.

Армин неуступчиво скрестил руки на груди.

– Обсидиан не горит.

– Драконово стекло, – вставил Пейт. – В народе его называют драконовым стеклом. –

Это почему-то казалось ему достойным упоминания.

– Верно, – поддержал его Сфинкс, – и если в мире опять завелись драконы...

– Драконы и кое-что пострашнее, – сказал Лео. – Серые овцы зажмурились, но мастиф видит правду. Древние силы пробуждаются, тени приходят в движение. Грядет век чудес и ужасов, век богов и героев. – Он потянулся, улыбаясь своей ленивой улыбкой. – За это стоит выпить, я бы сказал.

– Мы уже достаточно выпили, – сказал Армин. – Утро настанет скорее, чем нам того хочется, и архимейстер Эброз будет читать о свойствах мочи. Тем, кто намерен выковать серебряное звено, лучше не пропускать его лекции.

– Я нисколько не препятствую тебе отведать мочи, – съязвил Лео, – но сам предпочитаю борское золотое.

– Если уж выбирать между тобой и мочой, то я выбираю ее. – Молландер поднялся из-за стола. – Пошли, Рун.

– Я тоже иду спать. – Сфинкс взял футляр с луком. – Может, мне приснятся драконы и стеклянные свечи.

– Все заодно, да? Ну ничего, зато Розы здесь. Я, пожалуй, разбужу нашу милашку и сделаю из нее женщину.

Сфинкс заметил, какое выражение приняло лицо Пейта, и сказал:

– Раз у него нет медного гроша на чашу вина, то золотого на девушку и подавно не может быть.

– Вот-вот, – подхватил Молландер. – И чтобы сделать девушку женщиной, нужен мужчина. Пошли с нами, Пейт. Старый Валгрейв проснется ни свет ни заря, и тебе придется свести его в нужник.

Если он меня узнает на этот раз. Архимейстер Валгрейв без труда отличает одного ворона от другого, но с людьми у него это получается не столь хорошо. Иногда он принимает Пейта за какого-то Крессена.

– Я еще чуток посижу, – сказал Пейт друзьям. Рассвет близок, но еще не настал. Может, алхимик еще придет, и Пейт непременно должен с ним встретиться.

– Как знаешь, – сказал Армин. Аллерас, пристально посмотрев на Пейта, повесил лук на плечо и пошел с другими к мосту. Молландер так набрался, что брел, опираясь на Руна. Цитадель недалеко, если мерить по прямой, как ворон летит, но они-то не вороны, а Старомест со своими кривыми улочками – настоящий лабиринт. – Осторожно, – донесся до Пейта голос Армина, когда все четверо уже скрылись в тумане, – ночь сырая, и бульжники скользкие.

Лео через стол кисло смотрел на Пейта.

– Как это грустно. Сфинкс унес все свое серебро и оставил меня с Чушкой Пейтом, свинопасом. – Он опять потянулся и протяжно зевнул. – Что-то подельывает сейчас наша крошка Розы?

– Спит, – коротко ответил Пейт.

– Голенькая небось. Думаешь, она в самом деле стоит дракона? Как-нибудь на днях я проверю.

Пейт благоразумно промолчал, но Лео и не нуждался в ответе.

– Когда я ее распечатаю, цена на нее упадет, и даже свинопас сможет себе позволить ею попользоваться. По-хорошему-то ты мне спасибо должен сказать.

По-хорошему тебя бы убить надо, подумал Пейт, но не настолько я пьян, чтобы

швыряться собственной жизнью. Лео обучен воинскому ремеслу, и все знают, как мастерски он владеет кинжалом. Если даже Пейт каким-то чудом убьет его, то и сам головы лишится. У Пейта только одно имя, а у Лео два, и второе из них – Тирелл. Его отец – сир Морин Тирелл, командующий городской стражей Староместа, а Мейс Тирелл, лорд Хайгардена и Хранитель Юга, доводится Лео кузеном. Сам староместский голова, лорд Лейтон Хайтауэр, именующийся помимо прочих титулов Защитником Цитадели, состоит в присяжных знаменосцах у дома Тиреллов. Пусть болтает, твердил себе Пейт. Он говорит все это только для того, чтобы меня задеть.

Туман на востоке стал понемногу белеть. Светает, а алхимик так и не пришел. Пейт не знал, плакать ему или смеяться. Будет он по-прежнему считаться вором, если положит взятую вещь на место так, чтобы никто не узнал? Или нет? Вот еще вопрос, на который он должен ответить, вроде тех, которые задавали ему Эброз и Ваэллин.

Он встал, и ужасно крепкий сидр тут же ударил ему в голову – пришлось опереться о стол.

– Оставь Розу, – сказал он все-таки на прощание. – Оставь ее, не то я тебя убью.

Лео Тирелл откинул падающие на один глаз волосы.

– Я не дерусь со свинопасами. Ступай.

И Пейт ушел, стуча каблуками по доскам старого моста. На том берегу он увидел, что небо на востоке порозовело. Мир велик, сказал он себе. Вот куплю осла и буду бродить по Семи Королевствам, ставить пиявки, выбирать вшей из волос. А не то наймусь гребцом на корабль, поплыву в Кварт через Яшмовые Ворота и сам увижу этих хваленых драконов. Не придется мне тогда возвращаться к старому Валгрейву и его воронам.

Он думал об этом, а ноги сами собой несли его к Цитадели.

Как только первый луч солнца пробил облака на востоке, в Портовой септе зазвонили утренние колокола. Миг спустя к ней присоединилась Господская септа, следом отозвалась Седмица в садах за рекой, и последней вступила Звездная септа, бывшая кафедральным собором верховного септона тысячу лет, пока король Эйегон не высадился в Королевской Гавани. Мощная музыка, но маленький соловей все равно поет слаще.

За звоном колоколов Пейту слышалось пение. Красные жрецы каждое утро встречают солнце у своего скромного храма в гавани. Ибо ночь темна и полна ужасов... Пейт много раз слышал, как они выкликают эти слова, моля своего бога Рглора спасти их от тьмы. Ему самому и Семерых хватало, но Станнис Баратеон, говорят, теперь тоже молится у ночных костров. Даже на знаменах у него огненное сердце Рглора вместо прежнего коронованного оленя. Если он завоюет Железный Трон, нам всем придется выучить слова этой песни, думал Пейт, но это вряд ли. Тайвин Ланнистер разбил Станниса вместе с его Рглором на Черноводной. Скоро он окончательно их добьет и взденет голову претендента на пику над воротами Королевской Гавани.

Ночной туман таял, и призрачный Старомест постепенно обретал очертания вокруг Пейта. Школяр никогда не видал Королевской Гавани, но знал, что она из глины слеплена, из досок сколочена, соломой крыта, и улицы в ней немощные. Старомест выстроен из камня и вымощен булыжником весь, до последнего закоулка. А всего прекрасней он на рассвете. К западу от Медовички высятся, как дворцы, строения Гильдии. Выше по течению на обоих берегах, соединенных тесно застроенными каменными мостами, встают купола и башни Цитадели. Ниже, под черными мраморными стенами и закругленными окнами Звездной септы, лепятся дома священнослужителей, как дети, собравшиеся у ног благочестивой вдовы.

А там, где Медовичка впадает в Шепотный залив, светит маяк Хайтауэр, или Высокая Башня. Он стоит на утесах Боевого острова, и его тень перерезает город, как меч. Уроженцы Староместа умеют узнавать по этой тени, который теперь час. Говорят даже, будто с вершины башни видно до самой Стены. Наверно, поэтому лорд Лейтон больше десяти лет не сходит оттуда и правит городом с заоблачной высоты.

Мимо протарахтела тележка мясника, где отчаянно визжали пятеро поросят. Пейт посторонился, и его чуть не окатила какая-то горожанка, выплеснувшая из окошка наверху свой ночной горшок. «Когда я стану мастером в замке, у меня будет конь», – подумал Пейт, споткнулся и хлопнулся на мостовую. Кого он дурачит? Не носить ему цепь, не сидеть за высоким столом у лорда, не ездить на белом коне. Он проведет свою жизнь, слушая карканье воронов и отскребая дерьмо с подштанников архимейстера Валгрейва.

Пока он пытался отчистить от грязи себя самого, кто-то сказал ему:

– Доброе утро, Пейт.

Рядом стоял алхимик.

– Ты сказал, что на третий день будешь в «Пере и кружке», – заметил Пейт.

– Ты был с друзьями, и я не хотел вторгаться. – На алхимике был простой бурый дорожный плащ с капюшоном. Солнце вставало как раз у него за спиной, и лицо под капюшоном разглядеть было трудно. – Ты уже решил, кто ты?

Неужели непременно надо говорить это вслух?

– Наверно, я вор.

– Я так и думал.

Особенно скверно было лезть под кровать архимейстера Валгрейва, чтобы достать оттуда укладку. Сам сундучок крепкий и окован железом, но замок у него сломан. Мастер Гормен подозревал, что взлом учинил Пейт, но это неправда. Валгрейв сам сломал замок, когда потерял ключ от него.

Внутри Пейт нашел мешочек с серебряными оленями, обвитый лентой локон желтых волос, миниатюру женщины, похожей на Валгрейва (вплоть до усов), и стальную рыцарскую перчатку. Валгрейв уверял, что она принадлежала принцу, хотя уже не помнил какому. Пейт потряс перчатку, и из нее выпал ключ.

«Если я подберу его, то я вор», – подумал он тогда. Ключ – старый, тяжелый, из черного чугуна – будто бы отпирает любую дверь в Цитадели. Только у архимейстеров есть такие. Другие носят ключи на себе или прячут их в тайниках, но если бы Валгрейв спрятал свой, его бы никто уже не нашел. Пейт взял с пола ключ и пошел было к двери, а потом вернулся и прихватил серебро. Вор есть вор, много он украл или мало. «Пейт, – позвал его один из белых воронов. – Пейт, Пейт, Пейт».

– Ты принес мне дракона? – спросил он алхимика.

– Если ты принес то, что нужно мне.

– Давай сюда. Я хочу посмотреть. – Недоставало еще, чтобы его надули.

– Только не на речной дороге. Пойдем.

И алхимик зашагал прочь, не дав Пейту времени подумать. Либо идти за ним, либо лишиться навсегда и дракона, и Розы. Пейт пошел. Ключ лежал у него в кармашке, пришитом изнутри к рукаву. У мастеров таких карманов полно – он это знал с самого детства.

Ему приходилось поспешать, чтобы не отстать от широко шагающего алхимика. Они повернули за угол, прошли через старый Воровской рынок, по улице Старьевщиков. Когда алхимик свернул в еще более узкий переулок, Пейт сказал:

– Хватит. Здесь никого. Незачем идти дальше.

– Как хочешь.

– Давай моего дракона.

– Конечно. – Монета опять прошлась у него по костяшкам, как в прошлый раз. Дракон сверкал на утреннем солнце, бросая золотой отсвет на пальцы алхимика.

Пейт схватил его, теплого, и попробовал на зуб, как при нем делали другие. По-настоящему он не знал, зачем это нужно, но и дураком не хотел показаться.

– Ключ? – учтиво спросил алхимик.

Пейт почему-то заколебался.

– Тебе книга нужна? – В подземельях хранятся древние валирийские свитки – говорят, что нигде в мире таких больше нет.

– А вот это уж тебя не касается.

– Да, правда. – Дело сделано. Беги в «Перо и кружку», разбуди Розы поцелуем и скажи ей, что она твоя. Но Пейт все еще колебался. – Покажи мне свое лицо.

– Как скажешь. – И алхимик откинул капюшон.

Лицо как лицо, молодое, пухлощекое, с отросшей щетиной. На правой щеке небольшой шрам. Нос крючком, густые черные волосы завиваются за ушами. Незнакомое лицо.

– Я не знаю тебя, – сказал Пейт.

– Я тебя тоже.

– Кто ты?

– Да никто.

Пейт, не найдя слов, достал ключ и вложил в ладонь незнакомца. Голова кружилась, точно у пьяного. Розы, напомнил он себе, и сказал:

– В расчете.

Он дошел до середины переулка, когда камни у него под ногами зашевелились. Они просто скользкие, подумал он, но дело было не в этом. Сердце в груди стучало как молот.

– Что такое? – сказал он, и ноги отказали ему. – Ничего не понимаю.

– И не поймешь, – грустно произнес кто-то.

Бульжники ринулись ему навстречу. Пейт хотел позвать на помощь, но и голос ему отказал.

Напоследок он успел подумать о Розы.

Пророк топил людей на Большом Вике, когда к нему приехали с вестью о смерти короля.

Утро было хмурое, холодное, со свинцовым небом и свинцовым морем. Первые трое бесстрашно отдали свои жизни Утонувшему Богу, но четвертый, веривший недостаточно сильно, начал барахтаться, когда ему не достало воздуха. Эйерон, стоя по пояс в воде, схватил голого парня за плечи и окунул с головой.

– Мужайся. Из моря мы вышли, в море вернемся. Открой рот и вкуси благословение бога. Наполни водой свои легкие, чтобы умереть и вновь возродиться. Не борись, это бесполезно.

Парень либо не слышал его под водой, либо совсем потерял веру. Он бился так, что Эйерону пришлось позвать на помощь. Еще четверо утопленников подошли и пособили ему удержать несчастного.

– Бог, утонувший за нас, – воззвал жрец глубоким, как море, голосом, – возроди раба твоего Эммонда из моря, как возродился ты сам. Благослови его солью, благослови его камнем, благослови его сталью.

Парень наконец перестал пускать пузыри, и сила покинула его тело. Эммонд всплыл лицом вниз, бледный, холодный и смиренный.

Лишь тогда Мокроголовый заметил, что к утопленникам на усыпанном галькой берегу прибавилось трое всадников. Эйерон узнал старого Спарра, остролицего, с водянистыми глазами – его шамкающий голос был законом в этой части Большого Вика. Старика сопровождали его сын Стеффарион и еще один юноша в темно-красном, подбитом мехом плаще. Плащ заколот черной с золотом пряжкой в виде боевого рога Гудбразеров – стало быть, это один из сыновей Горольда. Жена родила ему трех парней поздно, после целой дюжины дочек, и говорят, что их одного от другого не отличить. Эйерону, впрочем, и дела особого не было до того, кто такой этот – Грейдон, Горменд или Грен.

По команде жреца утопленники, взяв Эммонда за руки и за ноги, вынесли его на берег выше черты прилива. Эйерон шел за ними, прикрытый только набедренной повязкой из тюленьей кожи. Мокрый, весь в мурашках, он вновь ступил на сушу, на холодный песок и обкатанную морем гальку. Один из утопленников подал ему грубый домотканый хитон, выкрашенный в зеленые, синие и серые пятна – цвета моря и Утонувшего Бога. Эйерон оделся и выпростал наружу длинные черные волосы. Сталь ни разу не касалась их с тех пор, как он вышел живым из моря, – теперь они, как рваное покрывало, падали ниже пояса. В них и в косматой бороде запутались водоросли.

Утопленники, став кружком над телом, читали молитвы. Норьен сводил и разводил руки Эммонда, Рас сидел у него на груди. Когда подошел Эйерон, верующие расступились. Жрец развел пальцами холодные губы юноши и дал ему поцелуй жизни – раз, и другой, и третий, пока море не хлынуло у него изо рта. Парень закашлялся, начал плевать и раскрыл испуганные глаза.

Вот еще один вернулся – говорят, это знак особого расположения Утонувшего Бога. Все другие жрецы время от времени теряют своих прихожан, даже Тарл Трижды Тонувший, которого когда-то считали до того святым, что доверили ему короновать короля. Все, кроме Эйерона Грейджоя, Мокроголового. Он побывал в водяных чертогах самого бога и вернулся

на землю, чтобы рассказать о них.

– Встань, – велел он ожившему, хлопнув его по голой спине. – Ты утонул и вернулся к живым. То, что мертво, умереть не может.

– Но восстает, – зачастил парень, кашляя и отплевываясь. Речь давалась ему с трудом, но так уж устроен мир: чтобы выжить, нужно бороться. – Восстает вновь. – Эммонд, пошатываясь, поднялся на ноги. – Сильнее и крепче, чем прежде.

– Теперь ты принадлежишь богу, – сказал ему Эйерон. Другие утопленники награждали парня дружескими тычками и поцелуями, принимая его в свое братство. Один помог ему надеть пестрый домотканый хитон, другой вручил дубинку, сделанную из плавника. – Ты принадлежишь морю, и море вооружает тебя, – продолжал жрец. – Мы молимся за то, чтобы ты храбро сражался этим оружием против всех врагов нашего бога.

Лишь завершив обряд, он обратил внимание на трех всадников, наблюдавших за всем этим с высоты своих седел.

– Вы приехали, чтобы быть утопленными, милорды?

– Меня уже топили мальчонкой, – ответил Спarr, – и Стеффариона тоже, в день наречения имени.

Эйерон фыркнул. Нет сомнения в том, что Стеффариона вскоре после рождения посвятили Утонувшему Богу. Младенцев при этом окунают в купель с морской водой, едва смочив им волосики. Неудивительно, что Железных Людей, некогда правивших повсюду, где слышался шум прибоя, теперь бьют все и каждый.

– Это не настоящее утопление, – заявил жрец. – То, что не умрет, не может надеяться на возвращение к жизни. Зачем же вы здесь, если не для того, чтобы доказать свою веру?

– Сын лорда Горольда привез вам известие. – Спarr указал на молодого человека в красном плаще. На вид тому было лет шестнадцать, не больше.

– Который из них ты будешь? – спросил его Эйерон.

– Я Горменд. Горменд Гудбразер, с позволения вашей милости.

– Лишь Утонувший Бог может оказать нам милость. Тебя топили, Горменд Гудбразер?

– В день наречения имени. Отец послал меня за вами. Он хочет вас видеть.

– Ну что ж, вот он я. Лорд Горольд может приходить и любоваться мной, сколько ему угодно. – Эйерон взял у Раса кожаный мех со свежей морской водой, откупорил его и отпил глоток.

– Я должен доставить вас в замок, – настаивал молодой Горменд, не сходя с коня. Боится слезть, чтобы не замочить сапоги.

– Я занят божьим делом. – Эйерон не привык, чтобы мелкие лорды им помыкали.

– К Горольду прилетела птица, – сказал тогда Спarr.

– Мейстерская птица, с Пайка, – подтвердил Горменд.

Черные крылья, черные вести.

– Вороны летают над солью и камнем. Если вам нужно мне что-то сказать, говорите здесь.

– Эта весть предназначена только для твоих ушей, Мокроголовый, – ответил Спarr. – При других я не хочу говорить об этом.

– Эти «другие» – мои утопленники, слуги божьи, как и я сам. У меня нет от них секретов, как и от бога, у чьих священных вод я стою.

Всадники переглянулись.

– Скажи ему, – сказал Спarr. Юноша в красном плаще собрался с духом и брякнул без

всяких обиняков:

– Король умер.

Всего два слова, но самое море всколыхнулось, когда он их произнес.

Четверо королей было в Вестеросе, но Эйерон и не спрашивая знал, о ком речь. Железными островами правил Бейлон Грейджой и никто иной. Король умер... как это возможно? И одной луны не прошло, как Эйерон виделся со своим старшим братом, вернувшись после набега на Каменный Берег. Седые волосы Бейлона наполовину побелели, пока его не было, и сгорбился он еще сильнее, чем прежде, но при всем при том совсем не казался больным.

Жизнь Эйерона Грейджоя держалась на двух могучих столпах, и два коротких слова только что подкосили один из них. Теперь у меня остался только Утонувший Бог. Да сделает он меня таким же сильным и неутомимым, как море.

– Расскажите мне, как умер мой брат.

– Его величество упал с моста на Пайке и разбился о скалы внизу.

Твердыня Грейджоев стоит на утесах, торчащих из моря. Ее строения и башни соединяются между собой мостами – и каменными, и веревочными, с настилом из досок.

– Это случилось во время шторма? – спросил Эйерон.

– Да, – сказал юноша.

– Штормовой Бог низверг его в пучину, – объявил жрец. Тысячу тысяч лет между морем и небом идет война. Море породило Железных Людей и рыбу, которая питает их даже зимой, штормы же порождают только горе и скорбь. – Мой брат Бейлон вернул нам былое величие, и это разгневало Штормового Бога. Теперь брат пирует в водных чертогах Утонувшего Бога, и служат ему русалки. Его труд предстоит завершить нам, оставшимся в этой сухой и унылой юдоли. – Жрец снова закупорил пробкой мех с водой. – Я поговорю с твоим лордом-отцом. Далеко ли отсюда до Хаммерхорна?

– Шесть лиг. Вы можете сесть со мной на коня.

– Один скачет быстрее, чем двое. Отдай мне своего коня, и да благословит тебя Утонувший Бог.

– Возьмите моего, – предложил Стеффарион Спarr.

– Нет. У него конь сильнее. Слезай, парень.

Юноша, чуть-чуть поколебавшись, слез и взял коня под уздцы. Эйерон поставил босую темную ногу в стремя и сел. Он не жаловал лошадей – твари с зеленых земель, одно баловство от них, – но необходимость вынуждала его ехать верхом. Черные крылья, черные вести. Он чувствовал, что надвигается шторм, а штормы приносят одно только зло.

– Ждите меня в Пebbлтоне, у башни лорда Мерлина, – сказал он утопленникам, поворачивая коня.

Узкая тропа, то и дело исчезающая под копытами, вела через холмы, леса и каменистые ущелья. Большой Вик, самый крупный из Железных островов, так велик, что из некоторых господских поместий священного моря вовсе не видно. Взять хоть Горольда Гудбразера – его замок стоит в Гольцах, так далеко от царства Утонувшего Бога, как только возможно на островах. Люди Горольда работают в рудниках, глубоко под землей, – кое-кто так и умирает, ни разу не увидав соленой воды. Надо ли удивляться тому, что они и на людей-то мало похожи?

В пути Эйерон думал о своих братьях.

У Квеллона Грейджоя, властителя Железных островов, было девять сыновей. Харлон,

Квентон и Донел родились от первой жены, Стонтри. Бейлон, Эурон, Виктарион, Урригон и Эйерон – от второй, из рода Сандерли с Солтклифа. В третий раз лорд Квеллон женился на девице с зеленых земель, которая родила ему хворого и слабоумного сына по имени Робин, о котором лучше забыть. Квентона и Донела, умерших в младенчестве, жрец тоже не помнил, Харлона вспоминал смутно – тот, серолицый, сидел в башне без окон и разговаривал шепотом, а потом и вовсе умолк, когда серая хворь превратила в камень его язык и губы. Когда-нибудь мы попируем в чертогах Утонувшего Бога, думал Эйерон, – мы четверо и Урри.

Девять сыновей родилось от Квеллона Грейджоя, но только четверо из них дожили до взрослых лет. Таков этот холодный край, где мужчины рыбачат в море, копают землю и умирают, а женщины рожают в муках недолговечных детей. Эйерон – последний и самый слабый из четырех кракенов^[1], Бейлон – самый старший и самый отважный, живший ради того, чтобы вернуть островитянам древнюю славу. В десять лет он взобрался по Кремневым Утесам к проклятой башне Слепого Лорда, в тринадцать ворочал веслом и плясал боевой танец не хуже, чем взрослый мужчина. В пятнадцать он отплыл с Дагмером Щербатым на Ступени, где пиратствовал все долгое лето. Там он впервые убил и взял себе первых двух морских жен. В семнадцать Бейлон стал капитаном собственного корабля. Настоящий старший брат, всегда смотревший на Эйерона презрительно. «Я был слаб и грешен, – думал Эйерон, – ничего другого я не заслуживал». Лучше, когда тебя презирает Бейлон Смелый, чем когда тебя любит Эурон Вороний Глаз. Годы и беды ожесточили Бейлона, но они же придали ему железную решимость, в которой никто с ним сравниться не мог. Он родился сыном лорда, а умер королем от руки ревнивого бога. Теперь его не стало, и надвигается шторм, которого еще не ведали острова.

Уже давно стемнело, когда жрец увидел вдали железные укрепления Хаммерхорна, когтями вцепившиеся в восходящий месяц. Камни для постройки замка Горольда добывали из того же утеса, на котором замок стоял. Ниже его стен зияли черными беззубыми ртами пещеры и входы в старые рудники. Железные ворота Хаммерхорна уже заперли на ночь. Эйерон стучал в них камнем, пока ему не открыли.

Юноша, впусивший его, как две капли воды походил на Горменда, у которого жрец забрал коня.

– Ты кто? – спросил его Эйерон.

– Грен. Отец ждет вас.

В зале, сыром и мрачном, гуляли сквозняки. Одна из дочерей Горольда подала Эйерону рог с элем, другая поворошила слабый огонь, дающий больше дыма, чем тепла. Сам Горольд Гудбразер разговаривал с худощавым человеком, одетым в серое, с цепью из многих металлов на шее, – мейстером Цитадели.

– А Горменд где? – спросил Горольд при виде нового гостя.

– Он вернется пешком. Отошли своих женщин, милорд, и мейстера тоже. – Эйерон не любил мейстеров. Их вороны – создания Штормового Бога, а их лекарскому искусству он перестал доверять после случая с Урри. Ни один настоящий мужчина не выберет подневольную жизнь и не наденет на себя цепь слугителя.

– Гизелла, Гвин, оставьте нас, – приказал Гудбразер. – Ты тоже, Грен. Мейстер Маренмур останется здесь.

– Пусть он тоже уйдет, – настаивал Эйерон.

– Это мой дом, Мокроголовый, и не тебе в нем распоряжаться. Мейстер останется.

Он живет слишком далеко от моря, подумал Эйерон.

– Тогда уйду я, – сказал он и пошел прочь. Тростник на полу шуршал под растрескавшимися подошвами его босых черных ног. Как видно, он зря проделал весь этот путь.

Он уже почти добрался до двери, когда мейстер откашлялся и сказал:

– На Морском Троне сидит Эурон Вороний Глаз.

Мокроголовый, охваченный внезапным холодом, обернулся.

Вороний Глаз сейчас должен быть за полмира отсюда. Бейлон отослал его прочь два года назад и поклялся, что тот не будет жить, если вернется.

– Говори, – хрипло произнес жрец.

– Он прибыл в Лордпорт на другой день после кончины короля и потребовал себе замок и корону как старший из братьев Бейлона, – заговорил Горольд. – Теперь он рассылает воронов, созывая капитанов и лордов со всех островов на Пайк. Они должны склонить перед ним колени и присягнуть ему как своему королю.

– Нет, – не задумываясь над своими словами, возразил Эйерон. – Только благочестивый человек может сидеть на Морском Троне. Вороний Глаз не поклоняется ничему, кроме своей гордыни.

– Ты был недавно на Пайке и виделся с королем, – заметил Гудбразер. – Говорил он тебе что-нибудь о порядке престолонаследия?

Да, говорил. Они вели этот разговор в Морской башне. Ветер выл за окнами, волны плескались внизу. Бейлон в отчаянии понурил голову, услышав от Эйерона рассказ о своем последнем оставшемся в живых сыне. «Волки сделали его слабым, как я и боялся, – сказал король. – Молю бога, чтобы его убили и он не стоял больше на пути у Аши». На этот счет Бейлон был слеп: он видел себя в своей буйной, упрямой дочери и верил, что она станет его наследницей. Он заблуждался, и Эйерон пытался разубедить его. «Ни одна женщина, даже такая, как Аша, не будет править Железными Людями», – заявил он, но Бейлон был глух к тому, чего не желал слышать.

Не успел Эйерон ответить Гудбразеру, мейстер снова заговорил:

– Морской Трон по праву принадлежит Теону – или Аше, если принц умер. Таков закон.

– Закон зеленых земель, – презрительно бросил Эйерон. – Что он для нас? Мы Железные Люди, сыны моря, избранники Утонувшего Бога. Ни одна женщина и ни один нечестивец не могут быть нашими правителями.

– Ну а Виктарион? – спросил Горольд. – Он командует Железным Флотом. Будет ли он претендовать на трон, Мокроголовый?

– Эурон старше... – начал было мейстер, но Эйерон утихомирил его одним взглядом. В рыбацких деревнях и в господских замках от взгляда Мокроголового девицы падали в обморок, а дети с визгом кидались к матерям – что уж говорить о рабе с цепью на шее.

– Эурон старше, зато Виктарион набожнее, – сказал жрец.

– Значит, между ними будет война? – спросил мейстер.

– Железные Люди не должны проливать кровь Железных Людей.

– Достойное убеждение, Мокроголовый, – вмешался Гудбразер, – но твой брат не разделяет его. Он утопил Сейвина Ботли за слова о том, что трон по праву принадлежит Теону.

– Если его утопили, крови не пролилось, – заметил Эйерон.

Лорд и мейстер переглянулись.

– Мне нужно отправить на Пайк ответ, и скоро, – сказал Гудбразер. – Дай мне совет,

Мокроголовый: признавать нового короля или нет?

Я видел шторм, и его имя – Эурон Вороний Глаз, подумал Эйерон, запустив пальцы в бороду.

– Не отвечай пока ничего. Мне нужно помолиться.

– Сколько бы вы ни молились, закон от этого не изменится, – упорствовал мейстер. – Законный наследник – Теон, а следом за ним идет Аша.

– Молчать! – взревел Эйерон. – Слишком долго на островах слушали бляение цепных мейстеров о зеленых землях и тамошних законах. Пора нам снова прислушаться к морю. Пора прислушаться к голосу бога. – Его собственный голос в дымном зале гремел так властно, что ни Горольд, ни его мейстер не осмелились возразить. *Утонувший Бог со мной*, подумал Эйерон. *Он указывает мне путь*.

Гудбразер предложил ему заночевать в замке, но жрец отказался. Он редко спал в замках, тем более так далеко от моря.

– Я обрету кров в подводных чертогах Утонувшего Бога. Мы рождены для страданий, и они придают нам силу. Мне нужен только свежий конь, чтобы доехать до Пибблтона.

Гудбразер охотно предоставил ему коня и послал своего сына Грейдона показать жрецу кратчайшую дорогу к морю. Рассвет еще не настал, когда они выехали, но крепкие кони даже в темноте ступали уверенно. Эйерон, закрыв глаза, прочел тихую молитву и вскоре начал дремать в седле.

«Урри», – промолвил он, услышав скрип ржавых дверных петель, и очнулся. Здесь нет двери, нет Урри. Топорик, летящий по воздуху, отсек Урри половину пальцев на руке в четырнадцать лет, когда он плясал боевой танец. Отец со старшими братьями тогда ушел на войну. Третья жена лорда Квеллона была урожденная Пайпер из Замка Розовой Девы, с большой мягкой грудью и карими глазами лани. Вместо того чтобы лечить Урри по-старому, огнем и морской водой, она прибегла к помощи своего мейстера, который клялся, что пришьет отрубленные пальцы назад. Он в самом деле пришил их и стал пользоваться Урри своими травами да примочками. Но кисть руки омертвела, началась горячка. Пришлось мейстеру отпилить напрочь всю руку, но было уже поздно.

Лорд Квеллон так и не вернулся домой из того последнего похода – Утонувший Бог по милости своей взял его к себе в море. Вместо него вернулся молодой лорд Бейлон с братьями Эуроном и Виктарионом. Услышав о том, что случилось с Урри, Бейлон кухонным тесаком отрубил мейстеру три пальца и велел своей мачехе пришить их. Травы с примочками помогли мейстеру не больше, чем Урри. Он умер в мучениях, а третья жена лорда Квеллона вскоре последовала за ним, родив мертвую дочь. Эйерон порадовался этому. Тот танец они плясали вместе, как подобает братьям, и топорик, искалечивший Урри, принадлежал ему.

Годы после смерти Урри он до сих пор вспоминал со стыдом. В шестнадцать лет он полагал себя мужчиной, но на деле был ходячим винным бурдюком. Он пел и плясал (хотя топора больше никогда не брал в руки), он кривлялся, насмешничал и скоморошничал. Он играл на волынке, жонглировал, скакал верхом и мог выпить больше, чем все Винчи, Ботли и половина Харло. Утонувший Бог каждому дает какой-то талант, дал и ему: Эйерон Грейджой умел пускать струю дольше и дальше всех, что доказывал на каждом пиру. Однажды он поставил свою ладью против стада коз, поспорив, что за один раз погасит этим очаг. Спор он выиграл и целый год объедался козлятиной, а ладью назвал «Золотой шторм», хотя Бейлон грозился повесить его на мачте, узнав, чем братец вознамерился украсить нос своего корабля.

«Золотой шторм» затонул у Светлого острова во время первого восстания Бейлона,

перерезанный пополам мощной боевой галеей «Ярость». Станнис Баратеон заманил Виктариона в ловушку и расколотил весь Железный Флот. Но бог пощадил Эйерона и вынес его на берег. Рыбаки взяли его в плен, заковали в цепи, привели в Ланниспорт, и остаток войны он провел в подземельях Бобрового Утеса, доказывая, что кракены способны пускать струю дольше и дальше, чем львы, вепри и куры.

Тот человек теперь умер. Утонув и возродившись из моря, Эйерон стал пророком Утонувшего Бога. Ни один смертный больше не вызывает в нем страха... и ночная тьма тоже, и воспоминания, что служат душе костяком. Скрип заржавленных дверных петель... Эурон вернулся опять, но это ничего. Он теперь жрец, Мокроголовый, избранник бога.

– Неужели у нас будет война? – спросил Грейдон Гудбразер, когда солнце осветило холмы. – И брат пойдет на брата?

– Если будет на то воля Утонувшего Бога. Не может нечестивец сидеть на Морском Троне. – Вороний Глаз, само собой, без борьбы не уступит, и ни одна женщина, даже Аша, не сможет его победить. Женщины созданы для собственных битв на родильном ложе. От Теона, если он жив, тоже толку мало – мальчишка только и может, что дуться или улыбаться. В Винтерфелле он, правда, показал себя, но Вороний Глаз – не мальчик-калека. Палубы его корабля выкрашены красным, чтобы пролитая кровь не бросалась в глаза. Виктарион. Вот кто должен стать королем, иначе шторм никого не оставит в живых.

Грейдон оставил его, когда взошло солнце, – юноше предстояло сообщить о смерти короля своим родственникам в Расселине, Вороньем Шпиле и Мертвом Озере. Эйерон поехал дальше один, поднимаясь на холмы и спускаясь в долины по каменистой тропе, которая по мере приближения к морю становилась все более широкой и наезженной. В каждой деревне и в каждой усадьбе мелкого лорда он останавливался, чтобы произнести проповедь.

– Из моря мы рождены и в море вернемся, – говорил он. Его голос, глубокий, как океан, гремел, как прибой. – Штормовой Бог в гневе своем низверг Бейлона со скал, и теперь он пирует в чертогах Утонувшего Бога. Бейлон умер! – воздевая руки, вещал Эйерон. – Король умер, но он вернется! То, что мертво, умереть не может – оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде. Король восстанет!

Некоторые из тех, кто его слышал, бросали свои кирки и мотыги и шли за ним. Когда он услышал шум волн, за его конем следовали около дюжины человек, просветленных богом и возжелавших утопления.

В селении Пebbлтон жили несколько тысяч рыбаков, чьи хижины лепились вокруг приземистого дома-башни с маленькой башенкой на каждом углу. Двадцать утопленников Эйерона раскинули на сером песчаном берегу свои шалаши из плавника и тюленьих шкур. Их руки, загрубевшие от соли, от сетей и лесок, от весел, кирок и топоров, теперь держат прочные, как железо, палицы, которыми снабдил их сам бог из своего подводного арсенала.

Укрытие для жреца поставили чуть выше черты прилива. Благополучно утопив новообращенных, он благодарно залез туда. «О мой бог, – молился он, – поговори со мной в рокоте волн и скажи мне, что делать. Капитаны и лорды ждут твоего слова. Кто будет у нас королем после Бейлона? Пусть кит, великан морей, пропоет мне его имя. Скажи мне, о подводный наш властелин, у кого есть сила сразиться со штормом на Пайке?»

Поездка в Хаммерхорн утомила его, но жрец не находил покоя в своем шалаше, крытом черными водорослями. Тучи закрыли луну и звезды. Над морем лежала тьма, как и у него на душе. Бейлон выбрал бы Ашу, плоть от плоти своей, но женщина не может править

Железными Людьми. Здесь нужен Виктарион. Девять сыновей было у Квеллона Грейджоя, и Виктарион самый сильный из них, настоящий бык, бесстрашный и верный долгу. Вот то-то и оно. Младший брат должен повиноваться старшему, а Виктарион не такой человек, чтобы пойти против обычая. Хотя Эурона он невзлюбил уже давно, после смерти той женщины.

За храпом утопленников и воем ветра он слышал, как бьются о берег волны – молот бога, зовущего его на битву. Эйерон вылез из шалаша на холод, обнаженным постоял на ветру – бледный, высокий, костистый – и вошел в соленое черное море. Вода обжигала холодом, но он даже не поморщился, принимая ласку своего бога. Волна ударила его в грудь и повалила, следующая разбилась над его головой. Он чувствовал соль на губах. Бог окружал его со всех сторон, и его величаяя песнь звенела в ушах Эйерона. Девять сыновей родилось от Квеллона Грейджоя, и он был самым ничтожным из них, слабым и боязливым, как девочка. Но тот человек утонул, и бог дал силу вышедшему из моря. Холодное море обнимало его, пронизывало до костей слабую человеческую плоть. Кости... Кости души. Кости Бейлона и Урри. Правда заключена в костях, ибо плоть разлагается, а кость остается. Кости чертогов Серого Короля до сих пор стоят на холме Нагги.

Эйерон Мокроголовый, бледный, костистый и дрожащий, вышел на берег мудрее, чем был, когда входил в море. Он нашел ответ в своих костях, и путь открылся ему. Было так холодно, что его тело точно дымилось, когда он шел назад к шалашу, но в его сердце пылал огонь, и он в кои-то веки заснул сразу, не слыша больше скрипа заржавленных петель.

Когда он проснулся, стоял ясный ветреный день. Эйерон утолил голод похлебкой из моллюсков и водорослей, состряпанной на костре. Как только он доел, к нему из башни с полудюжиной стражников вышел Мерлин.

– Король умер, – сказал лорду Мокроголовый.

– Да. Ко мне прилетала птица. А теперь еще одна прилетела. – Лысый дородный Мерлин одевался в меха и бархат, как это заведено у лордов зеленых земель. – Один ворон вызывает меня на Пайк, другой – в Десять Башен. У вас, кракенов, много щупальцев – так и норовите человека на куски разорвать. Что скажешь ты, жрец? Куда я должен отправить свои лады?

– В Десять Башен, говоришь? – нахмурился Эйерон. – Кто из кракенов вызывает тебя туда? – Десять Башен были поместьем лорда Харло.

– Принцесса Аша. Они направила свои паруса к дому. Чтец рассылает воронов, созывая всех ее друзей к Харло. По его словам, Бейлон желал, чтобы на Морском Троне сидела она.

– Утонувший Бог сам решит, кому сидеть на Морском Троне. Стань на колени, чтобы я мог благословить тебя. – Лорд Мерлин повиновался, и Эйерон, откупорив свой мех, полил соленой водой ему на лысину. – Бог, утонувший за нас, возроди раба своего Мелдред из моря. Благослови его солью, благослови его камнем, благослови его сталью. – Вода, стекая по толстым щекам Мерлина, намочила его бороду и мантию на лисьем меху. – То, что мертво, умереть не может – оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде. – Лорд встал, и Эйерон сказал ему: – Остайся и послушай, чтобы передать слово божье другим.

Мокроголовый взошел на гранитный валун, о который разбивались волны, чтобы все его ученики могли видеть и слышать его.

– Из моря мы вышли и в море вернемся, – начал он в сотый раз. – Штормовой Бог в гневе своем низверг Бейлона со скал, и теперь он пирует в подводных чертогах. – Жрец воздел руки к небу. – Железный король умер, но он вернется! Ибо то, что мертво, умереть не может, но восстает вновь, сильнее и крепче прежнего!

– Король восстанет! – хором отозвались утопленники.

– Он восстанет, ибо должен восстать. Но кто он? – Эйерон помолчал, но ответили ему только волны. – Кто будет нашим королем?

Морские палицы застучали одна о другую.

– Мокроголовый! – вскричали утопленники. – Эйерон наш король!

Жрец покачал головой.

– Если отец дает одному сыну топор, а другому невод, кого он предназначает в воины?

– Топор для воина, – ответил Рас, – невод для рыбака.

– Верно. Бог увлек меня глубоко под воду и утопил никчемного бездельника, которым я был. Вернув меня назад, он дал мне глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и голос, чтобы нести его слово людям. Он сделал меня своим пророком, дабы я учил истине тех, кто забыл ее. Я не создан для того, чтобы сидеть на Морском Троне... как не создан и Эурон Вороний Глаз. Я слышал бога, и он говорит: «Не будет нечестивец сидеть на моем троне!»

Мерлин скрестил руки на груди.

– Кто же тогда? Аша? Или Виктарион? Скажи нам, жрец!

– Утонувший Бог скажет вам кто, но не здесь. – Эйерон протянул палец к жирному белому лицу Мерлина. – Вопрошайте не меня и не законы людские – вопрошайте море. Подними паруса, милорд, опусти весла на воду и отправляйся на Старый Вик вместе с другими капитанами и лордами. Не на Пайк, чтобы склониться перед нечестивым, и не на Харло, чтобы строить козни вместе с женщиной. Правь к Старому Пайку, где стоят чертоги Серого Короля. Именем Утонувшего Бога велю вам: покиньте ваши дома, покиньте хижины и замки и придите на холм Нагги, чтобы собрать там вече!

– Вече? – изумился Мерлин. – Его не созывали уже...

– Слишком долго! – гневно выкрикнул Эйерон. – Но на заре времен Железные Люди всегда прибегали к нему, останавливая свой выбор на самом достойном. Пора нам вернуться к старому закону – он, и только он, вернет нам былую славу. На вече в свое время избрали Урраса Железную Ногу и увенчали его короной из плавника. И Сайласа Плосконосого, и Харрага Седого, и Старого Кракена. Король, избранный на этот раз, завершит дело, начатое Бейлоном, и отвоюет нашу свободу. Повторяю вам: плывите не на Пайк и не на Харло, но на Старый Вик. Ступайте к Нагге, к чертогам Серого Короля. Там, в этом священном месте, когда луна утонет и вновь возродится из моря, выберем мы себе достойного, благочестивого короля. – Жрец снова воздел высоко свои костлявые руки. – Внемлите волнам! Внемлите голосу бога! Он говорит нам: «Да не будет у вас короля, кроме избранного!»

Утопленники взревели и застучали палицами.

– Вече! Вече! – кричали они. – Да не будет короля, кроме избранного! – Они подняли такой шум, что Вороний Глаз, не иначе, слышал его на Пайке, а злобный Штормовой Бог – в своих облачных чертогах. И Эйерон Мокроголовый знал, что поступил правильно.

– Красные апельсины давно перезрели, – устало заметил принц, когда капитан вывез его на террасу, и больше не проронил ни слова.

Насчет апельсинов он верно сказал. Несколько штук упало и лопнуло на бледно-розовом мраморе. Их острый сладкий запах наполнял ноздри Хотаха при каждом вдохе. Принц, без сомнения, тоже чувствует этот запах, сидя под деревьями в кресле, которое сделал для него мастер Калеотт, – подушки на сиденье набиты гусиным пухом, колеса из черного дерева окованы железом.

Тишина – слышно только, как плещутся дети в прудах и фонтанах. Потом на террасу шлепнулся еще один плод, и капитан услышал издали, как чьи-то сапоги, ступая по мрамору, приближаются к ним. Обара – он узнал ее походку, ее широкие, торопливые, гневные шаги. Ее конь, должно быть, весь в мыле, и бока у него окровавлены от ее шпор. Она ездит только на жеребцах и будто бы хвасталась, что способна укротить любого коня в Дорне... как и любого мужчину. Капитан слышал также другие шаги, мягкие и шаркающие, – это мастер Калеотт поспешал за Обарой.

Она всегда ходит чересчур быстро. «Гонится за тем, что ей никогда не поймать», – сказал как-то принц своей дочери в присутствии капитана.

Когда она появилась под тройной аркой, Арео Хотах загородил ей дорогу своей секирой. Древко из горного ясеня насчитывало в длину шесть футов, и она не могла его обойти.

– Ни шагу дальше, миледи, – громыхнул он со своим норвосским акцентом. – Принц не желает, чтобы его беспокоили.

Ее лицо, и без того каменное, сделалось еще тверже.

– С дороги, Хотах. – Обара – старшая из песчаных змеек, ей уже под тридцать, кость у нее широкая, глаза близко посажены, а волосы бурые, как у той староместской шлюхи, что ее родила. Под желто-золотистым плащом из песчаного шелка она вся одета в старую, мягкую, потертую кожу – больше ничего мягкого у нее не найти. На одном бедре свернутый в кольцо кнут, за спиной круглый стальной щит, отделанный медью. Копье она оставила снаружи – и на том спасибо. При всей ее силе и ловкости с Арео ей, конечно, не сладить, но она в отличие от него этого не понимает, а ему не хотелось бы увидеть ее кровь на бледно-розовом мраморе.

Мейстер переступил с ноги на ногу.

– Я же говорил вам, леди Обара...

– Он знает, что мой отец мертв? – спросила Обара у капитана, обращая на мастера не больше внимания, чем на муху – если бы нашлась муха, достаточно глупая, чтобы жужжать над ее головой.

– Знает, – сказал капитан. – К нему прилетала птица.

Смерть прилетела в Дорн на крыльях ворона, туго свернутая и запечатанная красным воском. Калеотт, видимо, чуял, о чем говорится в письме, потому что отдал его Хотаху для доставки. Принц поблагодарил его, но письма не открывал долго, очень долго. Весь день до самого вечера он сидел с пергаментом на коленях и смотрел, как играют дети. С наступлением вечерней прохлады, когда его обычно увозили с террасы в дом, он стал смотреть на отражение звезд в воде. Лишь после восхода луны он послал Арео за свечой, чтобы прочесть письмо там, в темноте, под апельсиновыми деревьями.

Обара опустила руку на кнут.

– Тысячи людей идут через пески к Костяному Пути, чтобы встретить Элларию, везущую домой тело моего отца. Септы переполнены, красные жрецы зажгли храмовые костры. Женщины в перинных домах обслуживают мужчин бесплатно. Повсюду, повсюду – в Солнечном Копье, на Перебитой Руке, на Зеленой Крови, в горах, в глубине пустыни – женщины рвут на себе волосы, а мужчины кричат от ярости. Один вопрос звучит на всех языках: как поступит Доран? Как намерен принц отомстить за своего убитого брата? А ты говоришь мне, что его нельзя беспокоить!

– Он не желает, чтобы его беспокоили, – повторил Арео Хотак.

Капитан был ровесником принца, которого охранял. Когда-то он приехал сюда из Норвоса плечистым юнцом с копной темных волос. Теперь его волосы побелели, а тело отмечено шрамами после множества битв, но сила осталась при нем, и секиру он точит остро, как учили его бородатые жрецы. «Я не пушу ее», – сказал он себе, а вслух произнес:

– Принц смотрит, как играют дети, и в это время тревожить его не позволено никому.

– Хотак, – сказала Обара Сэнд, – уйди с дороги, иначе я отберу у тебя секиру и...

– Пропусти ее, капитан. Я поговорю с ней, – хриплым голосом распорядился внезапно принц.

Арео убрал секиру и отступил. Обара, злобно поглядев на него напоследок, прошла мимо, мейстер заторопился за ней. Росточком Калеотт не выше пяти футов и лыс, как яйцо. Возраст по гладкому круглому лицу определить трудно, но он служил здесь еще до капитана, когда мать принца была жива. Несмотря на годы и толщину, он еще довольно прыток, и ума у него палата, вот только характер мягкий. С песчаной змеей такому не справиться.

Принц сидел на своем кресле в тени апельсиновых деревьев – больные ноги составлены ровно, под глазами набрякли мешки, – но трудно сказать, что послужило причиной его бессонницы: горе или подагра. Дети все так же плескались в воде. Младшим из них не больше пяти, старшим лет девять-десять. Девочек и мальчиков поровну. Хотак слышал, как они брызгаются и кричат тонкими голосками.

– Давно ли и ты там играла, Обара, – сказал принц женщине, преклонившей колено перед его креслом.

– Давно. Лет двадцать, не меньше, – отрезала она. – Притом я недолго здесь пробыла. Я ведь отродье шлюхи, забыли? – Не дождавшись ответа, Обара встала и уперла руки в боки. – Мой отец убит.

– Он погиб в поединке, при испытании боем. Закон не считает это убийством.

– Он был вашим братом.

– Да, был.

– Что вы намерены предпринять по поводу его смерти?

Принц повернул свое кресло лицом к Обаре. Доран Мартелл выглядит намного старше своих пятидесяти двух лет. Тело под полотняной одеждой кажется бесформенным, на ноги с распухшими и покрасневшими от подагры суставами лучше не смотреть вовсе. Левое колено похоже на яблоко, правое – на дыню, пальцы ног превратились в переспевшие темно-красные виноградины: тронь – и они лопнут. Даже прикосновение легкого покрывала вызывает у него боль, хотя он терпит ее без жалоб. «Молчание – друг принцев, – сказал он как-то своей дочери. – Слова, Арианна, подобны стрелам. Пустив их, назад уже не вернешь».

– Я написал лорду Тайвину... – начал Доран.

– Написал? Будь ты хотя бы наполовину таким же, как мой отец...

– Я не твой отец.

– Это мне известно, – с величайшим презрением молвила Обара.

– Ты бы хотела, чтобы я выступил на войну.

– Где уж там. Ты даже с этого кресла не встанешь. Позволь *мне* отомстить за отца. На Принцевом перевале у тебя стоит войско, у лорда Айронвуда на Костяном Пути – еще одно. Отдай мне одно из них, а Ним – другое. Она пойдет по Королевскому тракту, а я выгоню марочных лордов из замков и двинусь с ними на Старомест.

– И как же ты думаешь удержать Старомест?

– Мне хватит нескольких дней, чтобы разграбить его. Богатства Хайтауэров...

– Ты хочешь золота?

– Я хочу крови.

– Лорд Тайвин пришлет мне голову Горы.

– А кто пришлет нам голову лорда Тайвина? Гора всегда был его любимчиком, о чем ты прекрасно знаешь.

Принц показал на пруды.

– Будь так любезна, Обара, посмотри на детей.

– Не желаю быть любезной. У меня другое желание: вогнать копьё в брюхо Тайвина. И поискать золото в его кишках под песню «Рейны из Кастамере».

– Посмотри на них, – повторил принц. – Я приказываю.

Несколько детей постарше загорали, лежа лицом вниз на розовом мраморе, другие барахтались в море. Трое строили из песка замок с высоким шпилем наподобие башни Копье в Старом дворце. Не меньше двадцати ребятишек плескались в большом пруду – маленькие, сидя на плечах у больших, старались спихнуть друг дружку в воду. Каждое падение сопровождалось громким хохотом. Одна девочка, орехово-смуглая, как раз в это время сдернула белобрысого мальчугана с плеч его брата.

– Твой отец когда-то тоже играл так, а до него и я, – сказал принц. – Между нами десять лет разницы, и я ушел отсюда, когда он только дорос до игры, но я наблюдал за ним, когда приезжал к матушке. Он даже в детстве был злым. И быстрым, как водяная змея. Зачастую он скидывал в воду мальчиков намного больше себя. Он напомнил мне об этом в тот день, когда уезжал в Королевскую Гавань. И поклялся, что сделает то же самое снова. Иначе я ни за что не отпустил бы его.

– Не отпустил бы? – засмеялась Обара. – Как будто ты мог его удержать. Красный Змей Дорна всегда поступал как хотел.

– Да, верно. Я хотел бы найти какие-то слова утешения...

– Я не за утешением пришла к тебе, – все так же презрительно процедила Обара. – Когда мой отец явился за мной, мать ему воспротивилась. «Она девочка, – говорила мать, – и вряд ли она твоя дочь. У меня было с тысячу других мужчин». Он бросил свое копьё мне под ноги и ударил мать по лицу так, что она расплакалась. «Мальчики или девочки, мы все ведем свои битвы, но выбор оружия боги предоставляют нам самим». Сказав это, он указал на копьё и на слезы матери – и я подняла копьё. «Я же говорил, что она моя», – сказал отец и забрал меня. Через год мать упилась до смерти. Говорят, она плакала, когда умирала. – Обара подступила к самому креслу. – Позволь мне сразиться копьём – большего я не прошу.

– Это серьезная просьба, Обара. Я должен с ней переспать.

– Ты и так уже спал слишком долго.

– Возможно, ты и права. Я пришлю тебе весть в Солнечное Копье.

– Весть о войне – другой мне не надо. – Обара повернулась на каблуках и удалилась столь же гневно, как и пришла, – чтобы взять на конюшне свежего жеребца и пустить его вскачь.

– Вы чувствуете боль в ногах, мой принц? – спросил оставшийся на террасе мейстер.

– Спроси еще, жарко ли греет солнце, – со слабой улыбкой ответил Доран.

– Принести вам питье?

– Нет. Я нуждаюсь в ясном уме.

– Мой принц, стоило ли... – нерешительно промолвил мейстер, – стоило ли разрешать леди Обаре вернуться в Солнечное Копье? Она наверняка будет разжигать простолюдинов своими речами. В народе ваш брат пользовался любовью.

– Как и у всех нас. – Принц прижал пальцы к вискам. – Впрочем, ты прав. Надо и мне вернуться в Копье.

– Благоразумно ли это? – засомневался мейстер.

– Нет, однако необходимо. Пошли гонца – пусть велит Рикассо открыть мои покои в Солнечной башне и уведомят мою дочь Арианну, что я буду там завтра.

Моя маленькая принцесса... Капитан очень скучал по ней.

– Вас увидят, – предостерег мейстер.

Капитан понимал, о чем он. Два года назад, когда они покинули Солнечное Копье ради покоя и уединения Водных Садов, Доран был еще совсем не так плох. Тогда он еще ходил, хоть и медленно, опираясь на палку и гримасничая на каждом шагу. Принц не желал показывать врагам свою нынешнюю слабость, а ведь в Старом дворце и примыкающем к нему городе полным-полно глаз. Глаз и ступеней, которые он одолеть не сможет, думал капитан. Ему пришлось бы взлететь, чтобы добраться до вершины Солнечной башни.

– Пусть видят. Нужно же кому-то вылить масло на бурные воды. Дорну следует напомнить, что у него пока еще есть принц – пусть даже этот принц стар и разбит подагрой.

– В Солнечном Копье вам придется дать аудиенцию принцессе Мирцелле. С ней будет ее белый рыцарь, а он, как вам известно, исправно пишет своей королеве.

– Не сомневаюсь.

Белый рыцарь... Капитан нахмурился. Сир Арис приехал в Дорн со своей принцессой, как он, Арео Хотак, когда-то со своей. Даже имена у них до странности схожи: Арео и Арис, но на этом и конец сходству. Капитан навсегда оставил Норвос и его бородатых жрецов, а сир Арис Окхарт до сих пор служит Железному Трону. Хотак, бывая по делам принца в Солнечном Копье, всегда с некоторой грустью смотрел на этого человека в длинном белоснежном плаще. Он предчувствовал, что им когда-нибудь придется сразиться и что в этот день его секира раздробит череп белому рыцарю. Быть может, этот день уже недалек, подумал капитан, скользнув пальцами по гладкому ясеневому древку.

– Скоро уже и вечер, – сказал принц. – Дождемся утра. Позаботься, чтобы к рассвету мои носилки были готовы.

– Как прикажете. – Мейстер поклонился и поспешно ушел. Хотак слушал, как удаляются его шаги.

– Капитан, – тихо окликнул принц.

Арео подошел. Древко в кулаке было шелковистым, как женская кожа. Капитан стукнул им об пол, давая знать, что он здесь, но принц по-прежнему смотрел только на детей.

– Были у тебя братья, капитан? Там, в Норвосе, когда ты еще был молод? Или сестры?

– Да. Два брата, три сестры. Я был самым младшим. – Младшим и нежеланным.

Лишний рот, большой парень, который слишком много ел и быстро вырос из своих одежек. Неудивительно, что его продали бороатым жрецам.

– А я был старшим, но Морс и Оливар умерли еще в колыбели, и я не надеялся больше, что у меня будут братья. Мне было девять, когда родилась Элия, и я служил оруженосцем на Соленом Берегу. Когда туда прилетел ворон с известием, что мать разрешилась на месяц раньше срока, я был уже достаточно большой и понимал, что дитя не выживет. Лорд Гаргален сообщил мне, что у меня родилась сестра, я же ответил, что она все равно скоро умрет. Но она выжила по милости нашей небесной Матери, а год спустя на свет, вопя и брыкаясь, появился Оберин. Я был взрослым мужчиной, когда они плескались в этих прудах, – однако вот я сижу здесь, а их больше нет.

Арео не знал, что сказать на это. Он всего лишь солдат, и этот край с его семиликим богом даже после стольких лет остался чужим для него. Служить. Повиноваться. Защищать. Он принес эти обеты в шестнадцать лет, в тот день, когда взял в жены свою секиру. Простые обеты для простых душ, как говорили бороатые жрецы. Его не учили утешать горюющих принцев.

Он все еще подыскивал слова, когда на террасу, в каком-нибудь фуге от принца, опять шлепнулся апельсин. Доран сморщился, как будто этот звук причинил ему боль, вздохнул и сказал:

– Довольно. Оставь меня, Арео. Я хочу еще немного посмотреть на детей.

Солнце село, стало прохладно, дети ушли в дом ужинать, а принц так и сидел под апельсиновыми деревьями, глядя на тихие пруды и на море. Слуга принес ему пурпурные оливки, лепешки, сыр и разварной сладкий горошек. Принц немного поел и выпил чашу своего любимого крепкого вина, а выпив, налил себе снова. Лишь глубокой ночью он заснул в своем кресле, и только тогда капитан повез его вниз по освещенной луной галерее, мимо стройных колонн, в комнату у самого моря, где ждала застланная свежим полотном большая кровать. Доран застонал, когда капитан переложил его с кресла, но, по милости богов, не проснулся.

Каморка капитана примыкала к спальне принца. Он сел на свою узкую койку, нашел в стенной нише точильный камень, масляную тряпицу и принялся за работу. Держи свою секиру острой, наказывали бороатые жрецы, отмечая его клеймом, и он свято исполнял этот завет.

Он точил и вспоминал Норвос, высокие кварталы на холме и низкие у реки. Он до сих пор помнил голоса трех колоколов – густой бас Нум, пробиравший до самых костей, гордые переливы Нарры, серебряный смех Ниэль. Он ощущал во рту вкус зимней коврижки с имбирем, кедровыми орешками и вишней, а запивали ее нахсой, напитком из перебродившего козьего молока, – его подавали в железных кружках и сдабривали медом. Он видел перед собой мать в платье с высоким воротником – она его надевала только раз в год, когда они ходили смотреть медведей на Шагах Грешника. Он чувствовал запах паленых волос, когда бороатый жрец приложил клеймо к его груди. Боль была такая, что Арео думал, у него сердце не выдержит, но вынес он ее, даже не поморщившись. Волосы на клейме в виде секиры так и не выросли больше.

Отточив оба лезвия до бритвенной остроты, он уложил свою жену из ясеня и железа в постель, зевнул, скинул на пол одежду и лег на соломенный тюфяк сам. Мысли о клейме вызвали у него зуд, и он долго чесал себе грудь. Надо бы собрать опавшие апельсины, подумал он, закрывая глаза, и уснул, воображая их пряный вкус и красный сок, склеивающий

пальцы.

Рассвет наступил слишком быстро. У конюшни уже ждали самые маленькие из конных носилок – кедровые, с красными шелковыми занавесками. Капитан отобрал двадцать копейщиков из тридцати, размещенных в Водных Садах – прочие оставались охранять дворец и детей, многие из которых были сыновьями и дочерьми видных лордов и богатых купцов.

Принц говорил, что они оправятся в путь на рассвете, но Арео знал, что дело затянется. Пока мейстер помогал принцу вымыться и бинтовал его суставы, смазанные успокаивающим бальзамом, капитан надел медный чешуйчатый панцирь, подобающий ему по рангу, а сверху – желто-бурый плащ из песчаного шелка, чтобы солнце не нагревало медь. День обещал быть жарким. Капитан давно отказался от тяжелого плаща из конского волоса и кожаного камзола с заклепками, которые носил в Норвосе, – на дорнском солнце во всем этом испечься можно. Железный полушлем с острыми пиками на макушке он сохранил, но подстилал внутрь оранжевый шелк и им же обматывал пики. С раскаленным железом на голове он не доехал бы до дворца.

Принц все еще медлил. Перед отъездом он решил скушать красный апельсин и чайчи яйца с ветчиной и огненным перцем. После завтрака он пожелал непременно проститься с некоторыми из детей, своими любимцами – маленьким Дальтом, отпрыском леди Блэкмонт, и круглолицей сироткой, чей отец торговал тканями и пряностями на Зеленой Крови. Говоря с ними, принц укрыл ноги красивым мирийским одеялом, чтобы не пугать юные души видом забинтованных распухших колен.

Отправились они только в полдень – принц в носилках, мейстер Калеотт верхом на осле, прочие пешком – пятеро копейщиков впереди, пятеро позади, пятеро справа и пятеро слева. Арео Хотак с секирой на плече занял привычное место по левую руку от принца. Дорога из Водных Садов в Солнечное Копье шла вдоль моря, и прохладный бриз облегчал им путь через красные камни и пески, где росли кривые карликовые деревца.

На полпути их подстерегла вторая по старшинству песчаная змейка.

Леди Ним появилась на гребне дюны, грациозная всадница на золотистой лошади с гривой, как из белого шелка. Ее сиреневое платье мерцало, как море, кремово-медный плащ трепетал на ветру, и казалось, что она вот-вот поднимется в воздух. Нимерия Сэнд, двадцати пяти лет, тонка и гибка, как ива. Прямые черные волосы, заплетенные в косу и перевитые красно-золотой проволокой, на лбу лежат острым мысом, как у отца. Высокие скулы, полные губы, молочно-белая кожа – просто красавица, не в пример старшей сестре... но мать Обары промышляла на улицах Староместа, а Ним родилась от благороднейших кровей старого Волантиса. Дюжина конных воинов с копьями и круглыми, блестящими на солнце щитами спустилась с дюны следом за ней.

Принц откинул и завязал по бокам занавески своих носилок, чтобы морская прохлада проникала к нему беспрепятственно. Леди Ним подъехала к нему, заставив свою красивую золотую кобылу идти вровень с носилками.

– Какая удача, дядя, – пропела она, как будто они встретились по чистой случайности. – Могу я сопровождать вас в Солнечное Копье? – Капитан шел по ту сторону носилок, но слышал каждое ее слово.

– Буду рад, – ответил принц, но капитан не услышал особой радости в его голосе. – Подагра и горе – плохие попутчики. – Капитан знал, что каждый камешек на дороге пронзает иглой его больные суставы.

– Подагра мне не подвластна, – сказала Ним, – а горевать об отце не стоит. Мщение

пришлось бы ему больше по вкусу. Правда ли, что Григор Клиган сознался в убийстве Элии и ее детей?

– Он прокричал о своей вине перед всем двором. Лорд Тайвин обещал нам его голову.

– Ланнистеры всегда платят свои долги, – подхватила Ним, – но теперь лорд Тайвин, похоже, намерен расплатиться за наш счет. Наш славный сир Дейемон прислал мне ворона – он клянется, что отец не один раз пощекотал это чудовище во время боя. Если так, то сир Григор все равно что мертв – и не благодаря Тайвину Ланнистеру.

Принц скорчил гримасу – то ли от боли, то ли от слов племянницы.

– Возможно.

– Возможно? Так оно и есть, уверяю вас.

– Обара хочет, чтобы я начал войну.

– Ей не терпится поджечь Старомест, – засмеялась Ним. – Ее ненависть к этому городу не уступает любви, которую питает к нему наша младшенькая.

– А что скажешь ты?

Ним оглянулась через плечо на своих конников, едущих на некотором расстоянии за ними.

– Эта весть дошла до меня, когда я лежала в постели с близнецами Фаулер. Помните девиз Фаулеров? «Воспарим!» Дайте мне воспарить, дядя, – вот все, о чем я прошу. Мне не нужна войска, нужна лишь одна милая сестрица.

– Обара?

– Тиена. Обара слишком криклива, Тиена же так мила и нежна, что ни в одном мужчине не вызовет подозрений. Обара способна превратить Старомест в погребальный костер нашего отца, но я не столь кровожадна. Мне довольно четырех жизней. Золотые двойняшки лорда Тайвина в уплату за детей Элии, старый лев за саму Элию и маленький король – за отца.

– Мальчик не сделал нам ничего плохого.

– Этот мальчик – бастард, рожденный от измены и кровосмешения, если верить Станнису Баратеону. – Ее тон перестал быть игривым, и капитан поймал себя на том, что пристально наблюдает за ней. Ее сестра Обара носит свои кнут и копье на виду, но Ним не менее опасна, хотя хорошо прячет свои ножи. – Только королевская кровь может заплатить выкуп за убийство моего отца.

– Оберин погиб в поединке, сражаясь за дело, не имевшее к нему никакого касательства. Я не могу назвать это убийством.

– Называйте как хотите. Мы послали им лучшего из лучших в Дорне, а они шлют нам обратно его труп.

– Он превысил свои полномочия. «Посмотри, что такое этот малолетний король и его совет, – говорил я ему. Мы сидели с ним на террасе и ели апельсины. – Возьми на заметку их сильные и слабые стороны. Отыщи наших друзей, если таковые имеются. Постарайся разузнать, как умерла Элия, но не раздражай лорда Тайвина сверх меры». Вот что я ему говорил. Оберин рассмеялся в ответ и сказал: «Когда это я раздражал кого-то сверх меры? Предупреди лучше Ланнистеров, чтобы не раздражали меня». Он хотел добиться правосудия в деле Элии, но не желал ждать...

– Он ждал семнадцать лет, – прервала принца леди Ним. – Если бы речь шла о вашей смерти, отец повел бы свои знамена на север до того, как вы успели остыть. Если бы убили вас, копыта уже градом сыпались бы на Марках.

– Не сомневаюсь.

– Не сомневайтесь также и в том, мой принц, что мы с сестрами не будем ждать семнадцать лет, чтобы свершить *свою* месть. – Она дала шпоры лошади и умчалась к Солнечному Копью вместе со своим эскортом.

Принц откинулся на подушки и закрыл глаза, но Арео знал, что он не спит и что его мучает боль в ногах. Капитан хотел уже позвать мастера Калеотта, но принц сам бы это сделал, будь на то его воля.

Тени сделались длинными, а солнце покраснело и раздулось, как суставы принца, когда на востоке показались башни Солнечного Копья. Сперва стройное Копье высотой в полтора фута, на чьей вершине сверкало золотом настоящее стальное копье, добавлявшее башне еще тридцать футов; затем мощная Солнечная башня с золоченым хрустальным куполом; наконец, бурый Песчаный Корабль – точно чудовищный галеон, выброшенный на берег и обратившийся в камень.

Между Водными Садами и Солнечным Копьем всего-то три лиги, но они – словно два разных мира. Там на солнышке нагишом резвятся дети, в мощенных плиткой двориках звучит музыка, пахнет лимоном и красными апельсинами. Здесь пахнет пылью, потом, дымом, и даже ночью не смолкает гул голосов. Сады построены из розового мрамора, Солнечное Копье – из глины с соломой, и выкрашено оно в коричнево-желтые тона. Древняя твердыня дома Мартеллов стоит на восточной оконечности мыса из песка и камня, с трех сторон окруженного морем. На западе, в тени массивной стены, лепятся к замку мелкие лавчонки и хижины без окон, как ракушки к корпусу корабля. Еще западнее помещаются конюшни, постоянные дворы, винные погребки и перинные дома – многие из них обведены собственными оградами, и под этими стенами тоже ютятся хибарки. И так далее, и так далее, как сказали бы бородатые жрецы. По сравнению с Тирошем, Миром или Великим Норвосом этот теневой городок очень мал, но у дорнийцев, плохо представляющих себе, что такое город, сходит за большой.

Леди Ним, прибыв в замок на несколько часов раньше, несомненно, предупредила стражу об их приезде, поскольку Тройные Ворота уже стояли открытыми. Только здесь трое ворот, расположенные одни за другими, ведут через три Кривые Стены прямо к Старому дворцу, не заставляя приезжих плутать по узким закоулкам, глухим дворам. И шумным базарам.

Принц закрыл занавески, как только увидел вдали башню Копье, но народ тем не менее приветствовал его криками. Песчаные змейки заварили нешуточную смуту, с тревогой подумал капитан. Кортёж пересек нищенские кварталы внешнего полумесяца и прошел во вторые ворота. Запахло дегтем, соленой водой, гниющими водорослями. Толпа становилась гуще на каждом шагу.

– Дорогу принцу Дорану! – загремел Арео, стукнув по брусчатке тупым концом древка. – Дорогу принцу Дорнийскому!

– Наш принц умер! – завизжала позади какая-то женщина.

– В копьа! – заорал с балкона мужчина.

– В копьа, Доран! – повторил еще кто-то, явно знатного рода.

Хотел не стал высматривать, кто кричит, – не менее трети напиравшего на них сборища вопило на разные голоса:

– В копьа! Отомстим за Змея!

У третьих ворот солдатам пришлось отпихивать горожан от носилок принца, а те всю

кидались лимонами и апельсинами, крича всю глотку: «Война! Война! В копьях!» Один оборвыш прошмыгнул к самым носилкам с гнилым гранатом в руке, но при виде Арео с секирой наперевес бросил свой снаряд под ноги и живо ретировался. Кому-то из гвардейцев лимон угодил в глаз, капитану шмякнулся на сапог апельсин.

Принц, никак на это не откликаясь, сидел за шелковыми стенками, пока они не оказались внутри более надежных замковых стен. Подъемная решетка со скрежетом опустилась за ними, и крики постепенно заглохли. Принцесса Арианна встречала отца на внешнем дворе, а с ней старый слепой сенешаль Рикассо, кастелян сир Манфри Мартелл, молодой мейстер Милес в сером, с надушенной шелковистой бородкой, и человек двадцать дорнийских рыцарей в разноцветных полотняных нарядах. Маленькая Мирцелла Баратеон стояла со своей септой и королевским гвардейцем сиром Арисом, взопревшим в белой эмалевой броне.

Арианна подошла к носилкам в сандалиях из змеиной кожи со шнуровкой до самых бедер. Вороная грива волос в тугих завитках падала ей до талии, схваченная на лбу обручем из медных солнц. В глазах капитана она так и осталась крошкой, маленькой девочкой. Песчаные змейки все высоченные, Арианна же удалась в мать, чей рост всего пять футов и два дюйма. Но под ее дорогим поясом и свободными одеждами из пурпурного и желтого шелка прячется женское тело, пышное и соблазнительное.

– Отец, – сказала она, когда занавески открылись, – Солнечное Копье ликует по случаю твоего возвращения.

– Да, я слышал. – Принц, слегка улыбнувшись, потрепал дочь по щеке подагрическими пальцами. – Как же ты хороша. Будь добр, капитан, помоги мне слезть.

Арео продел секиру в перевязь за спиной и взял принца на руки очень бережно – но Доран все равно едва не вскрикнул от боли.

– Я велела поварам приготовить все твои любимые блюда для вечернего пира, – продолжала принцесса.

– Боюсь, что не смогу воздать им должное. – Принц медленно обвел взглядом двор. – Я не вижу здесь Тиены.

– Она просит принять ее с глазу на глаз и ожидает тебя в тронном зале.

– Хорошо, – вздохнул принц. – Пойдем, капитан? Чем раньше я с этим покончу, тем скорее смогу отдохнуть.

Арео с ним на руках стал подниматься на Солнечную башню, в большую круглую палату под самым куполом. Последние лучи солнца, падая сквозь толстые цветные стекла, окрасили бледный мрамор пола яркими зайчиками пятидесяти разных тонов. Здесь их ждала третья песчаная змейка.

Она сидела, повернув ноги, на подушке под возвышением для принца с его супругой, но при виде их встала. В бледно-голубом шелковом платье с рукавами из мирийского кружева она казалась невинной, как сама Дева. В одной руке пяльцы с вышивкой, в другой – золотые иголки. Волосы тоже золотые, глаза – два глубоких синих озера, но капитан находил в них сходство с отцовскими, хотя у Змея глаза были черным-черны. У всех дочек принца Оберина отцовы глаза, змеиные, понял вдруг Арео, – какого бы они ни были цвета.

– Я ждала вас, дядя, – сказала Тиена Сэнд.

– Помоги мне сесть, капитан.

На помосте всего два сиденья, почти одинаковых, – но у одного на спинке выложено золотом копьё Мартеллов, а у другого – пылающее ройнарское солнце. Оно украшало мачты

кораблей Нимерии, когда те впервые причалили к Дорну. Капитан усадил принца на трон с копьем и отошел.

– Вы так сильно страдаете? – ласково спросила леди Тиена, взойдя на помост. Сладка, что твоя летняя земляничка. Ее мать была септой, вот откуда у Тиены эта небесная непорочность. – Могу я чем-нибудь облегчить вашу боль?

– Говори, что хотела сказать, и позволь мне отдохнуть. Я очень устал, Тиена.

– Это для вас, дядя. – Тиена развернула свою вышивку – принц Оберин на дорнийском коне, в красных доспехах с головы до пят, с улыбкой на губах. – Когда закончу работу, подарю ее вам, чтобы вы всегда его вспоминали.

– Вряд ли я забуду когда-нибудь твоего отца.

– Отрадно слышать это от вас – ведь многие сомневаются.

– Лорд Тайвин обещал нам голову Горы.

– Как он добр... но меч палача – неподобающий конец для храброго сира Григора. Мы так долго молились о его смерти – было бы справедливо, если бы и сам он молил о ней. Я знаю яд, которым пользовался отец, – нет ничего медленнее и мучительнее. Скоро мы даже здесь, в Солнечном Копье, услышим крики Горы.

– Обара требует войны, – вздохнул принц, – Ним готова удовольствоваться убийством. А ты?

– Я тоже желаю войны – но не такой, которой хочет моя сестра. Дорнийцы лучше всего воюют у себя дома – наточим же копья и будем ждать. Когда Ланнистеры с Тиреллами пойдут на нас, мы пустим им кровь на перевалах и зароем их в песок, как делали сто раз прежде.

– Если они пойдут.

– Им придется, иначе государство снова будет расколото, как было раньше, пока мы не поженились с драконами. Так говорил отец. Спасибо Бесу за то, что прислал нам принцессу Мирцеллу, сказал еще он. Она прелесть, вы не находите? Вот бы мне такие локоны, как у нее. Она, как ее мать, создана быть королевой. – На щеках Тиены заиграли ямочки. – Я почла бы за честь подготовить их свадьбу и придумать короны для жениха и невесты. Тристан и Мирцелла – сама невинность. Мне думается, им подошло бы белое золото... с изумрудами, в цвет ее глаз. Впрочем, алмазы и жемчуг тоже сгодятся. Главное – поженить этих детей и короновать их. Затем нам останется только объявить отроковицу Мирцеллой Первой, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, законной наследницей Семи Королевств Вестероса – и ждать, когда львы к нам пожалуют.

– Законной наследницей? – язвительно повторил принц.

– Она старше своего брата, – терпеливо, как слабоумному, пояснила Тиена. – По закону Железный Трон должен перейти к ней.

– Это дорнийский закон.

– Когда добрый король Дейерон женился на принцессе Мории и присоединил нас к своему королевству, было условлено, что Дорн всегда будет жить по своим законам. А Мирцелла, так уж вышло, сейчас находится в Дорне.

– Да, верно, – неохотно признал принц. – Мне нужно подумать.

– Слишком вы много думаете, дядя, – дерзко заметила Тиена.

– В самом деле?

– Так отец говорил.

– Он-то как раз не любил думать.

– Некоторые люди думают, потому что боятся действовать.

– Есть разница между страхом и предосторожностью.

– Буду молиться, чтобы вы не ведали страха, дядя, – не то вы, чего доброго, забудете, что вам надо дышать.

Увидев, что она подняла руку, капитан гулко стукнул дровком о мраморный пол.

– Миледи, вы забываетесь. Сойдите с помоста, прошу вас.

– Я ничего дурного не делаю, капитан. Я люблю дядю, как он, я знаю, любил моего отца. – Тиена опустилась на одно колено перед принцем. – Я сказала все, что хотела, дядюшка. Простите, если невольно обидела вас – виной тому мое разбитое сердце. Вы ведь любите меня по-прежнему, правда?

– Как всегда.

– Тогда благословите меня, и я уйду.

Доран, помедлив долю мгновения, опустил руку на голову племянницы.

– Будь храброй, дитя мое.

– Как же иначе? Ведь я *его* дочь.

Как только она удалилась, к принцу поспешил мейстер Калеотт.

– Мой принц, она не?.. Позвольте взглянуть на вашу руку. – Он осмотрел ладонь, затем осторожно повернул ее тыльной стороной и понюхал. – Все в порядке. Царапин нет, поэтому...

Принц убрал руку.

– Могу я попросить у вас макового молока, мейстер? Наперстка будет довольно.

– Да. Да, конечно.

– Прямо сейчас, если можно, – мягко поторопил принц, и мейстер засеменил к лестнице.

Солнце село. Яркие пятна на полу быстро гасли, и синие сумерки наполняли зал. Принц сидел на троне, украшенном копьем Мартеллов, с бледным от боли лицом.

– Капитан, – после долгого молчания промолвил он, – насколько преданна мне моя гвардия?

– Она преданна вам. – Арео не знал, как еще на это ответить.

– Полностью? Или только частично?

– Они хорошие парни. Хорошие *дорнийцы*. Будут делать то, что я прикажу. – Арео снова стукнул секирой об пол. – Я принесу вам голову каждого, кто вздумает вас предать.

– Головы мне не нужны. Мне нужно повиновение.

– Оно у вас есть. – Служить. Повиноваться. Защищать. Простые обеты для простых душ. – Сколько людей вам требуется?

– На твое усмотрение. Несколько верных солдат могут послужить нам лучше, чем два десятка сомнительных. Я хочу, чтобы это было сделано как можно скорее, притом без кровопролития.

– Быстро, тихо и без крови. Слушаюсь. Каков будет приказ?

– Взять дочерей моего брата и поместить их под стражу на вершине Копья.

– Песчаных змеек? – В горле у Арео пересохло. – Всех восьмерых, мой принц? И младших тоже?

Доран поразмыслил.

– Дочки Элларии слишком малы, чтобы представлять опасность, но их могут использовать против меня. Пусть уж лучше будут у нас под рукой. Да, младших тоже... но

первым делом Тиену, Нимерию и Обару.

– Как прикажет мой принц, – с тяжелым сердцем ответил Арео. *Моей маленькой принцессе это не понравится*, думал он. – А Сарелла? Она уже взрослая, ей почти двадцать.

– Если она не вернется в Дорн, делать нечего – остается молиться, чтобы разума у нее оказалось побольше, чем у сестер. Пусть себе... играет. Позаботься об остальных. Я не усну, пока не узнаю, что они благополучно посажены под замок.

– Будет исполнено. – Капитан помедлил. – Когда об этом узнают в городе, подыметесь вой.

– Вой подыметесь не только в городе, но и во всем Дорне, – устало бросил Доран Мартелл. – Хорошо бы лорд Тайвин услышал его в Королевской Гавани и понял, какой верный друг у него имеется в Солнечном Копье.

Ей снилось, что она сидит на Железном Троне, высоко над всеми.

Придворные сверху – точно разноцветные мыши. Знатные лорды и леди преклонили колени. Отважные рыцари сложили мечи у ног королевы, моля ее одарить их своим вниманием, и она улыбается им. Но тут откуда ни возьмись появляется карлик. Он тычет в нее пальцем и покатывается со смеху. Лорды и леди начинаю хихикать вслед за ним, заслоняя руками рты. Лишь тогда королева замечает, что она голая.

Она в ужасе приседает, чтобы как-то скрыть свой срам, и шипы Железного Трона впиваются в ее плоть. Она хочет встать, но нога соскальзывает в какую-то зазубренную трещину. Чем больше она бьется, тем глубже трон поглощает ее, отрывает куски мяса от живота и грудей, кромсает руки и ноги. Вот уже все ее тело обливается багровой жижей... а ее брат веселится внизу, насмехаясь над ней.

Этот смех все еще звучал в ее ушах, когда кто-то тронул ее за плечо и она проснулась. На долю мгновения ей показалось, что кошмар продолжается, и она отпрянула с криком, но это была всего лишь Сенелла, ее служанка, бледная и испуганная.

Мы здесь не одни, внезапно поняла королева. Чьи-то высокие фигуры обступили ее ложе, под плащами мерцали кольчуги. В чем дело? Где ее стража? В спальне темно, не считая фонаря в руке одного из незваных гостей. Я не должна показывать, что мне страшно, подумала Серсея.

– Что вам здесь надо? – спросила она, откинув назад спутанные со сна волосы. Один человек вышел на свет, и она увидела, что плащ у него белый. – Джейме? – Ей снился один брат, а разбудил ее другой.

– Ваше величество, – произнес чей-то чужой голос, – лорд-командующий прислал нас за вами. – Волосы у него вьются, будто у Джейме, но у брата локоны золотые, как у нее самой, а у этого рыцаря черные и лоснящиеся. Она в недоумении смотрела на него, а он бормотал что-то об отхожем месте, об арбалете и поминал имя ее отца. *Я все еще сплю, думала она. Это все тот же кошмар. Сейчас из-под кровати вылезет Тирион и начнет хохотать.*

Да нет же, это безумие. Карлик сидит в темнице и должен умереть в этот самый день. Она взглянула на свои руки – крови нет, пальцы на месте. Кожа покрыта мурашками, но совершенно цела. Ноги тоже не тронуты. Сон, всего лишь сон. *Я слишком много выпила на ночь, и все эти ужасы порождены винными парами. К вечеру я сама посмеюсь. Моим детям и трону Томмена ничего не будет грозить, а мой уродливый братец станет короче на голову.*

Джаселина Свифт подала ей чашу. Серсея, отпив глоток воды, в которую выжали лимон, скривилась и плюнула. Ночной ветер сотрясал ставни, и ее зрение вдруг стало до странности ясным. Джаселина дрожала как лист, испуганная не меньше Сенеллы. У самой кровати стоял сир Осмунд Кеттлблэк, за ним – сир Борос Блаунт с фонарем. У двери теснились гвардейцы Ланнистеров с позолоченными львами на шлемах, тоже охваченные страхом. Неужели? Неужели это правда?

Она встала, и Сенелла накинула ей на плечи халат, прикрыв наготу. Подпоясалась она сама, застывшими, неуклюжими пальцами.

– Моего лорда-отца охраняют днем и ночью. – Язык плохо повиновался ей. Она набрала в рот воды с лимоном и прополоскала, чтобы придать свежесть дыханию. В луч света от

фонаря влетела мошка – Серсея слышала, как она жужжит, видела ее бьющуюся о стекло тень.

– Стража не покидала поста, ваше величество, – сказал Осмунд Кеттлблэк. – Мы нашли за очагом потайную дверь. Лорд-командующий отправился посмотреть, куда ведет этот коридор.

– Джейме? – Ужас налетел на нее, как буря. – Джейме полагается быть с королем!

– С его величеством ничего не случилось. Сир Джейме приставил дюжину человек охранять его, и он мирно спит.

Пусть его сны будут слаще, чем мой, а пробуждение не столь бурным.

– Кто хранит покой короля сейчас?

– Этой чести удостоен сир Лорас, ваше величество.

Ее это не удовлетворило. Тиреллы – простые стюарды, возвеличенные королями-драконами. Их тщеславие может сравниться только с их честолюбием. Пусть сир Лорас хорош, как девичья греза, – под его белым плащом таится все тот же Тирелл. Плод этой ночи, вероятней всего, был взлелеян и вызрел в Хайгардене...

Высказать свое подозрение вслух она не отважилась.

– Позвольте мне одеться. Сир Осмонд, вы проводите меня в Башню Десницы, а вы, сир Борос, ступайте в темницу и удостоверьтесь, что карлик на месте. – Она не назвала его имени. Он ни за что не посмел бы поднять руку на отца, твердила она себе, но хотела быть уверенной полностью.

– Как прикажет ваше величество. – Блаунт отдал фонарь сире Осмунду, и Серсея с удовольствием проводила его глазами. Напрасно отец вернул белый плащ этому трусу.

Когда они вышли из крепости Мейегора, небо налилось глубокой кобальтовой синевой, хотя звезды еще светили. Все, кроме одной. Яркая звезда на западном небосклоне упала, и ночи отныне станут темнее. Серсея остановилась у подъемного моста через сухой ров, глядя на пики внизу. Она знала, что в таком деле ей солгать не посмеют.

– Кто нашел его?

– Один из его гвардейцев, Лам. Он отлучился по зову природы и нашел его милость в отхожем месте.

Быть не может. Львы так не умирают. Королевой владело странное спокойствие. Ей вспомнилось, как у нее когда-то выпал первый молочный зуб. Больно не было, но дырка во рту казалась такой непривычной, что она то и дело трогала ее языком. Теперь дыра образовалась на том месте, где был отец, а дыры нуждаются в заполнении.

Если Тайвин Ланнистер действительно умер, никто больше не может чувствовать себя в безопасности... особенно ее сын на своем троне. Когда гибнет лев, вперед выходят более мелкие звери – шакалы, кормящиеся падалью, и одичавшие псы. Ее попытаются отпихнуть в сторону, как пытались всегда. Надо действовать быстро, вспомнив свои действия после смерти Роберта. Возможно, это сделал наемник Станниса Баратеона, и гибель лорда послужит вступлением к новой атаке на город. Серсея надеялась, что будет именно так. *Пусть приходит*, думала она. *Я разобью его, как разбил отец, и на этот раз он живым не уйдет.* Станнис ей страшен не более, чем Мейс Тирелл. Никто ей не страшен. Она дочь Утеса, львица. Теперь уж никто не принудит ее выйти замуж снова. Теперь Бобровый Утес и вся мощь дома Ланнистеров переходят к ней. С этой мощью им поневоле придется считаться. Даже когда Томмен перестанет нуждаться в регенте, она как леди Бобрового Утеса сохранит свою власть.

Восходящее солнце сделало ярко-красными верхушки башен, но под стенами все еще жалась ночь. Как тихо во внешнем дворе – можно подумать, что все его обитатели вымерли. Так бы и следовало. Негоже Тайвину Ланнистеру умирать в одиночестве. Такой человек и в ад должен отправляться со свитой.

У входа в Башню Десницы несли караул четверо стражников в красных плащах, с львами на шлемах.

– Не впускайте и не выпускайте никого без моего разрешения, – распорядилась она с отцовскими стальными нотами в голосе.

Внутри ел глаза дым от факелов, но она не заплакала, как не заплакал бы и отец. У него был один-единственный настоящий сын – она, Серсея. Она поднималась, стуча каблуками по камню, и слышала, как отчаянно бьется мошка в фонаре сира Осмунда. Да умри же ты, раздраженно подумала королева. Стори, и пусть это кончится наконец.

Наверху стояли еще двое красных гвардейцев. Лестер, один из них, пробормотал нечто соболезнующее. Королева дышала часто, и сердце трепетало в ее груди. Это все лестница, сказала она себе. Проклятая башня чересчур высока. Может, снести ее?

Собравшиеся в зале глупцы говорили шепотом, как будто лорд Тайвин спал и они боялись его разбудить. Стража и слуги расступались перед Серсеей, говоря что-то. Она видела их розовые десны и болтающие языки, но слова имели для нее не больше смысла, чем жужжание умирающей мошки. Что они здесь делают? Откуда узнали? Ей должны были первой сообщить о случившемся. Она королева-регентша – что они, забыли?

У опочивальни десницы стоял сир Меррин Грант в белой броне и белом плаще. Забрало шлема было открыто, и мешки под глазами придавали ему полусонный вид.

– Прогоните отсюда этих людей, – сказала ему Серсея. – Где отец? Все еще в отхожем месте?

– Его перенесли на кровать, миледи. – Сир Меррин открыл перед ней дверь.

Золотые прутья света падали сквозь ставни на устланный тростником пол. Брат Тайвина Киван, преклонив колени рядом с кроватью, пытался произнести молитву, через силу выговаривая слова. У очага толпились гвардейцы. Потайная дверь в задней стенке, о которой говорил сир Осмунд, не больше печной дверцы, стояла нараспашку. Взрослый мужчина мог бы пролезть в нее только ползком, но Тирион носит прозвище «полумуж». Эта мысль рассердила Серсею. Вздор. Карлик заперт в темнице. Станнис, вот кто за этим стоит. У него еще остались сообщники в городе. Он или Тиреллы.

Она часто слышала разговоры о ходах, скрытых внутри Красного Замка. Мейегор Жестокий будто бы убил строителей, чтобы об этих ходах никто не узнал. В скольких еще опочивальнях имеются потайные двери? Серсее представился карлик, вылезавший из-за гобеленов в спальне Томмена с ножом в руке. Томмена хорошо охраняют, мысленно возразила себе она. Но лорда Тайвина тоже хорошо охраняли...

Мертвеца она узнала не сразу. Волосы у него в самом деле как у отца, но это не он, это кто-то другой, гораздо меньше его... и старше. Высоко задранная ночная рубашка обнажала покойника ниже пояса. Стрела из арбалета вошла в низ живота между пупком и чреслами – вошла глубоко, по самое оперение. Кровь запеклась в волосах на лобке, натекла в пупок.

Пахло от него так, что Серсея сморщила нос.

– Вытащите стрелу, – приказала она. – Это все же королевский десница. – *И мой отец. Мой лорд-отец. Мне, вероятно, положено рыдать и рвать на себе волосы? Говорят, Кейтилин Старк разодрала себе лицо в ключья, когда Фрей убили ее драгоценного Робба.*

Пришлось бы это тебе по вкусу, отец? Или ты предпочел бы видеть меня сильной? Плакал ли ты по собственному отцу? Ее дед умер, когда ей было не больше года, но она знала, как это случилось. Лорд Титос сильно растолстел, и однажды, когда он взбирался по лестнице в покои своей любовницы, его сердце не выдержало и лопнуло. Отец в это время был в Королевской Гавани, где служил десницей у Безумного Короля. В детские годы Серсеи и Джейме он там жил постоянно. Если он и плакал, получив известие о смерти отца, то один, без посторонних.

Ногти Серсеи впились в ладони.

– Как вы могли бросить его в таком виде? Отец был десницей трех королей. Семь Королевств не знали более великого мужа. По нем должны звонить колокола, как звонили по Роберту. Его следует обмыть и одеть сообразно его сану – в парчу, горностаи и багряный шелк. Где Пицель? *Где Пицель?* Приведи сюда великого мастера Пицеля, Пакенс, – велела она одному из гвардейцев. – Пусть позаботится об отце.

– Он уже был здесь, ваше величество, – ответил Пакенс. – И ушел за Молчаливыми Сестрами.

За мной послали в последнюю очередь. Поняв это, Серсея так рассердилась, что ей не достало слов. А Пицель спешит привести помощь, лишь бы не замарать собственные морщинистые руки. Зачем он в таком случае нужен?

– Найдите мастера Баллабара, – распорядилась она. – Найдите мастера Френкена. Хоть кого-нибудь. – Пакенс и Корноухий поспешно повиновались. – Где мой брат?

– В потайном коридоре. Там есть шахта с железными ступенями-перекладинами. Сир Джейме хочет проверить, насколько она глубока.

Он однорукий, чуть не закричала она. Туда должен был пойти кто-то из вас. Лазить по лестницам – не его дело. Вдруг убийцы отца затаились там, внизу, и поджидают его? Братец всегда был отчаянным – похоже, даже потеря руки не научила его осторожности. Она уже собралась приказать гвардейцам найти его и доставить назад, но тут вернулись Корноухий и Пакенс, ведя с собой какого-то седого мужчину.

– Ваше величество, – доложил Корноухий, – этот вот заявляет, будто он мастер.

– Чем я могу служить вашему величеству? – с низким поклоном спросил седой. Его лицо было смутно знакомо Серсее, но она никак не могла вспомнить откуда. Он уже стар, но моложе Пицеля. Какая-то сила в нем еще сохранилась. Высок, хотя немного сутулится, голубые глаза в мелких морщинках смотрят смело.

– Ты не носишь мастерской цепи, – заметила Серсея.

– Ее отняли у меня. Я Квиберн, с позволения вашего величества. Врачевал руку вашего брата.

– Вернее, культю. – Теперь она его вспомнила – он приехал с Джейме из Харренхолла.

– Я не сумел спасти длань сира Джейме, это верно, – однако спас его руку выше запястья, а возможно, и жизнь. Цитадель отобрала у меня цепь, но знание осталось при мне.

– Пожалуй, сгодишься и ты, – решила Серсея. – Но если оплошаешь, одной цепью не отделаешься. Вынь стрелу из тела отца и приготовь его для Молчаливых Сестер.

– Как прикажет моя королева. – Квиберн подошел к ложу и оглянулся. – А с девушкой что мне делать, ваше величество?

– С девушкой? – Серсея только теперь заметила, что на кровати лежит еще одно тело. Она откинула окровавленные простыни, и мертвая предстала во всей красе – голая, холодная, розовая... не считая лица. Оно у нее почернело, как у Джоффа тогда, на свадебном пиру.

Цепь из соединенных вместе золотых рук, обмотанная вокруг ее горла, врезалась глубоко в кожу. – Она-то здесь откуда взялась? – прошипела, как злющая кошка, Серсея.

– Мы нашли ее на постели, ваше величество, – сказал Корноухий. – Это Бесова потаскуха. – Как будто это могло объяснить, почему она здесь лежит.

Мой лорд-отец не имел дела со шлюхами. С тех пор, как умерла мать, он не прикоснулся ни к одной женщине.

– После смерти своего отца, – холодно заговорила Серсея, – лорд Тайвин вернулся в Бобровый Утес и увидел там женщину такого же рода... раздетую в платье его леди-матери и обвешанную ее драгоценностями. Он сорвал с нее все, до последней нитки, и две недели она таскалась голая по улицам Ланниспорта, признаваясь всем встречным мужчинам, что она воровка и шлюха. Вот как лорд Тайвин Ланнистер поступал с продажными женщинами. Он никогда... эта девка оказалась здесь совсем по другой причине.

– Возможно, его милость допрашивал ее об отравительнице, – предположил Квиберн. – Я слышал, что Санса Старк исчезла в ту ночь, когда был убит король.

– Да, верно. – Серсея ухватилась за эту подсказку. – Разумеется, он вызвал ее для допроса. Никакого сомнения. – Перед ней как живой возник Тирион, безносый, с обезьяньей ухмылкой. «Само собой. Первым делом надо раздеть допрашиваемую и раздвинуть ей ноги. Я сам любил допрашивать таким образом».

Королева отвернулась, не желая больше смотреть на нее. Даже находиться с этой женщиной в одной комнате ей стало противно, и она вышла в прихожую.

К сирю Осмунду присоединились его братья – Осни и Осфрид.

– В спальне десницы лежит мертвая женщина, – сказала им Серсея. – Никто не должен узнать о том, что она здесь была.

– Да, миледи. – У сира Осни на щеке виднелись царапины – дело рук другой Тирионовой шлюхи. – Как нам с ней поступить?

– Скормите ее собакам или оставьте себе для утех. Что мне за дело? *Ее здесь не было!* Я вырву язык любому, кто вздумает утверждать обратное. Поняли?

Осни и Осфрид переглянулись.

– Да, ваше величество.

Она вернулась в комнату вместе с ними и посмотрела, как они заворачивают труп женщины в отцовы окровавленные одеяла. Шая, вот как ее звали. Последний раз Серсея говорила с ней в ночь накануне испытания боем, когда этот улыбчивый дорнийский змей предложил себя в заступники Тириона. Шая лепетала про какие-то драгоценности, подаренные ей Тирионом, и напоминала, что Серсея обещала оставить ей городской дом и выдать ее замуж за рыцаря. Королева поставила вопрос ясно: девка не получит ничего, пока не скажет, куда делать Санса Старк. «Ты ей служила – неужели я поверю, что ты ничего не знала о ее планах?» Шая ушла от нее в слезах.

Сир Осфрид перекинул запеленатое тело через плечо.

– Цепь мне нужна, – предупредила Серсея. – Смотрите не поцарапайте золото. – Осфрид кивнул и пошел к двери. – Нет, не через двор. – Она указала на дверь в очаге. – Там есть колодец, ведущий в темницы. Туда.

Когда Осфрид стал перед очагом на одно колено, за дверью блеснул свет и послышались голоса. Наружу, согнувшись в три погибели, вылез Джейме. Его сапоги взметали золу от последнего огня, согревавшего лорда Тайвина.

– С дороги, – бросил он Кеттлблэкам.

– Ты нашел убийц? – бросилась к нему Серсея. – Сколько их было? – Уж конечно, больше одного. Один человек не смог бы убить ее отца.

– От этой шахты внизу расходится полдюжины коридоров, – устало ответил ее брат-близнец. – Их все перегораживают железные решетки, запертые на замок. Надо найти ключи. – Он обвел взглядом спальню. – Злодеи, возможно, до сих пор сидят где-то здесь, в стенах. Эти ходы – настоящий лабиринт, и там темно.

Она представила себе Тириона, крадущегося в толщи стен подобно чудовищной крысе. Довольно. Что за выдумки. Карлик сидит у себя в темнице.

– Пусть простучат стены. Разбери всю башню, если это необходимо. Убийцы должны быть найдены. Кто бы ни совершил это, я хочу, чтобы их предали смерти.

Джейме прижал ее к себе здоровой рукой. От него пахло пеплом, но утренняя заря зажгла его волосы золотом. Ей хотелось поцеловать его, но она сказала себе: после. Он придет ко мне после и утешит меня.

– Мы его наследники, Джейме, – прошептала Серсея. – Нам с тобой предстоит завершить его труд. Ты должен стать десницей вместо отца. Ты ведь понимаешь, что должен? Ты нужен Томмену...

Он отстранил ее от себя и сунул ей в лицо свой обрубок.

– Десница без десницы? Дурная шутка, сестра. Не проси меня стать правителем.

Дядя слышит их перебранку, и Квиберн тоже. Слышат и Кеттлблэки, протаскивающие свою ношу через очаг. Даже гвардейцы – Пакенс, Хок, Копыто и Корноухий. Еще до ночи об этом узнает весь замок. Серсея почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

– Правителем? Об этом я тебя не просила. Правительницей, пока мой сын не достигнет совершеннолетия, буду я.

– Не знаю, кого мне жаль больше – Томмена или Семь Королевств.

Она ударила его по щеке. Джейме загородился с кошачьим проворством – но этому коту недоставало одной лапы. Ее ладонь оставила красный след у него на лице.

Звук оплеухи поднял на ноги дядю Кивана.

– Нашли где ссориться – у смертного одра своего отца! Стыда у вас нет!

– Прости, дядя, – склонил голову Джейме. – Сестра себя не помнит от горя.

За это она чуть не залепила ему еще раз. *Я, видно, с ума сошла, решив, что он пригоден быть десницей. Лучше уж вовсе отменить этот титул.* Десницы все до единого приносили ей одни только беды. Джон Аррен уложил в ее постель Роберта Баратеона, а перед смертью успел что-то разнюхать о ней и Джейме. Эддард Старк начал прямо оттуда, где остановился Аррен; его вмешательство вынудило ее избавиться от Роберта скорее, чем ей бы хотелось, – раньше, чем она сумела разделаться с его прилипчивыми как чума братцами. Тирион продал Мирцеллу дорнийцам, взял одного ее сына в заложники, а другого убил. А уж когда в Королевскую Гавань вернулся лорд Тайвин...

Следующий десница будет знать свое место, пообещала себе она. Дядя Киван подойдет как нельзя лучше – неутомимый, благоразумный, неизменно послушный. Она сможет на него положиться, как полагался отец. Десница с головой не спорит. Она готова править государством, но в помощь ей понадобятся новые люди. Пицель – выживший из ума льстец, Джейме вместе с правой рукой утратил и мужество, а Мейсу Тиреллу с его приспешниками Редвином и Рованом доверять нельзя. За этим преступлением вполне могут стоять и они. Лорд Тирелл должен был знать, что не будет править Семью Королевствами, пока жив Тайвин Ланнистер.

С ним, однако, следует соблюдать осторожность. Город полон его людьми. Одного сына он умудрился пропихнуть даже в Королевскую Гвардию, а дочку намерен пристроить в постель Томмена. Согласие отца на брак Томмена с Маргери Тирелл до сих пор бесило Серсею. Девчонка вдвое старше своего жениха и дважды вдова. Мейс Тирелл уверяет, что дочь его все еще девственница, но у Серсеи на этот счет большие сомнения. Джоффри не дожил до брачной ночи, но до него Маргери побывала замужем за Ренли... Мужчина может любить сладкое вино с пряностями, но поставь перед ним кружку эля, и он осушит ее одним духом. Надо сказать лорду Варису – пусть разузнает по этому поводу, что будет возможно.

Вспомнив о нем, она застыла на месте. Почему Вариса нет здесь? Он всегда на месте событий. Что бы ни стряслось в Красном Замке, евнух всегда тут как тут. Джейме сразу явился, и дядя Киван, даже Пицель здесь побывал... а Вариса нет. По спине Серсеи прошел холодок. Вот кто виновник. Он боялся, что отец снимет с него голову, и решил его предупредить. Лорд Тайвин всегда недолго любил сюсюкающего мастера над шептунами. А кому же секреты Красного Замка известны лучше, как не ему? Он, должно быть, стакнулся с лордом Станнисом – ведь они вместе заседали в совете у Роберта...

Серсея подошла к двери, у которой стоял сир Меррин Грант.

– Доставьте сюда лорда Вариса. Силой, если придется, но невредимого.

– Слушаюсь, ваше величество.

Ушедшего королевского гвардейца тут же сменил другой – сир Борос Блаунт, красный и запыхавшийся, бегом поднимался по лестнице.

– Ушел, – выдохнул он, упав на одно колено перед королевой. – Камера Беса открыта. Он исчез бесследно, ваше величество...

Сон оказался в руку.

– Я же приказывала стеречь его днем и ночью!

– Один из тюремщиков, Рюген, тоже отсутствует, – тяжело дыша, доложил Блаунт. – Двое других найдены спящими.

– Спящими? – Она едва сдерживалась, чтобы не сорваться на крик. – Надеюсь, вы не потревожили их, сир Борос. Пусть себе спят.

– Спят? – Он вскинул на нее глаза – щеки обвисли, вид сконфуженный. – Как долго ваше величество намерены...

– Вечно. Пусть они уснут вечным сном, сир. Мне не нужны стражники, спящие на посту. – Он там, в стенах. Он убил отца, как прежде убил мать и Джоффа. Он и к ней придет, как предсказала ей когда-то старуха в темном шатре. Серсея смеялась над ней, но старуха не обманула и показала ей в капле крови ее судьбу. У королевы подкосились ноги. Сир Борос хотел поддержать ее, но она отпрянула. Вдруг и он тоже ставленник Тириона?

– Прочь от меня. Прочь! – вскричала она, упав на скамью рядом.

– Воды, ваше величество? – засуетился Блаунт.

Мне нужна кровь, не вода. Кровь Тириона, мерзкого карлика. Огни факелов плясали перед глазами. Серсея зажмурилась и вновь увидела перед собой ухмылку Беса. Нет. Нет. Еще немного, и я бы избавилась от тебя навсегда. Карлик схватил ее за горло, и она чувствовала, как сжимаются его пальцы.

– Я ищу девицу тринадцати лет, – говорила она деревенской женщине у колодца. – Она знатного рода, очень красивая, голубоглазая, с волосами цвета красного золота. Возможно, она путешествует с грузным рыцарем лет сорока или с шутком. Не видала такую?

– Не припомню что-то, сир, – задумалась женщина, потирая лоб. – Но вперед буду глядеть в оба.

Кузнец ее тоже не видел, и деревенский септон, и свинопас, и девчонка, дергающая лук в огороде, – никто из тех, кого отыскивала Бриенна в глинобитном селении Росби. Но она не отступала. Кратчайший путь в Синий Дол пролегает здесь. Если Санса проезжала через эти места, кто-нибудь должен был ее видеть. У ворот замка она задала тот же вопрос двум стражникам с эмблемой дома Росби – три красных шеврона на горностаевом поле.

– В такое-то время да на дороге она недолго пробудет девицей, – сказал тот, что постарше. Второй пожелал узнать, какие волосы у нее внизу – тоже рыжие?

Здесь помощи ждать не приходилось. Садясь в седло, Бриенна увидела в конце деревенской улицы тощего паренька верхом на пегой лошади. Его она еще не спрашивала, но он скрылся за септой, и она решила не гнаться за ним. Он скорее всего знает не больше других, а Санса вряд ли стала бы задерживаться в этой придорожной деревне. Скоро село и замок остались позади. Дорога вела Бриенну на северо-восток, через яблочные сады и ячменные поля. Она настигнет беглянку в Синем Доле – если та, конечно, ехала этим путем.

«Я найду эту девочку и сберегу ее, – пообещала она сирю Джейме в Королевской Гавани. – Ради ее леди-матери и ради тебя». Высокие слова, но сказать проще, чем сделать. Она слишком долго медлила в городе и слишком мало узнала там. Надо было выехать раньше... вот только куда? Санса Старк исчезла в ночь смерти короля Джоффри. Если кто-то видел ее с тех пор или знал, куда она могла подеваться, то Бриенне никто ничего не сказал.

Бриенна склонялась к мысли, что Санса покинула город. Останься она в Королевской Гавани, золотые плащи уже нашли бы ее. Куда бы отправилась сама Бриенна, будь она юной, одинокой, боязливой девицей, над которой нависла угроза смерти? Для нее ответ ясен – на Тарт, к отцу. Но отца Сансы обезглавили на глазах у дочери, а ее леди-мать злодейски убита в Близнецах. Винтерфелл, усадьба Старков, разграблен и сожжен, его домочадцы перебиты. У Сансы нет больше дома, нет отца с матерью, нет братьев. Бежать ей некуда. Она может быть где угодно – и в соседнем городишке, и на борту плывущего в Асшай корабля.

Даже если Санса решила вернуться домой, как она туда попадет? На Королевском тракте небезопасно, это должен понимать и ребенок. Ров Кейлин на Перешейке держат Железные Люди, в Близнецах сидят Фрей, убившие ее мать и брата. Девушка могла бы поехать морем, будь у нее деньги, но порт Королевской Гавани разрушен, а река запружена сожженными и потопленными кораблями. Бриенна поспрашивала у причалов, но никто не помнил, чтобы в ночь гибели короля оттуда отплыло какое-то судно. В заливе, правда, разгружается несколько торговых барок, сказал ей кто-то, но почти все корабли идут дальше, в Синий Дол, переживающий невиданный ранее расцвет.

Кобыла Бриенны не только с виду была хороша, но и бежала резво. Всадница никак не думала, что на дороге будет столько народу. Брели нищенствующие братья с чашками для подаяния на шее. Проскакал молодой септон на справной, не хуже, чем у лорда, лошадке. Затем Бриенне встретились Молчаливые Сестры, и она задала им свой вопрос, но они лишь

покачали головами в ответ. К югу тянулся запряженный волами обоз с грузом зерна и шерсти, свинопас гнал свое маленькое стадо, в конном портшезе ехала старушка в сопровождении верховых. Бриенна всех спрашивала о благородной девице тринадцати лет, голубоглазой, с волосами цвета червонного золота. Никто такую не видел. На расспросы о дороге один прохожий сказал:

– Отсюда до самого Дола, можно сказать, безопасно, но за Долом пошаливают разбойники, а в лесах – беглые солдаты.

Вдоль дороги зеленели только гвардейские сосны и страж-деревья – все лиственные рощи оделись в золотой и красный наряд или вовсе сбросили листву, воздев к небесам голые бурые ветви. Каждый порыв ветра взметал над дорожными колеями вихри палых листьев. Они шуршали у ног гнедой кобылы, которую дал Бриенне Джейме Ланнистер. Найти в этой круговерти один-единственный лист столь же легко, как пропавшую в Вестеросе девочку. Быть может, это поручение – всего лишь жестокая шутка с его стороны? Быть может, Сансу Старк как соучастницу в убийстве короля Джоффри уже зарезали, обезглавили и зарыли где-нибудь в безымянной могиле. Как же лучше скрыть ее смерть, чем послать на ее розыски большую дуру с острова Тарт?

Нет, Джейме не мог поступить так, говорила она себе. *Он дал мне меч и назвал его Верным Клятве.* И даже его обман ничего бы не изменил. Бриенна поклялась леди Кейтилин вернуть домой ее дочерей, а клятвы, данные умершим, святы. Младшей давно уже нет в живых: Джейме уверяет, что девочка, которую Ланнистеры отправили на север, чтобы выдать за незаконного сына Русе Болтона, – не Арья. Осталась только Санса, и долг Бриенны – найти ее.

Ближе к сумеркам она увидела у ручья костер. Двое мужчин жарили на огне форель, сложив оружие и доспехи под деревом. Один старый, другой чуть помладше, хотя тоже немолодой. Именно он поднялся Бриенне навстречу. Из-под шнуровки его засаленного кожаного кафтана выспирало объемистое брюшко, косматая борода отливала старым золотом.

– Милости просим, сир, – рыбы у нас на троих хватит, – радушно пригласил он.

Далеко не в первый раз Бриенну приняли за мужчину. Она сняла шлем, и ее волосы рассыпались по плечам – желтые, как грязная солома, и почти столь же сухие.

– Благодарю, сир.

Межевой рыцарь, не иначе как близорукий, прищурился.

– Леди? В броне и при оружии? Боги праведные. Глянь-ка, Илли, до чего здорова.

– Я тоже думал, что это рыцарь, – признался старший, поворачивая форель над огнем.

Бриенна, крупная даже для мужчины, для женщины была просто огромна. Всю жизнь она только и слышала о своем безобразии. Плечи широкие, бедра еще шире, толстые руки и ноги. Грудь скорее мускулистая, нежели округлая. Ладони большие, ступни громадные. Лицо лошадиное, конопатое, зубы во рту не помещаются. Нет нужды напоминать ей об этом – она и так знает.

– Сир, – начала она, – не встречалась ли вам девица тринадцати лет? Глаза голубые, волосы как червонное золото. Ее мог сопровождать дородный краснолицый мужчина лет сорока.

Близорукий рыцарь поскреб голову.

– Не припомню. Червонное золото – это как?

– Рыжевато-каштановые, – пояснил старший. – Нет, мы ее не видали.

– Не видали, миледи, – повторил младший. – Вы бы сошли с коня – рыба почти

изжарилась. Проголодались небось?

Ей действительно хотелось есть, но она колебалась, памятуя пословицу: «Межевой рыцарь и разбойник – две стороны одного меча». Эти двое, однако, не казались ей особо опасными.

– Могу я узнать ваши имена, сиры?

– Я имею честь называться сиром Крейтеном Длинный Сук, о котором слагают песни, – заявил пузатый. – Вы, может статься, слышали о моих подвигах на Черноводной. А моего спутника зовут сир Иллифер Бессребреник.

Если о Крейтоне Длинный Сук в самом деле слагали песни, Бриенна их не слыхала. Их имена говорили ей не больше, чем их гербы. Зеленый щит сира Крейтена носит лишь коричневый полукруг в верхней части да вмятину от чьего-то боевого топора. Щит сира Иллифера поделен на доли из золота и горностая – явно единственные золото и горностая, которые он видел в жизни. Лет ему никак не меньше шестидесяти, узкое сморщенное лицо выглядывает из-под капюшона пестрого домотканого плаща. Кольчугу веснушками испятнала ржавчина. Бриенна на голову выше их обоих, а лошадь и все вооружение у нее намного лучше. Если уж таких бедолаг бояться, то проще сразу сменять меч на вязальные спицы.

– Благодарю вас, добрые сиры, – сказала она. – Охотно разделю с вами трапезу. – Бриенна спешила, расседлала кобылу, напоила ее, стреножила и пустила пастись. Оружие, щит и поклажу она сложила под вязом. Тут и форель поспела. Сир Крейтон подал Бриенне рыбину, и она, поджав ноги, уселась на землю.

– Мы держим путь в Синий Дол, миледи, – сообщил ей Длинный Сук, поедая собственную форель при помощи пальцев. – Вы поступите мудро, если поедете с нами. На дорогах неспокойно.

Бриенна могла бы многое порассказать ему об опасности на дорогах.

– Благодарю, сир, но в вашей защите я не нуждаюсь.

– Я настаиваю. Истинный рыцарь должен оберегать слабый пол.

– Вот мой защитник, сир. – Бриенна тронула рукоять своего меча.

– Что пользы от меча, если к нему не прилагается мужчина.

– Я им неплохо владею сама.

– Как вам угодно. С леди спорить неучтиво. Однако втроем ехать все-таки лучше, чем в одиночку.

Мы выехали из Риверрана втроем, но Джейме лишился руки, а Клеос Фрей – жизни.

– Ваши лошади не угонятся за моей, – заметила она, бросив взгляд на Крейтенова бурого ревматического мерина и замороженного одра сира Иллифера.

– Мой скакун отменно послужил мне на Черноводной, – возразил сир Крейтон. – Я изрубил там дюжину врагов и заработал хороший выкуп. Вы, быть может, знавали сира Герберта Боллинга? Больше вы его не увидите. Я убил его на месте. Когда мечи начинают звенеть, сир Крейтон Длинный Сук всегда в первых рядах.

– Брось, Крей, – хмыкнул старик. – Таким, как она, мы с тобой ни к чему.

– Таким, как я? – Бриенна не совсем понимала, о чем он.

Сир Иллифер показал скрюченным пальцем на ее щит. Краска на дереве облупилась, но черная летучая мышь на поделенном серебряно-золотом поле виднелась достаточно хорошо.

– Вы носите ложный щит, на который не имеете права. Последнего из Лотстонов убил дед моего деда. С тех пор никто не смеет появляться прилюдно с нетопырем, черным, как дела его хозяев. – Этот щит сир Джейме взял из оружейной в Харренхолле, а Бриенна нашла

его на конюшне вместе с кобылой, седлом, уздечкой, кольчугой, шлемом, двумя кошельками – с золотом и серебром – и пергаментом, более ценным, чем оба из них.

– Свой щит я потеряла, – объяснила она.

– Истинный рыцарь – вот единственный щит, в котором нуждается дева, – провозгласил сир Крейтон.

– Босой ищет себе сапоги, – будто не слыша их, продолжал сир Иллифер, – а озябший – плащ. Но кто же станет одеваться в позорное рубище? Этот герб носили лорд Лукас Сводник и сир Манфред Черный Колпак, его сын. Я спрашиваю себя: кто захочет взять его себе, если не тот, чей грех еще более тяжек... и более свеж? – Он обнажил свой неказистый кинжал из дешевой стали. – Женщина, не по-людски большая и сильная, скрывающая собственную эмблему... Перед тобой, Крей, Тартская Дева, перерезавшая горло королю Ренли.

– Ложь. – Ренли Баратеон был для нее больше чем королем. Она полюбила его с тех самых пор, как он заехал к ним на Тарт, празднуя свое совершеннолетие. Ее отец устроил пир в его честь и приказал ей быть за столом – иначе она забилась бы в свою комнату, как раненый зверь. В ту пору она была не старше Сансы и боялась издевок пуще мечей. «Они узнают о розе, – сказала она лорду Сельвину, – и посмеются надо мной». Но Вечерняя Звезда настоял на своем.

А Ренли Баратеон держал себя с ней учтиво, точно не замечая, как она безобразна. Даже танцевал с ней. В его руках она чувствовала себя грациозной и будто парила над полом. Другие кавалеры, подражая ему, тоже стали просить ее на танец. С того дня она мечтала лишь об одном: быть рядом с лордом Ренли, служить ему, защищать его. Но в конце концов она его подвела. Ренли умер у нее на руках, хотя она не повинна в его смерти – но эти межевые рыцари ее не поймут.

– Я с радостью отдала бы жизнь за короля Ренли, – сказала она. – Я не причиняла ему вреда – клянусь в том на своем мече.

– На мече вправе клясться лишь рыцарь, – сказал сир Крейтон, а сир Иллифер велел:

– Поклянись Семерыми.

– Хорошо. Клянусь Матерью, что не причиняла вреда королю Ренли. Не знать мне ее милосердия, если я лгу. Клянусь Отцом, да рассудит он меня справедливо. Клянусь Девой и Старицей, Кузнецом и Воином. Клянусь Неведомым – пусть заберет он меня, если я солгала.

– Крепкая клятва для девицы, – признал сир Крейтон.

– Ну что ж, – пожал плечами сир Иллифер. – Если она сказала неправду, боги покарают ее. – Он спрятал кинжал обратно. – Первая стража ваша.

Рыцари улеглись спать, а Бриенна расхаживала по маленькому биваку, слушая, как потрескивает костер. *Лучше бы мне ехать дальше*, думала она, – но не бросать же этих, пусть даже чужих, людей без охраны. По дороге даже ночью ездили всадники, а в лесу слышались шорохи: кто знает, совы это, лисы или что-то другое. И Бриенна несла свой дозор, не отнимая руки от меча.

Ее стража прошла спокойно – хуже стало потом, когда сир Иллифер, проснувшись, сменил ее. Бриенна разостлала одеяло и легла, говоря себе, несмотря на усталость: не стану спать. В присутствии мужчин она всегда один глаз держала открытым. Даже в лагере лорда Ренли ей грозило насилие. Она хорошо усвоила этот урок под стенами Хайгардена и особенно после, когда они с Джейме попали в лапы Бравых Ребят.

Земляной холод, просачиваясь сквозь одеяло, пробирал до костей, сводил мускулы от челюстей до пальцев ног. Быть может, Санса Старк, где бы она ни была, тоже страдает от

холода. Санса – нежная душа, говорила леди Кейтилин, она любит лимонные пирожные, шелковые платья и песни о рыцарских подвигах. Но ей довелось видеть, как упала с плеч голова ее отца, а после ее насильно выдали замуж за одного из убийц. Если хотя бы половина рассказней о нем правда, этот карлик – самый лютей из всех Ланнистеров. Если Санса в самом деле отравила короля Джоффри, ее рукой водил Бес. При дворе у нее не было ни единого друга. Бриенне удалось разыскать в Королевской Гавани некую Бреллу, одну из горничных Сансы. Та рассказала ей, что нежных чувств между Сансой и карликом не замечалось. Возможно, она бежала не только от подозрения в убийстве, но и от него тоже.

Проснувшись Бриенна на рассвете, и сны, если они ей и снились, развеялись без следа. Ноги на холодной земле застыли, как деревянные, но никто на нее не покушался, и ее поклажа осталась нетронутой. Рыцари уже поднялись. Сир Иллифер готовил на завтрак белку, сир Крейтон стоял лицом к дереву, орошая его неспешно и с удовольствием. Межевые рыцари, старые, тщеславные, толстые и близорукие – однако порядочные. Отраднo знать, что на свете еще есть порядочные люди.

Они поели жареной белки, кашицы из желудей и соленых огурчиков. Сир Крейтон при этом поведал, как сразил на Черноводной дюжину грозных рыцарей, о которых Бриенна никогда не слыхала. «Что за бой был, миледи, – говорил он, – настоящая кровавая баня». Он признавал, что Иллифер тоже сражался храбро. Сам Иллифер большей частью помалкивал.

Когда пришло время отправиться в путь, рыцари поместились по обе стороны от Бриенны, как охрана, сопровождающая какую-нибудь знатную даму, хотя дама возвышалась над ними на целую голову и снаряжена была не в пример лучше.

– Когда вы караулили ночью, кто-нибудь проходил мимо? – спросила Бриенна.

– Вроде тринадцатилетней девицы, голубоглазой и с золотистыми волосами? Нет, миледи, никто не проходил, – ответил сир Иллифер, а Крейтон сказал:

– Я видел кое-кого. Проехал крестьянский парень на пегой кляче, а час спустя прошли с полдюжины пеших с кольями и серпами. Они увидели наш костер и долго пялились на наших коней, но я показал им свой клинок и велел проваливать подобру-поздорову. Дюжие ребята и с виду отчаянные, но даже самые отчаянные остерегаются связываться с сиром Крейтоном Длинный Сук.

Где уж там, подумала Бриенна, пряча улыбку. Крейтон, к счастью, был так занят повестью о своей битве с Рыцарем Красных Кур, что ничего не заметил. Хорошо ехать с попутчиками, даже с такими, как эти двое.

В полдень за голыми деревьями послышалось пение.

– Что это за звуки? – осведомился сир Крейтон.

– Молитва. – Бриенна знала этот напев. Они молят Воина защитить их, а Старицу – осветить их путь.

Сир Иллифер придержал коня и достал свой издавший звуки клинок, поджидая поющих.

– Они близятся к нам.

Молящиеся, наполнив лес громом своих голосов, вышли впереди на дорогу. Процессию возглавляли нищенствующие братья, заросшие, в грубых рясах и сандалиях, а кто и вовсе босиком. Следом шли около полусотни оборванных людей – мужчины, женщины, дети, – пятнистая свинья и с пяток овец. Несколько мужчин несли топоры, остальные – большие дубины и палицы. Посередине катилась ветхая деревянная тележка, наполненная доверху черепами и разрозненными костями. Поравнявшись с рыцарями, братья остановились, и пение смолкло.

– Да благословит вас Матерь, добрые рыцари, – сказал один.

– И тебя, брат, – ответил сир Иллифер. – Кто вы?

– Бедные люди, – сказал здоровяк с топором. Несмотря на прохладную погоду, он шел без рубашки, и на груди у него была начертана семиконечная звезда. Андальские воины, переплывшие Узкое море и покорившие владения Первых Людей, вырезали когда-то такие звезды на своем теле.

– Мы идем в город, – добавила высокая женщина, шедшая за тележкой. – Чтобы отвезти эти святые мощи к Бейелору Благословенному и просить помощи и защиты у короля.

– Поезжайте с нами, друзья, – предложил щуплый человечек в потертой одежде септона, с кристаллом на шее. – Вестеросу каждый меч пригодится.

– Мы направляемся в Синий Дол, – сказал в ответ сир Крейтон, – но могли бы, пожалуй, проводить вас в Королевскую Гавань.

– Если у вас найдется чем заплатить, – вставил сир Иллифер, даром что бессребреник.

– Воробьям золото ни к чему, – сказал септон.

– Воробьям? – опешил сир Крейтон.

– Воробей – самая скромная и неприметная из всех птиц. Таковы же и мы среди людей. – В бородке септона сквозила густая проседь, волосы стянуты шнурком позади, босые ноги черны и корявы, как древесные корни. – Это кости святых мужей, претерпевших за веру. Они послужили Семерым не только жизнью своей, но и смертью. Они изнуряли себя постом, а порой принимали муки от рук нечестивцев. Ныне служители зла оскверняют септы, насилуют жен и девиц. Даже Молчаливые Сестры подвергаются поруганию. Матерь наша в небесах проливает слезы от горя. Пришла пора всем истинным рыцарям покинуть своих земных владык и вступить за нашу святую веру. Поезжайте с нами в город, если любите Семерых.

– Я их люблю, – сказал Иллифер, – но есть мне тоже надо.

– Как и всем детям Матери нашей.

– Мы едем в Синий Дол, – безразлично проронил Иллифер.

Кто-то из братьев плюнул, у одной женщины вырвался стон.

– Вы ложные рыцари, – заявил человек со звездой на груди, и дубинки замаячили в воздухе.

– Не судите, – вмешался босоногий септон. – Оставьте суд Отцу нашему. Пусть они едут с миром. Они тоже бедные люди, сырые и неприкаянные.

Бриенна тронула лошадь вперед.

– У меня сестра потерялась. Ей тринадцать лет, и волосы у нее золотистые, очень красивые.

– Все дети Матери нашей красивы. Да сохранит Дева это бедное дитя... и тебя тоже. – Септон взялся за одну из постромок, и тележка двинулась с места. Братья снова затянули молитву. Бриенна и рыцари, сидя на конях, смотрели, как процессия медленно тянется по изрытой дороге к Росби. Пение, затихая, постепенно смолкло вдали.

Сир Крейтон, приподнявшись, почесал себе зад.

– У кого может подняться рука на святого септона?

Бриенна знала, у кого. Она помнила, как Бравые Ребята близ Девичьего Пруда повесили одного септона за ноги и пользовались им, как мишенью для своих стрел. Быть может, и его кости тоже лежат в этой тележке.

– И какой дурак станет насиловать Молчаливую Сестру? – продолжал сир Крейтон. – До

нее и дотронуться-то... Говорят, они жены Неведомого, и женское их естество холодно и влажно, как лед. Ох... виноват, – спохватился он, бросив взгляд на Бриенну.

Та, прищорив свою лошадь, послала ее в сторону Синего Дола. Сир Иллифер ехал следом за ней, Крейтон тащился в хвосте.

Три часа спустя они нагнали купца с его слугами, которые двигались в ту же сторону. Их сопровождал еще один межевой рыцарь. Купец ехал верхом на рябой кобыле, а его повозку тащили слуги: четверо поочередно впрягались в оглобли, еще двое шли по бокам. Заслышав стук копыт, все шестеро обступили повозку, оградив ее целым частоколом из длинных кольев. Купец приготовил арбалет, рыцарь обнажил меч.

– Простите эти меры предосторожности, – сказал купец, – но времена нынче опасные, а защищает меня один только добрый сир Шадрик. Можно спросить, кто вы?

– Как это кто? – обиделся Крейтон. – Я сир Крейтон Длинный Сук, только что побывавший в битве на Черноводной, а это мой спутник, сир Иллифер Бессребреник.

– У нас на уме нет ничего дурного, – присовокупила Бриенна.

Купец оглядел ее с явным сомнением.

– Сидели бы вы дома, миледи. Зачем вы носите этот противный вашей природе наряд?

– Я разыскиваю свою сестру. – Имени Сансы, обвиняемой в убийстве короля, она называть не осмеливалась. – Она красивая девица знатного рода, голубоглазая, с золотистыми волосами. Ее может сопровождать дородный рыцарь лет сорока или же пьяный шут.

– Пьяных шутов и падших девиц полно на дорогах. Дородство же честному человеку трудно сохранить в это голодное время... хотя ваш сир Крейтон, как видно, не голодает.

– У меня просто кость широка, – возразил вышеназванный рыцарь. – Не продолжить ли нам путь вместе? Я не сомневаюсь в доблести сира Шадрика, но он маловат ростом, а три меча лучше, чем один.

Четыре, а не три, подумала Бриенна, но промолчала.

Купец посмотрел на своего охранника.

– Что скажете, сир?

– Этих троих можно не опасаться, – ответил тот, жилистый, с лисьим лицом, острым носом и копной ярко-рыжих волос. Несмотря на маленький рост, держался он уверенно и даже задиристо. – Один стар, другой толст, третий и вовсе женщина, хоть и здоровенная. Пусть едут с нами.

– Ладно. – Купец опустил арбалет.

Когда они тронулись дальше, наемный рыцарь немного отстал и оглядел Бриенну с ног до головы, словно свиную тушу.

– Ох и велики ж вы, доложу я вам.

Насмешки Джейме ранили ее глубоко, но слова этого коротышки ничуть не задели.

– Великанша по сравнению кое с кем.

– Когда надо, я не меньше других, женщина, – засмеялся тот.

– Купец сказал, что вас зовут Шадрик.

– Сир Шадрик из Тенистой Долины, по прозвищу Бешеная Мышь. – Он показал Бриенне свой щит с гербом – большая белая мышь со свирепыми красными глазками над бурой и голубой перевязью. – Бурое обозначает земли, в которых я побывал, голубое – реки, которые я пересек. А мышь – это я сам.

– Выходит, вы бешеный?

– Вот-вот. Обыкновенные мыши бегут от шума и драки, а бешеная сама их ищет.

– Но, как видно, редко находит.

– Весьма часто. Я не дерусь на турнирах, женщина, – я приберегаю свою доблесть для боя.

– В таком случае у вас много общего с сиром Крейтоном.

– Сомневаюсь, – засмеялся сир Шадрик, – а вот с тобой мы могли бы объединиться. Пропавшая сестричка, э? Рыженькая и голубоглазая? Ты не единственный охотник в лесу. Я тоже ищу Сансу Старк.

Бриенна постаралась скрыть свой испуг.

– Кто эта Санса Старк и почему вы ее ищете?

– Причина всегда одна и та же: любовь.

– Любовь? – наморщила лоб Бриенна.

– Угу. Любовь к золоту. Я в отличие от твоего сира Крейтона в самом деле дрался при Черноводной, притом на стороне побежденных, и выкуп меня вконец разорил. Ты, полагаю, знаешь, кто такой Варис? Евнух предлагает пухлый кошель золота за девицу, о которой ты никогда не слыхивала. Я человек не жадный. Если какая-нибудь великанша поможет мне найти эту шкодливую девчурку, я поделюсь с ней паучьими денежками.

– Я думала, тебе этот купец платит.

– Только до Синего Дола. Скардность Хибальда не уступает его трусости, а трус он большой. Ну так как, женщина?

– Никакой Сансы Старк я не знаю, – упорствовала Бриенна. – Я ищу свою сестру...

– С голубыми глазенками и золотистыми локонами. Как же, как же. А что это за рыцарь, который путешествует вместе с твоей сестрой? Он же и шут? – Сир Шадрик не стал дожидаться ответа – и хорошо, потому что ответить ей было нечего. – Из Королевской Гавани в ночь смерти короля Джоффри пропал некий дурак – толстый такой, с красным носом. Раньше он звался сиром Донтосом Красным из Синего Дола. Как бы твою сестру с ее собственным пьяницей-шутком не приняли за малютку Старк с сиром Донтосом – тогда ей крепко не поздоровится. – И сир Шадрик, покинув Бриенну, рысцой уехал вперед.

Даже при стычках с Джейме Ланнистером Бриенна редко чувствовала себя такой дурой. «Ты не единственный охотник в лесу». Брелла рассказала ей, как Джоффри лишил сира Донтоса рыцарских шпор, а леди Санса умолила короля сохранить ему жизнь. *Вот кто помог ей бежать*, решила Бриенна, услышав эту историю. *Если я найду сира Донтоса, то и Сансу найду*. Нет бы сообразить, что и другим может прийти на ум то же самое. Даже намного менее разборчивым, чем сир Шадрик. Остается надеяться, что сир Донтос хорошо спрятал Сансу – но как тогда она сама, Бриенна, ее найдет?

Она ехала хмурая, сторбив плечи.

К ночи они добрались до гостиницы – высокого бревенчатого строения на берегу реки у старого каменного моста. По словам сира Крейтона, она так и называлась – «Старый каменный мост». Хозяин был его другом.

– Он неплохой повар, и блох в комнатах не больше, чем в любом другом месте, – ручался рыцарь. – Кто за теплую постель на эту ночь?

– Ну, разве что твой приятель даром их раздает, – сказал сир Иллифер. – У нас нет денег ему заплатить.

– Я могу заплатить за нас троих. – В деньгах Бриенна не нуждалась благодаря Джейме. В седельной сумке она нашла кошель, туго набитый серебряными оленями и медяками, еще

один с золотыми драконами и грамоту, предписывающую всем верноподданным оказывать содействие Бриенне из дома Тартов, путешествующей по делу его величества. Грамота была подписана детской рукой Томмена, первого этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, властителем Семи Королевств.

Хибальд, тоже желавший ночевать под крышей, велел своим людям поставить возок у конюшни. Сквозь ромбы гостиничных стекол струился теплый желтый свет. Чей-то жеребец подал голос, почуяв кобылу Бриенны. Когда она стала расседлывать лошадь, подбежал парнишка-конюх.

– Позвольте мне, сир.

– Я не сир, но лошадь ты можешь взять. И смотри, чтобы ее вычистили, накормили и напоили как следует.

– Виноват, миледи, – покраснел парень. – Я думал...

– Все так думают. – Она передала ему поводья и вместе с другими вошла в дом – сумки с поклажей через плечо, одеяла под мышкой.

В общей зале с посыпанным опилками полом пахло хмелем, дымом и мясом, которое жарилось на вертеле над огнем. Шестеро местных жителей, беседовавших за столом, умолкли, когда вошли чужие. Бриенна, несмотря на кольчугу, кафтан и плащ, почувствовала себя раздетой под их взглядами.

– Гляньте-ка, – промолвил кто-то, подразумевая определенно не сира Шадрика.

Появился хозяин с тремя кружками в каждой руке, расплескивая эль на пол.

– Есть у тебя комнаты, добрый человек? – спросил купец.

– Найдутся – для тех, у кого есть монета.

– Так-то ты встречаешь старых друзей, Негль? – оскорбился сир Крейтон. – Это ж я, Длинный Сук.

– Вижу, что ты. За тобой должок – семь оленей. Покажи мне свое серебро, и я тебе покажу кровать. – Хозяин поставил кружки на стол одну за другой, расплескав еще больше эля.

– Я плачу. Одна комната для меня, другая для моих спутников. – Бриенна указала на Крейтона с Иллифером.

– Я тоже беру комнату, – сказал купец, – для себя и доброго сира Шадрика. Мои люди переночуют в конюшне, с твоего позволения.

Хозяин оглядел новоприбывших.

– Ну что ж, могу и позволить. Ужинать будете? У меня козленок на вертеле, хороший.

– Насколько он хорош, судить буду я, – заявил Хибальд. – Мои слуги поедят хлеба со шкварками.

Бриенна сунула несколько монет в руку хозяина, поднялась с ним наверх и сложила свое добро во второй из показанных им комнат. Спустившись, она тоже отведала козленка и двух рыцарей угостила – они ведь с ней поделились своей форелью. Рыцари и купец запивали ужин элем, но она ограничилась чашкой козьего молока. Прислушиваясь к разговорам, она вопреки надежде надеялась, что какое-нибудь случайное слово наведет ее на след Сансы.

– Вот вы из Королевской Гавани едете, – обратился один из местных к Хибальду. – Правду говорят, будто Цареубийца теперь калека?

– Это правда. Он потерял правую руку.

– Говорят, ему ее лютоволк отгрыз, – вставил Крейтон. – Забрел сюда с севера. На севере спокон веку ничего хорошего не бывало. У них даже боги, и те чудные.

– Это не волк был, – неожиданно для себя вмешалась Бриенна. – Руку сиру Джейме отсек наемник из Квохора.

– Нелегко, должно быть, драться левой рукой, – заметил сир Шадрик.

– Только не для меня, – заявил сир Крейтон. – Я с одинаковой легкостью владею обеими.

– Не сомневаюсь. – Сир Шадрик отсалютовал ему кружкой.

Бриенна помнила, как сражалась с Джейме в лесу. Ее хватало только на то, чтобы отбиваться. А ведь он тогда ослаб после долгого заключения, и запястья у него были скованы. Будь он в расцвете сил и без цепей, ни один рыцарь Семи Королевств не устоял бы против него. У Джейме на совести много дурных дел, но какой это был боец! Наемники, изувечив его, совершили чудовищную жестокость. Одно дело – убить льва, другое – отрубить ему лапу и бросить беспомощного, растерянного.

Стоящий в зале шум показался ей вдруг нестерпимым. Она пожелала всем доброй ночи и отправилась спать. Войдя с коптилкой в свою комнату, она нагнула голову, чтобы не задеть потолок – очень низкий. Всю мебель там составляла кровать, где вполне могли улечься шесть человек. К подоконнику был прилеплен сальный огарок. Бриенна зажгла его от своей коптилки, заперла дверь, повесила пояс с мечом на столбик кровати. В простых деревянных ножнах, обтянутых облупленной кожей, лежал еще более простой клинок – она купила его в Королевской Гавани взамен меча, отнятого у нее Бравыми Ребятами. Меча Ренли. Она до сих пор страдала из-за того, что не сохранила его.

Был у нее, однако, и другой меч, закатанный в одеяла. Сев на кровать, она развернула его. Золото засверкало при свече, загорелись рубины. Бриенна вынула Верного Клятве из роскошных ножен, и у нее захватило дух. В глубине стали переливалась черно-красная рябь. Валирийская сталь, чародейская. Меч, достойный героя. Когда Бриенна была маленькая, нянька все уши ей прожужжала подвигами сира Галладона из Морна, Флориана-дурака, принца Эймона Драконьего Рыцаря. У каждого из них был свой прославленный меч. Верный Клятве имеет все права быть причисленным к ним, хотя ей самой среди героев не место.

– Сталь Неда Старка, из которой ты выкован, будет защищать его дочь, – пообещала она мечу.

Став на колени между кроватью и стенкой с мечом в руках, она молча помолилась Старице, чья золотая лампада освещает людям жизненный путь. *Приведи меня к цели*, молилась Бриенна, *освети мне дорогу к Сансе*. Она не уберегла Ренли, не уберегла леди Кейтилин – Джейме она не должна подвести. Он доверил ей свой меч и свою честь.

Кровать при всей своей ширине была недостаточно длинной, и Бриенна, поворочавшись, улеглась наискосок. Внизу тарахтели кружки и бубнили голоса собутыльников. Блохи, о которых упоминал Крейтон, не замедлили явиться и мешали ей спать.

Она слышала, как наверх поднялся Хибальд, а за ним вскоре и рыцари.

– Я так и не узнал его имени, – говорил Крейтон, – но на щите он носил кроваво-красную курицу, и с меча его капала кровь... – Где-то открылась и снова закрылась дверь, заглушив его голос.

Свеча Бриенны погасла. Когда в гостинице стало так тихо, что за ее стенами слышался плеск реки, Бриенна встала, собрала свои вещи, приоткрыла дверь и прислушалась. Босиком она спустилась по лестнице, во дворе обулась и пошла седлать кобылу, мысленно прося прощения у сира Крейтона с сиром Иллифером. Один из слуг Хибальда проснулся, когда она

проехала мимо, но даже не подумал ее задерживать. Копыта простучали по старому каменному мосту, и Бриенну обступил лес, черный как смола, полный призраков и воспоминаний. *Я еду к тебе, леди Санса, думала всадница. Не бойся. Я не дам себе отдыха, пока не найду тебя.*

Читая про Иных, Сэм увидел мышонка.

Сэм твердил себе, что глаза тереть не надо, и все-таки тер. Это от пыли они так чешутся, а здесь внизу везде пыль. Она поднималась в воздух всякий раз, как он переворачивал страницу, а когда он передвигал кипу книг, взвивалась столбом.

Он не знал, сколько времени просидел без сна, но от толстой сальной свечи осталось не больше дюйма. Сэм зажег ее в самом начале своих трудов, принявшись за груды разрозненных, перевязанных бечевкой листов. Устал он смертельно, но как оторваться? Еще одна книга – и все. Еще страница, и он отдохнет, перекусит. Но за страницей следовала другая и третья, а под перелистанной книгой дожидалась новая. *Я только гляну, о чем она,* думал Сэм – и доходил до середины, разбираясь в ее содержании. В последний раз он ел похлебку из бобов и сала вместе с Пипом и Гренном. Ну, еще хлеб с сыром сжевал, но это так, не в счет. Именно в тот миг он взглянул на пустую тарелку и увидел мышонка, который лакомялся хлебными крошками.

Ростом с половину его мизинца, глазки черные, шерстка серая и пушистая. Сэм знал, что должен убить его. Мыши, возможно, предпочитают хлеб с сыром, но и бумагу тоже едят. На полках ему то и дело попадался мышиный помет, и кожаные переплеты некоторых книг они сильно изгрызли.

Но этот такой маленький. И голодный. Крошек, что ли, для него жалко? Да, но книги-то он грызет... От долгого сидения хребет у Сэма стал как доска и ноги почти совсем онемели. Поймать мышонка он не поймает, но пришибить, пожалуй, сумеет. Под рукой у него лежит массивный том «Анналов Черного Кентавра» – подробнейшая летопись септона Йоркена о тех девяти годах, когда лордом-командующим Ночного Дозора служил Орберт Кассель. Каждому дню его служения посвящалась страница, которая всякий раз начиналась примерно так: «Лорд Орберт встал на рассвете и совершил облегчение желудка». Последняя отличалась от всех остальных тем, что уведомляла: «Утром обнаружилось, что лорд Орберт ночью скончался».

Против септона Йоркена ни одна мышь не сдюжит. Сэм очень медленно взялся за книгу левой рукой – но фолиант, очень тяжелый, выскользнул из его пухлых пальцев и хлопнулся на пол. Мышонка как ветром сдуло. Вот и хорошо – прибав это бедное маленькое создание, Сэм плохо бы спал по ночам.

– А книги грызть все равно нельзя, – промолвил он вслух. В следующий раз, пожалуй, надо будет захватить с собой побольше сыру.

Подумать только, как свеча выгорела. Когда он ел эти бобы с салом – сегодня или вчера? Похоже, что вчера, подумал Сэм и зевнул во весь рот. Джон, поди, в толк не возьмет, куда он девался, а вот мейстер Эймон должен его понять. Мейстер, пока не ослеп, любил книги не меньше, чем он, Сэмвел Тарли. Он понимает, как они затягивают человека – ведь каждая страница открывает перед тобой дверь в иной мир.

Сэм встал и сморщился от боли в затекших икрах. Стул такой твердый, немудрено отсидеть все на свете. Не забыть в другой раз взять подушку. Еще лучше и спать здесь, вон в той каморке, наполовину заставленной четырьмя сундуками, только мейстера Эймона не годится надолго бросать. В последнее время он ослабел, и ему нужна помощь, особенно с воронами. Есть, правда, еще и Клидас, но Сэм моложе и лучше управляется с птицами.

Захватив левой рукой кучу книг и свитков, а в правой держа свечу, Сэм двинулся по коридорам, которые у братьев звались червоточинами. На каменные ступеньки у выхода из подземелья падал бледный свет – значит там, наверху, день. Сэм оставил свечу в стенной нише и стал подниматься. На пятой ступеньке он запыхался, на десятой остановился переложить книги под правую руку.

Небо цвета белого свинца обещало снег, и Сэму сделалось неудобно. Он хорошо помнил ту ночь на Кулаке Первых Людей, когда упыри пришли к ним вместе со снегом. Ладно, не трусь, сказал он себе. Вокруг тебя твои братья, не говоря уж о Станнисе Баратеоне со всем его рыцарством. Башни и здания Черного Замка казались маленькими рядом с ледяной громадой Стены. Люди, копошась на четверти ее высоты, тянули новую лестницу вверх, к остаткам старой. Лед гулко отражал стук их молотков и визг пил. Строители по приказу Джона работают днем и ночью. Сэм слышал, как они жаловались на это за ужином – при лорде Мормонте, мол, они и вполтину не надрывались так, как теперь. Однако без большой лестницы на Стену подняться нельзя. Разве только в клетки, которую поднимают, крутя ворот внизу. Сэм при всей своей ненависти к ступенькам ненавидел эту клетку еще пуще. В ней он всегда закрывал глаза, убежденный, что цепь вот-вот оборвется. Каждый раз, когда железный короб чиркал по льду, сердце у него на миг останавливалось.

Двести лет назад тут были драконы, думал Сэм теперь, глядя, как клетка медленно ползет вниз. Им-то взлететь на верхушку Стены ничего не стоит. Королева Алисанна посещала Черный Замок верхом на своем драконе, а Джейенерис, ее король, летел следом на своем. Может быть, Среброкрылый оставил после себя хотя бы одно яйцо? Или Станнис нашел его на Драконьем Камне? Но даже если яйцо существует, как можно надеяться, что из него вылупится дракон? Бейелор Благословенный молился над драконьими яйцами, другие Таргариены пытались оживить их с помощью колдовства, но все это кончалось либо фарсом, либо трагедией.

– Сэмвел, – произнес чей-то мрачный голос, – я за тобой. Мне велено привести тебя к лорду-командующему.

На нос Сэму упала снежинка.

– Джон хочет меня видеть?

– Насчет этого ничего не знаю, – ответил Скорбный Эдд Толлетт. – Я сам не хотел видеть половину того, что видел, и не видел половину того, что видеть хотел. Думаю, что хотение тут ни при чем, но ты все равно ступай. Лорд Сноу поговорит с тобой, как только закончит разговор с женой Крастера.

– С Лилли.

– Точно, с ней. Будь у меня такая кормилица, я бы до сих пор сиську сосал. У моей борода росла.

– Как у всех дойных коз, – с лету подхватил Пип. Они с Гренном вышли из-за угла, неся длинные луки и колчаны со стрелами. – Ты где был, Смертоносный? Мы еще вчера тебя хватились, за ужином. Целый жареный бык пропал зря.

– Не называй меня Смертоносным. – Подковырку насчет быка Сэм пропустил мимо ушей – Пип он и есть Пип. – Я зачитался, а потом эта мышь...

– Не говори о мышах при Гренне. Он их боится до смерти.

– Скажешь тоже, – вознегодовал Гренн.

– Съесть мышку точно уж побоишься.

– Могу съесть целую кучу. Побольше тебя.

– Когда я был мальчишкой, мы ели мышей только по большим праздникам, – вздохнул Скорбный Эдд. – Мне как младшему одни хвосты доставались, а разве это еда?

– Где твой лук, Сэм? – спросил Гренн. Сир Аллисер давно уже прозвал его Зубром, и Гренн с каждым днем все больше оправдывал это прозвище. В новобранцах это был здоровый, но неповоротливый парень, толстошей, пузатый и краснолицый. Шея у него до сих пор наливалась кровью, когда Пип его дурачит, но благодаря долгим упражнениям с мечом и щитом живот у него подобрался, руки окрепли и грудь раздалась. Теперь он силен – и мохнат, как настоящий зубр. – Ульмер зря прождал тебя у мишеней.

– Ульмер... – огорчился Сэм. Джон Сноу, став лордом-командующим, чуть ли не первым делом обязал весь гарнизон, даже поваров и сардов, ежедневно упражняться в стрельбе из лука. Дозор слишком много значения придает мечу и слишком мало – луку, сказал он. Это пережиток прошлого, когда рыцарем был каждый десятый из братьев, а не каждый сотый, как ныне. Сэм признавал разумность такого указа, но стрельбу не любил наравне с лестницами. В перчатках он не попадал никуда, а если снимал их, на пальцах тут же вздувались мозоли. Эти луки просто опасны. Атласу сорвало тетивой половину ногтя на большом пальце. – Я и забыл.

– Ты разбил сердце принцессы одичалых, Смертоносный, – заметил Пип. У Вель последнее время появилась привычка смотреть на них из своего окна в Королевской башне. – Она про тебя спрашивала.

– Не выдумывай! – Сэм говорил с ней всего два раза, когда мейстер Эймон приходил к ней проверить, здоровы ли младенцы. Она так хороша, что при ней он то и дело заикается и краснеет.

– А что такого? – не уступал Пип. – Может, она от тебя детей хочет. Надо было нам прозвать тебя «Сэм-Соблазнитель».

Сэм залился краской. Он знал, что у короля Станниса свои планы на Вель: она должна послужить известкой, которая скрепит мир между северянами и вольным народом.

– Стрелять у меня сегодня нет времени. Надо к Джону идти.

– К Джону? Мы знаем кого-нибудь по имени Джон, а, Гренн?

– Это он про лорда-командующего.

– О-о. Великий лорд Сноу. Зачем он тебе? Он даже ушами шевелить не умеет. – Для подкрепления Пип пошевелил своими – большими и красными от холода. – Теперь он настоящий лорд Сноу. Чересчур высоко вознесся для нас, грешных.

– У Джона много обязанностей, – вступился за друга Сэм. – Он отвечает за Стену и за все, что с ней связано.

– Перед друзьями у человека тоже бывают обязанности. Кабы не мы, лордом-командующим мог бы стать Янос Слинг. Лорд Янос посадил бы Сноу голышом на мула и отправил назад в Замок Крастера с наказом привезти ему плащ и сапоги Старого Медведя. Мы спасли его от этой участи, а теперь он, выходит, слишком занят, чтобы выпить с нами чашу подогретого вина?

– Во двор-то он выходит, – поддержал Пипа Гренн. – Что ни день, он там с кем-нибудь бьется.

Сэм вынужден был признать, что это правда. Однажды, когда Джон пришел за советом к мейстеру Эймону, Сэм спросил его, почему он столько времени уделяет работе с мечом? Старый Медведь себя этим не особенно утруждал. Вместо ответа Джон вручил Сэму Длинный Коготь, дав почувствовать легкость меча, его безупречную балансировку, позволив

полюбоваться волнами, играющими в дымчато-темном металле. «Валирийская сталь, – сказал Джон при этом, – волшебная, острая как бритва. Почти ничто в мире не может ее сокрушить. Воин должен быть достоин своего меча, Сэм. Длинный Коготь сделан из валирийской стали, а я – нет. Полурукому убить меня было бы все равно, что тебе комара прихлопнуть».

Сэм вернул ему меч. «Когда я хочу прихлопнуть комара, он всегда улетает. Я хлопаю самого себя по щеке, а потом чешусь».

«Будь по-твоему, – засмеялся Джон. – Все равно что тебе выхлебать миску овсянки». Сэм любил овсянку, особенно если подсластить ее медом.

– Некогда мне тут с вами, – сказал он и зашагал к оружейной, прижимая книги к груди. «Я щит, защищающий царство человека», – вспомнилось ему. Что бы сказали люди, увидев защитников своего царства – Гренна, Пипа и Скорбного Эдда?

Башня лорда-командующего выгорела во время пожара, Королевскую Станнис Баратеон взял себе, и Джон Сноу поместился в скромном жилище Донала Нойе позади оружейной. Лилли как раз выходила от него, завернувшись в старый плащ, который дал ей Сэм при побеге из Замка Крастера. Она чуть не проскочила мимо него, но он поймал ее за руку, уронив на мокрую землю две книги.

– Лилли!

– Сэм, – хрипло отозвалась она. Тоненькая, с карими, как у лани, глазами, она тонула в его плаще с низко надвинутым капюшоном, но вопреки этому вся дрожала, и ее лицо выдавало испуг.

– Что случилось? – спросил ее Сэм. – Как дети?

– Хорошо, Сэм. – Она высвободила руку. – Все хорошо.

– Эти двое тебе и спать-то, поди, не дают. Который из них кричал прошлой ночью? Я думал, он никогда не уймется.

– Даллин. Он всегда кричит, когда хочет есть. Мой-то тихий. Знай себе воркует и... – Глаза Лилли наполнились слезами. – Я пойду. Их давно уж кормить пора. Я промокну насквозь, если не поспешу. – И она побежала через двор, оставив Сэма в недоумении.

Он стал на колени, чтобы подобрать упавшие книги. *Зря я набрал столько*, подумал он, счищая грязь с «Яшмового ларца» Коллоквию Вотара. Этот пухлый том восточных легенд и сказок мейстер Эймон наказал ему найти непременно. Книга пострадала не сильно, а вот другой, труду мейстера Томакса, посчастливилось меньше. «Драконова кровь. История дома Таргариенов от изгнания до апофеоза, с рассмотрением жизни и смерти драконов». Падая, она раскрылась, и страницы запачкались, в том числе и красивая цветная картинка с изображением Балериона Черного Ужаса. Сэм обругал себя за неуклюжесть. При Лилли он всегда суетится и чувствует... ну, словом, желание. Брат Ночного Дозора ничего такого чувствовать не должен, но Лилли, особенно когда говорит о кормлении и о своем молоке...

– Лорд Сноу ждет тебя, – сказал Волосатый Хел, один из часовых в черных плащах и полушлемах, стоявших у двери оружейной. Второй, Малли, помог Сэму встать. Сэм наспех поблагодарил и заспешил мимо кузни. Меха, наковальня, наполовину законченная кольчуга на верстаке. Призрак, растянувшись под наковальней, грыз мозговую говяжью кость. Белый лютоволк поднял глаза на Сэма, но не издал ни звука.

За кузницей располагались стойки со щитами и копьями, а еще дальше – горница лорда-командующего. Джон читал какой-то пергамент. Ворон лорда Мормонта у него на плече поглядывал на страницу, как будто тоже читал, но при виде Сэма тут же полетел к нему,

крича:

– Зерно! Зерно!

Сэм, перехватив книги, достал из мешка у двери пригоршню зерен. Ворон сел ему на руку и склонил одно с ладони так сильно, что Сэм ойкнул и дернулся. Ворон опять взвился в воздух, а зерно, желтое с красным, рассыпалось по полу.

– Закрой дверь, Сэм. – Под глазом у Джона еще виднелись шрамы от орлиных когтей. – Эта тварь тебя ранила?

Сэм положил книги и стянул перчатку с руки.

– Ну да. – Ему даже дурно сделалось. – Кровь!

– Мы все проливаем кровь за Дозор. Возьми себе перчатки потолще. – Джон ногой подвинул Сэму стул. – Сядь и прочти.

– Что это? – спросил Сэм, беря от него пергамент. Ворон выклевывал зерно среди тростника на полу.

– Бумажный щит.

Сэм, посасывая ранку на ладони, начал читать. Руку мастера Эймона он узнал сразу. Слепой пишет мелко и четко, но порой оставляет кляксы, и чернила кое-где размазаны.

– Письмо королю Томмену?

– В Винтерфелле Томмен сражался с моим братишкой Браном на деревянных мечях. Его так закутали, что он походил на откормленного гуся, и Бран его повалил. – Джон подошел к окну. – Теперь Брана больше нет, а пухленький розовощекий Томмен сидит на Железном Троне с короной на золотых кудряшках.

Бран не умер, хотелось сказать Сэму. Он отправился за Стену с Холодными Руками. Но слова застряли у него в горле – он поклялся, что никому не скажет об этом.

– Здесь нет твоей подписи.

– Старый Медведь сто раз просил Железный Трон о помощи. В ответ они прислали ему Яноса Слинта. Никакое письмо не заставит Ланнистеров проникнуться к нам любовью – особенно когда до них дойдет весть, что мы помогли Станнису.

– Мы не поддерживаем его мятежа, мы защищаем Стену, и только. – Сэм пробежал письмо еще раз. – Тут так и сказано.

– Лорд Тайвин может не разглядеть разницы. – Джон забрал у Сэма письмо. – С чего ему помогать нам теперь, если он не делал этого раньше?

– Пойдут разговоры, что Станнис выступил на защиту государства, пока Томмен забавлялся со своими игрушками. Дом Ланнистеров это не украсит.

– Смерть и разрушение – вот что я хочу принести дому Ланнистеров. Пятна на его репутации мне мало. «Ночной Дозор не принимает участия в войнах Семи Королевств», – вслух прочел Джон. – «Свою присягу мы приносим государству, которое сейчас находится под угрозой. Станнис Баратеон поддерживает нас против врага, обитающего за Стеной, хотя мы и не его люди...»

– Так мы ведь и правда не его люди, – поерзав, заметил Сэм. – Ведь верно?

– Я дал Станнису кров и пищу. Отдал ему Твердыню Ночи. Согласился поселить часть вольного народа на Даре. Только и всего.

– Лорд Тайвин сочтет, что и этого много.

– Станнис полагает, что недостаточно. Чем больше ты даешь королю, тем больше он от тебя хочет. Мы идем по ледяному мосту через бездну. Даже одного короля ублажить трудно, а уж двоих едва ли возможно.

– Да, но... если Ланнистеры одержат верх и лорд Тайвин решит, что мы совершили измену, оказав помощь Станнису, Ночному Дозору придет конец. За ним стоят Тиреллы со всей мощью Хайгардена. И он уже победил лорда Станниса однажды, на Черноводной. – От вида крови Сэму делалось дурно, но как выигрываются войны, он знал. Его отец позаботился об этом.

– Это всего лишь одно сражение. Робб все свои сражения выигрывал, а голову потерял. Если Станнис сумеет поднять Север...

Он хочет убедить сам себя, понял Сэм, но у него плохо получается. Целая туча воронов вылетела из Черного Замка, призывая северных лордов примкнуть к Станнису. Сэм их и отправлял большей частью. Пока что домой вернулась всего одна птица, из Кархолда. Все остальные, кому разосланы письма, безмолвствуют.

Даже если Станнис умудрится привлечь северян на свою сторону, все равно неясно, как он надеется победить соединенные силы Бобрового Утеса, Хайгардена и Близнецов. А без Севера его дело и вовсе обречено. Как обречен и Ночной Дозор, если лорд Тайвин заклеит их изменниками.

– У Ланнистеров есть свои северяне. Лорд Болтон и его бастард.

– А у Станниса – Карстарки. Если он заполучит еще и Белую Гавань...

– Если, – подчеркнул Сэм. – Если же нет... то даже бумажный щит лучше, чем совсем никакого.

– Пожалуй. – Джон вздохнул, взял перо и нацарапал внизу свою подпись. – Давай воск. – Сэм разогрел на свече палочку черного воска, накапал на пергамент, и Джон отгиснул на черной лужице печать лорда-командующего. – Отнеси это мейстеру Эйемону, когда будешь уходить, и вели ему послать птицу в Королевскую Гавань.

– Хорошо. – Сэм помялся. – Могу я спросить, милорд? Лилли, выходя от тебя, чуть не плакала...

– Вель снова присылала ее просить за Манса.

– А-а. – Вель – сестра Даллы, которую Король за Стеной сделал своей королевой. Станнис и его люди прозвали Вель «принцессой одичалых». Далла умерла во время боя, хотя ни один клинок не коснулся ее, – умерла, рожая сына Мансу-Разбойнику. Сам Манс вскоре тоже последует за ней в могилу, если в разговорах, которые слышал Сэм, есть хоть доля правды. – И что же ты ей ответил?

– Что поговорю о Мансе со Станнисом, хотя вряд ли мои слова его поколеблют. Первый долг короля – защищать королевство, а Манс пошел на это королевство войной. Не думаю, что его величество забудет об этом. Отец, бывало, говорил, что Станнис Баратеон – человек справедливый, но я ни от кого не слыхал, что он способен прощать. Лучше бы я сам отрубил Мансу голову, – нахмурился Джон. – Он служил когда-то в Ночном Дозоре, и жизнь его по праву принадлежит нам.

– Пип говорит, что леди Мелисандра хочет отдать его пламени. Чтобы совершить какое-то колдовство.

– Пипу лучше придержать свой язык. И другие то же самое повторяют. Королевская кровь нужна, чтобы пробудить дракона. Откуда у Мелисандры спящий дракон, никто толком сказать не может. Чепуха это. В Мансе королевской крови не больше, чем во мне. Он не носил короны, не сидел на троне. Он простой разбойник, а у разбойничьей крови никакой власти нет.

– Кррровь, – каркнул ворон, поглядев на них с пола.

– Я отсылаю Лилли из замка, – сказал Джон.

– О. Ну что ж... хорошо, милорд. – Хорошо для Лилли – она уедет в теплое, безопасное место, подальше от Стены, где все время воюют.

– Да. Вместе с сыном. Надо будет найти другую кормилицу для его молочного брата.

– Можно козьим молоком кормить, пока не найдем. Для ребенка оно лучше коровьего. – Сэм это вычитал где-то. – А знаешь, милорд, я отыскал в книгах еще одного юного командующего, совсем мальчика. За четыреста лет до Завоевания. Осрика Старка выбрали, когда ему было десять, а прослужил он шестьдесят лет. Это уже четвертый, так что ты далеко не самый юный – всего лишь пятый по счету.

– Эти четверо, что моложе меня, все были сыновьями, братьями или бастардами Короля Севера. Расскажи лучше что-нибудь полезное. О нашем враге.

– Иные... – Сэм облизнул губы. – Они упоминаются в хрониках, хотя не так часто, как я думал. То есть в тех хрониках, которые я уже просмотрел. Многие еще остались непочитанными. Старые книги просто разваливаются, страницы крошатся, когда их пытаешься перевернуть. А совсем древние либо уже развалились, либо запрятаны так, что я их пока не нашел... а может, их вовсе нет и не было никогда. Самое старое, что у нас есть, написано после прихода андалов в Вестерос. От Первых Людей остались только руны на камне, поэтому все, что мы якобы знаем о Веке Героев, о Рассветных Веках и Долгой Ночи, пересказано септонами, жившими тысячи лет спустя. Некоторые архимейстеры Цитадели подвергают сомнению всю известную нам древнюю историю. В ней полно королей, правивших сотни лет, и рыцарей, совершавших подвиги за тысячу лет до первого появления рыцарей... ну, ты сам знаешь. Брандон Строитель, Симеон Звездный Глаз, Король Ночи. Ты считаешься девятьсот девяносто восьмым командующим Дозора, а в древнейшем списке, который я раскопал, значится шестьсот семьдесят четыре имени – стало быть, его составили...

– Очень давно, – прервал его Джон. – Так что же Иные?

– Я нашел упоминание о драконовом стекле. В Век Героев Дети Леса каждый год дарили Ночному Дозору сотню обсидиановых кинжалов. Иные приходят, когда настает холода, а может, это холода настает, когда приходят они. Иногда они сопутствуют метели и исчезают, когда небеса проясняются. Они прячутся от солнца и являются ночью... или ночь приходит на землю следом за ними. В некоторых сказаниях они ездят верхом на мертвых животных: на медведях, лютоволках, мамонтах, лошадях – им все равно, лишь бы мертвые были. Тот, что убил Мальша Паула, ехал на мертвом коне, так что это по крайней мере верно. Порой в текстах встречаются гигантские ледяные пауки – не знаю, что это. Людей, павших в бою с Иными, следует сжигать, иначе мертвые восстанут и будут делать то, что прикажут они.

– Все это мы уже знаем. Вопрос в том, как с ними бороться.

– Большинство обычных клинков бессильно против брони Иных, если верить легендам, а их собственные холодные мечи легко крушат сталь. Но огонь их пугает, а обсидиан может убить. – Сэм вспомнил того, с кем столкнулся в Зачарованном лесу, – он растаял на глазах от удара обсидианового кинжала, который сделал для Сэма Джон. – В одном предании о Долгой Ночи говорится, что некий герой убивал Иных мечом из драконовой стали. Против нее они будто бы тоже устоять не могут.

– Драконова сталь? Валирийская?

– Я тоже сразу так и подумал.

– Значит, если я просто уговорю лордов Семи Королевств отдать нам свои валирийские клинки, мир будет спасен? Не так уж и трудно, – невесело посмеялся Джон. – Не можешь ли ты сказать, откуда эти Иные взялись и чего им надо?

– Пока еще нет, но я, может быть, просто читал не те книжки. Там есть сотни таких, куда я даже не заглянул. Дай мне время, и я разыщу все, что только возможно.

– Нет у нас времени. – В голосе Джона слышалась грусть. – Собирай вещи, Сэм, – ты поедешь вместе с Лилли.

– Поеду? – опешил Сэм. – Куда, в Восточный Дозор? Или...

– В Старомест.

– В Старомест! – чуть ли не взвизгнул Сэм. Оттуда до Рогова Холма рукой подать. У Сэма даже голова слегка закружилась. Родной дом. Отец.

– Эймон тоже едет с вами.

– Эймон? Как же так... ведь ему сто два года! И кто будет ходить за воронами, если мы с ним оба уедем? Лечить больных или раненых?

– Клидас. Он много лет провел рядом с Эймоном.

– Клидас всего лишь стюард, и зрение у него плохое. Вам нужен мейстер. Притом Эймон так стар. Путешествие по морю... – У Сэма дыхание сперло при мысли о Боре и особенно о «Летнем солнце».

– Я понимаю, что это опасно для его жизни, Сэм, но здесь ему оставаться еще опаснее. Станнис знает, кто такой Эймон. Если красной женщине для ее чар нужна королевская кровь...

– Ох, – побледнел Сэм.

– В Восточном Дозоре к вам присоединится Дареон. Надеюсь, что его песни помогут нам завоевать кого-нибудь из южан. «Черный дрозд» доставит вас в Браавос, а оттуда вы своими средствами переправитесь в Старомест. Если ты все еще намерен выдать ребенка Лилли за своего бастарда, отправь ее в Рогов Холм. Если нет, Эймон пристроит ее в Цитадель служанкой.

– Мой б-бастард... – Да, он говорил это, но... Такое долгое плавание. Запросто можно утонуть. Корабли тонут постоянно, а осень – время штормов. Но с ним будет Лилли, и ребенок вырастет спокойно, без всяких тревог. – Да, мать и сестры помогут Лилли с ребенком. – Можно письмо написать – не обязательно ехать в Рогов Холм самому. – Дареон проводит нас с ней до Староместа. Я... учился стрелять с Ульмером, как ты приказывал, если, конечно, не сидел в подземелье, ведь ты сам велел мне найти что-нибудь про Иных. От лука у меня плечи болят, а на пальцах волдыри появляются. – Сэм показал Джону один, который только что лопнул. – Но я все равно стрелял. Теперь я почти всегда попадаю в мишень, но все-таки остаюсь худшим стрелком на свете. А вот рассказы Ульмера мне нравится слушать. Кто-нибудь должен собрать их и записать в книгу.

– Вот и займись этим. Пергамент и чернила, думаю, в Цитадели найдутся... как и луки со стрелами. Я хочу, чтобы ты продолжал свое учение, Сэм. В Дозоре сотни людей, способных пустить стрелу, но очень мало таких, кто умеет читать и писать. Я хочу, чтобы ты стал моим новым мейстером.

Сэма бросило в дрожь. *Нет, отец, я не заговорю больше об этом, клянусь Семерыми. Пожалуйста, выпусти меня, позволь мне выйти.*

– Но моя работа здесь... книги...

– Они подождут твоего возвращения.

Сэм поднес руку к горлу, явственно чувствуя, как душит его воображаемая цепь.

– Милорд... в Цитадели тебя заставляют резать трупы. – И носить цепь на шее. «Если хочешь побыть в цепях, пойдем со мной». Три дня и три ночи Сэм прорыдал, прикованный к стене за руки и за ноги. Тугая цепь вокруг горла натирала кожу и не давала дышать, если он неловко поворачивался во сне. – И потом, я не смогу носить цепь.

– Ты будешь ее носить. Мейстер Эйемон стар, слеп, и силы его на исходе. Кто займет его место, когда он умрет? Мейстер Маллин из Сумеречной Башни больше воин, чем ученый, мейстер Хармун из Восточного Дозора чаще бывает пьяным, чем трезвым.

– Если ты попросишь у Цитадели еще мейстеров...

– И попрошу. Лишним никто не будет. Заменить Эйемона Таргариена не так-то легко. Я был уверен, что тебе это понравится, – удивленно произнес Джон. – В Цитадели столько книг, что ни одному человеку за всю жизнь не прочесть. Тебе там хорошо будет, Сэм. Я знаю.

– Нет. Читать я люблю, но м-мейстер должен быть целителем, а я крови боюсь. – В подтверждение Сэм показал Джону свою дрожащую руку. – Я Сэм Боязливый, а не Сэм Смертоносный.

– Ну чего тебе там бояться? Что старики-наставники тебя пожурят? Ты выдержал на Кулаке атаку упырей, Сэм, атаку оживших мертвецов с черными руками и ярко-синими глазами. Ты убил Иного!

– Его д-драконово стекло убило, не я.

– Успокойся. Ты врал и строил козни, чтобы сделать меня лордом-командующим, так что теперь изволь меня слушаться. Ты поедешь в Цитадель, выкуешь свою цепь, и если для этого понадобится резать трупы, ты будешь их резать. Староместские мертвецы возражать по крайней мере не станут.

– Ты не понимаешь. М-мой отец, лорд Рендилл, он, он... мейстер всю жизнь обязан *служить*. Никто из сыновей дома Тарли не наденет на себя цепь. Мужчины Рогова Холма не кланяются и не прислуживают мелким лордам. – «Если хочешь побыть в цепях, пойдем со мной». – Я не могу послушаться своего отца, Джон.

Он обращался к Джону, но Джона больше не было. Перед ним сидел лорд Сноу с глазами твердыми, как серый лед.

– Нет у тебя отца. Только братья. Только мы. Твоя жизнь принадлежит Ночному Дозору, поэтому ступай уложи в мешок свои подштанники и прочее, что захочешь взять в Старомест. Вы отправитесь в путь за час до рассвета. Вот тебе еще приказ: не смей с этого дня больше называть себя трусом. За прошлый год ты пережил такое, что другой за всю жизнь не испытает. Ты должен явиться в Цитадель как брат Ночного Дозора. Я не могу приказать тебе быть храбрым, но приказать не показывать своего страха могу. Ты дал присягу, Сэм, – помнишь?

«Я меч во тьме». Но мечом он владеет из рук вон плохо, а темнота пугает его.

– Я... я попробую.

– Никаких проб. Ты выполнишь приказ, вот и все.

– Пр-приказ, – подтвердил ворон Мормонта, захлопав черными крыльями.

– Слушаюсь, милорд. А мейстер Эйемон уже знает?

– Мы с ним задумали это вместе. – Джон открыл перед Сэмом дверь. – Здесь прощаться не будем. Чем меньше народу об этом знает, тем лучше. За час до рассвета, у кладбища.

Сэм не помнил, как вышел из оружейной. Очнувшись, он увидел, что идет по грязи и старому снегу к жилищу мейстера Эйемона. *Я мог бы спрятаться*, пришло ему в голову. Там,

в подземелье, среди книг. Жил бы там вместе с мышами, а ночью воровал бы еду. Безумная мысль – лишь отчаяние могло породить такую. Именно в подземелье его станут искать прежде всего. В последнюю очередь поиски начнут за Стеной, но это еще безумнее. Там его сразу поймают одичалые и сожгут заживо, как красная женщина хочет сжечь Манса-Разбойника.

Найдя мастера Эймона на вороньей вышке, Сэм отдал ему письмо и единым духом поведал обо всех своих страхах.

– Он не понимает. – Сэму казалось, что его сейчас вырвет от ужаса. – Если я надену цепь, мой л-лорд-отец...

– Мой отец, когда я избрал путь служения, приводил те же доводы. В Цитадель я попал благодаря деду. Король Дейерон имел четырех сыновей, и у троих уже были свои сыновья. «Избыток драконов столь же опасен, как и их недостаток», – сказал его величество моему лорду-отцу в день моего отъезда. – Эймон поднес покрытую старческими пятнами руку к цепи из многих металлов, болтавшейся на его тощей шее. – Цепь тяжела, Сэм, но дед мой был прав, как и твой лорд Сноу.

– Сноу, – повторил один из воронов. – Сноу, – отозвался другой. – Сноу, Сноу, Сноу, – заголосили все разом. Этому слову их научил Сэм. Он понимал, что деваться некуда. Их с мастером приперли к стенке. Он умрет в море, с отчаянием думал Сэм. Не выдержит путешествия. Сынишка Лилли тоже может умереть – он не такой большой и крепкий, как мальчик Даллы. Джон их всех умерить хочет.

Ранним утром Сэм оседлал кобылу, на которой приехал сюда из родного поместья, и повел ее в сторону кладбища у восточной дороги. Переметные сумы он набил колбасой, сыром и сваренными вкрутую яйцами, захватив половину окорока, которую подарил ему именины Трехпалый Хобб. «Ты из тех, кто способен оценить хорошую кухню, Смертоносный, – сказал при этом повар. – Побольше бы нам таких». Окорок определенно пригодится ему в дороге. До Восточного Дозора ехать долго и холодно, а под Стеной нет ни селений, ни постоянных дворов.

Перед рассветом было темно, и в Черном Замке стояла необычайная тишина. У кладбища Сэм увидел пару двухколесных тележек, Черного Джека Бульвера и еще дюжину разведчиков-ветеранов с крепкими мохнатыми коньками. Кедж Белоглазый выругался, увидев здоровым глазом Сэма.

– Не обращай внимания, Смертоносный, – сказал Черный Джек. – Он протерпел – говорил, что тебя придется тянуть за ноги из-под кровати.

Для мастера Эймона, слишком слабого, чтобы ехать верхом, приспособили тележку, выстлав ее мехами и укрепив над ней кожаный верх от дождя и снега. Лилли с ребенком тоже ехали в ней. В другой тележке лежали вещи путников и сундучок с редкими старыми книгами, которые мастер счел нужным захватить с собой в Цитадель. Сэм разыскивал их до глубокой ночи, но нашел едва ли одну книгу из четырех. Оно и к лучшему, иначе им понадобился бы третий возок.

Появился мастер, закутанный в медвежью доху втрое шире его самого. Когда Клидас вел его к повозке, налетел ветер, и старик зашатался. Сэм поспешно поддержал его с другой стороны. Еще разок так подует, и он за Стену улетит, чего доброго.

– Держитесь за меня, мастер. Уже близко.

Слепой кивнул.

– В Староместе всегда тепло. Есть там одна гостиница на острове – я ходил туда школяром. Приятно будет посидеть там опять, попить сидра.

Когда мастера усадили в тележку, пришла Лилли с завернутым в меха малышом. Глаза ее покраснели от слез. В это же время подошли Джон и Скорбный Эдд.

– Лорд Сноу, – окликнул его мастер, – у себя в комнатах я оставил для вас одну книгу, «Яшмовый ларец». Ее автор, волантинский путешественник Коллоквий Вотар, посетил все страны на берегах Яшмового моря. Я велел Клидасу заложить место, которое может показаться вам интересным.

– Я непременно прочту, – пообещал Джон.

Мейстер вытер прохуdivшийся на холоде нос рукавицей.

– Знание – наше оружие, Джон. Вооружись как следует, прежде чем выступать на битву.

– Хорошо. – С неба, медленно кружась, стали падать большие мягкие хлопья. – Поезжайте как можно быстрее, – сказал Джон Черному Джеку, – но без толку не рискуйте. У вас на попечении младенец и старец – присмотри, чтобы они были в тепле и ели досыта.

– И о другом малыше позаботьтесь, милорд, – вмешалась Лилли. – Найдите ему кормилицу, как обещали. Найдите хорошую женщину, чтобы Даллин мальчик... маленький принц... вырос большим и сильным.

– Даю слово, – торжественно произнес Джон.

– И смотрите не давайте ему имени, пока два годочка не минует. Дурная это примета – нарекать их, пока они еще грудь сосут. Вы, вороны, можете не знать этого, но это чистая правда.

– Как скажете, госпожа моя.

– Не называйте меня так, – с внезапным гневом отрезала Лилли. – Никакая я не госпожа. Я дочь Крастера, жена Крастера – и мать.

Скорбный Эдд держал ребенка, пока она усаживалась и укрывала ноги меховой полостью. К этому времени восточный небосклон стал скорее серым, нежели черным. Лью-Левше не терпелось отправиться. Эдд отдал ребенка Лилли. *Может быть, я вижу Черный Замок в последний раз*, подумал Сэм, садясь на свою кобылу. Сердце у него разрывалось вопреки всей его былой ненависти к этому месту.

– Тронулись, – скомандовал Бульвер. Щелкнул кнут, и тележки покатались по колеям восточной дороги.

– Ну что ж, прощайте, – сказал Сэм Клидасу, Скорбному Эдду и Джону Сноу.

– Счастливо, Сэм, – ответил Эдд. – Надеюсь, ваш корабль не потонет. Кабы я был на борту, другое дело.

– Первый раз я увидел Лилли у стены Замка Крастера, – промолвил Джон, глядя вслед повозкам, – худышку с большим животом. Призрак накинута на ее кроликов – я думал, она боится, что он вспорет ей живот и сожрет младенца. Но бояться ей следовало совсем не волка, верно?

Да, подумал Сэм. Главной опасностью для нее был Крастер, родной отец.

– У нее больше мужества, чем она полагает.

– У тебя тоже, Сэм. Счастливого тебе пути. Позаботься о ней, об Эйемоне и о ребенке. – Джон улыбнулся странной, грустной улыбкой. – И надень капюшон. Ты весь поседел от снега.

Вдали, низко над горизонтом, загорелся в морском тумане слабый огонь.

– На звезду похоже, – заметила Арья.

– Это звезда нашего дома, – ответил Денио.

Его отец отдавал приказы, и матросы сновали по трем высоким мачтам, убавляя тяжелые пурпурные паруса. Два ряда гребцов внизу налегали на весла. Палуба накренилась – галеон «Дочь Титана» лег на правый борт и разворачивался.

Звезда дома. Арья стояла впереди, держась за позолоченную носовую фигуру – девушку с чашей фруктов в руках. На мгновение она позволила себе поверить, что там, на берегу, – ее родной дом.

Глупости. Дома у нее больше нет, родители и все братья убиты, кроме одного Джона Сноу на Стене. Именно к нему Арья хотела плыть – так она и сказала капитану, но его даже железная монетка не убедила. Не суждено ей, видно, попасть в те места, куда она направляется. Йорен обещал доставить ее в Винтерфелл, а что из этого вышло? Она оказалась в Харренхолле, а Йорен – в могиле. Потом она убежала из Харренхолла и отправилась в Риверран, но Лим, Энги и Том-Семерка взяли ее в плен и увезли в полый холм. Потом ее украл Пес и насильно повез в Близнецы. В конце концов Арья бросила его умирать у реки и поехала в Солеварни, надеясь купить себе место на корабле, идущем в Восточный Дозор, а вместо этого...

Хотя Браавос, в общем, не так уж и плох. Оттуда родом был Сирио, и Якен тоже может там оказаться. Железную монетку ей дал он, Якен. Он не был по-настоящему ее другом, таким, как Сирио, но какую пользу принесли ей друзья? Они не нужны ей, пока у нее есть Игла. Арья провела большим пальцем по гладкому эфесу меча, загадывая желание.

По правде говоря, она не знала толком, чего пожелать, как не знала и того, что сулит ей далекий свет. Капитан согласился взять ее на борт, но поговорить с ней ему было недосуг. Из матросов одни чурались ее, а другие делали ей подарки – серебряную вилку, перчатки без пальцев, обвисшую шерстяную шляпу с кожаными вставками. Кто-то показал ей, как вязать морские узлы, еще один угощал ее огненным вином из крохотных чашечек. Моряки, настроенные к ней дружелюбно, хлопали себя по груди и повторяли ей свои имена, пока она их не запоминала, а вот ее имени никто не спрашивал. Все называли ее Солинкой, потому что она села на корабль в Солеварнях, близ устья Трезубца. Что ж, имя как имя, не хуже других.

Последние ночные звезды погасли, кроме тех двух, что лежали прямо по курсу.

– Теперь их две.

– Глаза Титана, – сказал Денио. – Он нас видит.

Браавосский Титан. Старая Нэн рассказывала им про него в Винтерфелле. Это великан, большой, как гора. Когда Браавосу грозит беда, он оживает – глаза огнем загораются, каменные члены натужно скрипят. Он входит в море и топит вражеские корабли. «А кормят его браавосцы нежным розовым мясом маленьких девочек из знатных семей», – заканчивала Нэн, и глупышка Санса каждый раз взвизгивала. Но мастер Лювин сказал им, что Титан – это просто статуя, а рассказы старой Нэн – просто сказки.

Теперь Винтерфелл сожжен, напомнила себе Арья. Мастер Лювин с Нэн скорее всего мертвы, и Санса тоже. Нечего о них вспоминать. Все люди смертны – эти слова заставил ее

выучить Якен Хгар, когда дал ей истертую железную монетку. Во время плавания она выучила и другие браавосские слова – «спасибо», «пожалуйста», «море», «звезда», «огненное вино». Но знать, что «все люди смертны», – самое главное. Почти вся команда «Дочери» с грехом пополам изъясняется на общем языке, знакомом им по отлучкам на берег в Староместе, Королевской Гавани и Девичьем Пруду, но только капитан и его сыновья знают его достаточно хорошо, чтобы разговаривать с Арьей. Денио, пухлый веселый мальчуган двенадцати лет, – самый младший. Почти все время он сидит в отцовской каюте и помогает старшему брату сводить счета.

– Надеюсь, ваш Титан не голодный, – сказала ему Арья.

– Голодный? – не понял Денио.

– Ничего, это я так. – Даже если Титан в самом деле ест розовое мясо маленьких девочек, Арья его не боится. Она тощая, не какой-нибудь лакомый кусочек, и ей скоро одиннадцать – почитай, взрослая девица. Притом Солинка не знатного рода. – Титан – ваш браавосский бог? – спросила она. – Или вы Семерым молитесь?

– В Браавосе чтут всех богов. – О родном городе капитанский сын любил поговорить не меньше, чем об отцовском корабле. – У твоих Семерых там есть септа, Заморская септа, но ходят туда только вестеросские моряки.

Семеро – не ее боги. Они были богами матери, но не помешали Фреям убить мать в Близнецах. Может быть, в Браавосе найдется и богороша с сердце-деревом? Денио должен знать, но Арья не хотела его спрашивать. Откуда девчонке из Солеварен знать о древних богах Севера? Они тоже умерли, старые боги, умерли вместе с отцом, матерью, Роббом, Браном и Риконом. Отец когда-то говорил: холодные ветры несут смерть одинокому волку, но стая живет. Только вышло наоборот. Арья, одинокий волчонок, жива, а всех прочих волков убили и сняли с них шкуру.

– Лунные Певцы указали нам дорогу сюда, чтобы валирийские драконы не могли нас найти, – продолжал Денио. – У них в городе самый большой храм. Мы чтим также Отца Вод, но его дом строится заново всякий раз, как он берет себе новую жену. Все остальные боги обитают на острове посреди города. Там ты найдешь и Многоликого тоже.

Глаза Титана теперь стали ярче и отстояли друг от друга подальше. Арья не знала, что это за Многоликий, но если он прислушивается к молитвам, то такой бог ей и нужен. Сир Григор, произнесла она про себя. Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея. Теперь их осталось только шестеро. Джоффри умер, Полливера убил Пес, Щекотуна и глупого прыщавого оруженосца она заколола сама. Мальчишка сам виноват – нечего было хватать ее за руку. Пес был при смерти, когда она бросила его на берегу Трезубца, – рана воспалилась, и лихорадка сжигала его. Надо было даровать ему последнюю милость, вонзив нож в его сердце.

– Гляди вон туда, Солинка! – Денио повернул ее немного вбок. – Видишь?

Нос корабля кроил тающий туман на серые лоскуты. «Дочь Титана» летела по зеленой воде на пурпурных крыльях. Над головой кричали морские птицы. Там, куда показывал Денио, вставала из моря гряда прибрежных утесов, поросших гвардейской сосной и черным ельником. Но в самой ее середине море проделало брешь, и там, прямо над водой, высился Титан с пылающими глазами и длинными зелеными волосами, развеваемыми ветром.

Он стоял, упершись широко расставленными ногами в берега пролива, развернув плечи над верхушками скал. Ноги из того же черного гранита, что и утесы, на бедрах защитный фартук из позеленевшей бронзы, панцирь тоже бронзовый, на голове полушлем. Волосы

сделаны из крашенных конопляных веревок, в пещерах глаз горят большие костры. Левая рука охватывает бронзовыми пальцами вершину утеса, правая, воздетая в воздух, держит обломок меча.

Он ненамного больше статуи короля Бейелора в Королевской Гавани, подумала было Арья, но пока галеон приближался к черте прибоя, Титан все рос и рос. Отец Денио зычным голосом отдавал команды, люди на ряях убрали паруса. *Мы пройдем на веслах между его ногами*, поняла Арья. Она уже видела амбразуры для лучников в его бронзовом панцире, пятна от птичьего помета на руках и плечах. Бейелор Благословенный ему и до колен не достанет. Он запросто мог бы перешагнуть через стену Винтерфелла.

Не успела она подумать об этом, Титан взревел.

Этот рев, вернее, скрежет, такой же могучий, как и он сам, заглушил даже голос капитана и грохот прибоя у скал. Тысяча птиц взмыла вверх разом, Арья сморщилась, а Денио засмеялся.

– Он предупреждает Арсенал о нашем приходе, вот и все, – прокричал он. – Не бойся.

– Я и не боюсь, – прокричала она в ответ. – Просто громко очень.

Волны и ветер, завладев «Дочерью Титана», гнали ее в узкий пролив. Гребцы мерно поднимали и опускали весла, вспенивая море. Тень Титана уже упала на них. На миг Арье показалось, что они сейчас разобьются о камни у него под ногами. Она жалась к Денио, соленая водяная пыль орошала лицо. Чтобы увидеть голову Титана, она запрокинула собственную. «Браавосцы кормят его нежным розовым мясом маленьких девочек из знатных семей», – снова вспомнилось ей, но она уже не маленькая, и стыдно ей бояться какого-то истукана.

Тем не менее она не отнимала руки от Иглы. В каменных ляжках тоже виднелись щели для лучников. «Воронье гнездо» на мачте их корабля прошло в добрых десяти футах ниже Титанова фартука, и она разглядела в щелях бледные лица, глядящие на них из-за железных решеток.

Еще немного, и Титан остался позади.

Тень ушла, утесы с обеих сторон расступились, ветер утих, и они оказались в большой лагуне. Впереди из воды, точно сжатый кулак, торчал новый утес, ошестиненный скорпионами, огнеметами и требюшетами.

– Браавосский Арсенал, – объявил Денио с такой гордостью, будто сам построил его. – Здесь могут за один день спустить на воду боевую галею.

Арья видела здесь дюжины галей, стоящих у причалов или на спусковых сходнях. Еще больше раскрашенных носов выглядывало из бесчисленных деревянных укрытий на каменном берегу. Будто гончие в своих конурах, поджарые, злобные и голодные, – только и ждут, когда зарубит охотничий рог. Она попыталась сосчитать их, но не сумела, а на берегу ей открывались все новые причалы и верфи.

Две галеи двинулись им навстречу. Они скользили по воде, как стрекозы, мелькая светлыми веслами. Капитан крикнул им что-то, два других капитана отозвались ему, но Арья не поняла ни слова. Загудел большой рог, и галеи прошли с обоих бортов «Дочери Титана» так близко, что стали слышны барабаны, стучащие у них внутри, – бом-бом-бом-бом, словно живые сердца.

Галеи вместе с Арсеналом отошли назад. Впереди расстилалась ширь горохово-зеленой воды, покрытая рябью, словно лист цветного стекла. Посреди этого простора на ста островах лежал собственно город, скопление куполов, башен, мостов, серый, золотой, красный.

Мейстер Лювин рассказывал им о Браавосе, но Арья почти все позабыла. Она видела издали, что город плоский, не то что Королевская Гавань на трех своих высоких холмах. Здесь единственными возвышенностями были дома, возведенные из кирпича, гранита, бронзы и мрамора. Арья не сразу поняла, чего еще недостает в этом городе: у него не было стен. Она сказала об этом Денио, но он только посмеялся в ответ.

– Стены у нас деревянные и выкрашены багровой краской. Это наши галеи – другие стены нам ни к чему.

Палуба закрипела под тяжелыми шагами – к ним подошел отец Денио в длинном капитанском кафтане из красной шерсти. Торговый капитан Тернесио Терис не носил бакенбард. Коротко остриженные седые волосы обрамляли квадратное обветренное лицо. Арья часто видела, как он шутит с командой, но когда он хмурился, люди боялись его пуще шпорма. Сейчас он был хмур.

– Наше путешествие подходит к концу, – сказал он Арье. – Мы идем в Таможенный порт, где к нам поднимутся служители Морского Начальника для осмотра трюмов. Они пробудут на борту полдня, как обычно, но тебе нет нужды дожидаться, когда они закончат. Собери свои вещи. Орко свезет тебя в шлюпке на берег.

На берег... Арья прикусила губу. Она переплыла Узкое море по собственной воле, но если бы капитан спросил, она призналась бы, что хочет остаться на корабле. Она слишком мала, чтобы управляться с веслом, но может научиться сплескивать концы, брать рифы на парусах и прокладывать курс в море. Однажды она вместе с Денио залезла в «воронье гнездо», и ей ни капельки не было страшно, хотя палуба сверху казалась совсем крохотной. Она и считать умеет, и в каюте прибираться.

Но второй юнга на галеоне не нужен, и стоит только посмотреть на капитана, чтобы понять, как ему не терпится избавиться от нее.

– Хорошо, – послушно сказала Арья, хотя на берегу ее ждала полная неизвестность.

– Валар дохаэрис. – Капитан приложил два пальца ко лбу. – Прошу тебя не забывать Тернесио Териса и услугу, которую он тебе оказал.

– Хорошо, – тихо повторила Арья. Ветер дергал ее за плащ призрачными пальцами. Пора уходить.

Капитан велел собрать вещи, но ей особенно нечего собирать. Только то, что на ней, маленький кошелек с монетами, подарки матросов, кинжал на левом бедре да Игла на правом.

Шлюпку уже спустили, и Орко сидел на веслах. Он тоже капитанский сын, но старше Денио и не такой дружелюбный. *А с Денио-то я так и не попрощалась*, спохватилась она, уже спустившись в лодку. *Нехорошо. Кто знает, увидимся ли мы когда-нибудь снова.*

С каждым ударом весел «Дочь Титана» уходила назад, а город, наоборот, приближался. В гавани, справа от них, толпились грузные китобойные суда из Иббена, похожие на лебедей корабли с Летних островов и опять-таки столько галей, что сосчитать невозможно. А вот еще одна гавань, слева, за полузатопленной стрелкой, где из воды торчат одни только крыши домов. Арья никогда еще не видела столько высоких зданий в одном месте. В Королевской Гавани есть Красный Замок, Септа Бейелора и Драконье Логово, но в Браавосе наберется шпук двадцать храмов, башен и дворцов – таких же больших и еще больше. *Быть мне опять мышью*, мрачно думала она, *как в Харренхолле, пока я оттуда не убежала.*

От статуи Титана город представлялся одним большим островом, но теперь стало видно, что он состоит из множества мелких островков, связанных гнутыми каменными мостами

над бесчисленными каналами. За гаванью впритык стояли серые каменные дома. Арье они показались странными – в четыре или пять этажей, но очень узкие, с черепичными крышами вроде остроконечных шляп. Ни тростниковых, ни соломенных кровель, а деревянных срубов, таких как в Вестеросе, очень мало. И деревья здесь не растут, заметила вдруг она. Браавос весь из камня, серый город в зеленом море.

Орко повернул к северу от порта, в устье большого канала. Широкая зеленая дорога вела в самое сердце города. Лодка прошла под мостом, который украшали резные рыбы, крабы и осьминоги. Впереди показался второй, изукрашенный кружевными каменными лозами, а за ним третий, глядящий на них тысячью нарисованных глаз. В канал с обеих сторон впадали другие, более мелкие, а в те – совсем узенькие. Некоторые дома стояли прямо в воде, превращая каналы в подобие водяных коридоров. Мимо них сновали стройные лодки в виде морских змей, с раскрашенными головами и поднятыми хвостами. Гребцы, работающие не веслами, а шестами, стояли на корме в серых, коричневых и мшисто-зеленых плащах. Проплывали также огромные плоскодонные баржи, груженные ящиками и бочками, – там у каждого борта стояло по двадцать человек с шестами. Встречались и целые плавучие дома с цветными фонариками, бархатными занавесками и медными статуями. Вдали, над домами и каналами, уходила на юг серая каменная дорога, поддерживаемая мощными трехъярусными арками.

– Что это? – спросила Арья, показав на нее.

– Водовод, – ответил Орко. – По нему бежит пресная вода с материка через илистые отмели и солончаки. Хорошая пресная вода для фонтанов.

Оглянувшись, она увидела, что гавань и лагуна скрылись из глаз. На обоих берегах канала появились статуи – суровые каменные мужи в длинных бронзовых одеждах, сильно засиженные птицами. В руках они держали книги, кинжалы и молотки. Один поднимал ввысь золотую звезду, из опрокинутого каменного флакона в перстах другого лилась в канал бесконечная струйка воды.

– Это кто, боги? – спросила Арья.

– Морские Начальники. Остров Богов будет дальше. На правом берегу, через шесть мостов. Это вот – храм Лунных Певцов.

Арья еще в лагуне увидела эту белоснежную мраморную громаду, увенчанную посеребренным куполом. Вставленные в купол окна из молочного стекла изображали все фазы луны. Две мраморные девы у ворот, ростом с Морских Начальников, поддерживали перемышку в виде полумесяца.

Рядом стоял другой храм, из красного камня, напоминающий крепость. На его башне в чугунной жаровне двадцатифутовой ширины пылал огонь. По обе стороны бронзовых дверей тоже горели огни, но поменьше.

– Красные жрецы любят огонь, – сказал Орко. – Их бог – Владыка Света, красный Рглор.

Это Арья знала. Ей вспомнился Торос из Мира в разрозненных доспехах поверх одежд, до того вылинявших, что ему подобало называться скорее розовым жрецом, а не красным. Однако его поцелуй вернул жизнь лорду Берикку. Глядя на проплывающий мимо храм Красного Бога, она думала, могут ли эти браавосские жрецы сотворить такое же чудо.

Следом возникло кирпичное, обросшее лишайником здание. С виду Арья приняла его за лабаз, но Орко сказал:

– Это Убежище, где поклоняются забытым богам. Вскоре ты услышишь, что его называют еще и Крольчатником. – Они проплыли через туннель под угрюмыми сводами

Крольчатника и снова вышли на свет. Справа и слева показались новые храмы.

– Вот не знала, что на свете столько богов.

Орко в ответ проворчал что-то. За поворотом возник еще мост, а слева от него – скалистый пригорок, где стоял темно-серый храм без единого окна. Каменные ступени спускались от его дверей к маленькой крытой пристани.

Орко притабанил, и лодка торкнулась в каменные столбы причала. Придерживаясь за железное кольцо, он сказал:

– Здесь я тебя оставлю.

Пристань была сумрачная, ступени крутые. Черная заостренная крыша храма торчала вверх, как у домов на канале. Арья прикусила губу. Сирио приехал к ним на север из Браавоса. Может быть, он посещал этот храм, поднимался по этим ступеням. Арья взялась за кольцо и вылезла на причал.

– Мое имя ты знаешь, – сказал Орко из шлюпки.

– Да. Орко Терис.

– Валар дохаэрис. – Он оттолкнулся веслом и выплыл на середину канала. Арья смотрела, как он гребет в обратную сторону, пока лодка не скрылась в тени под мостом. Плеск весел затих, и ей послышался стук собственного сердца. Как будто она не здесь, а где-то еще... в Харренхолле с Джендри или в лесу у Трезубца с Псом. *Не глупи, Солинка*, сказала она себе. *Я волк и ничего не боюсь*. Хлопнув на счастье по рукояти Иглы, она зашагала наверх через две ступеньки – пусть все видят, что ее нелегко напугать.

Наверху ее ждали резные деревянные двери двенадцатифутовой вышины. Левая створка из чардрева, бледного как кость, правая – из блестящего черного дерева. Посередке вырезана полная луна – на светлой стороне черная, на черной – белая. При виде ее Арья почему-то вспомнила сердце-дерево в богороде Винтерфелла. Эти двери как будто следили за ней. Она толкнула их обеими руками в перчатках, но они не сдвинулись с места. Заперто.

– Откройтесь сейчас же, глупые, – сказала Арья. – Я приплыла из-за Узкого моря. – Она постучалась в дерево кулаком. – Так мне Якен велел. У меня есть железная монета. – Арья достала ее из кошелька на поясе и подняла вверх. – Видите? Валар моргулис.

Двери ничего не ответили ей, однако открылись.

Отворились внутрь, тихо, без прикосновения человеческих рук. Арья сделала шаг, за ним другой. Двери закрылись за ней, и она на миг ослепла. Игла сама собой оказалась в руке – она не помнила, как достала ее.

Несколько свечей у стен давали так мало света, что Арья не видела даже собственных ног. Ей слышался чей-то шепот, слишком тихий, чтобы разобрать слова, и чей-то плач. Чьи-то кожаные подошвы легко прошагали по камню, где-то открылась и снова закрылась дверь. И еще вода. Воду слышно.

Ее глаза постепенно привыкли к мраку. Изнутри храм казался гораздо просторнее, чем снаружи. Вестеросские септы все семистенные, с семью алтарями для семи богов, но здесь богов куда больше. Их изваяния, массивные и грозные, стояли вдоль стен. У ног мигали красные свечи, тусклые, как далекие звезды. Ближе всех была двенадцатифутовая мраморная женщина. Настоящие слезы падали из ее глаз в чашу, которую она держала в руках. Дальше мужчина с головой льва восседал на троне черного дерева. По обе стороны от дверей вздыбились два огромных коня из бронзы и чугуна. Арья различила еще чье-то большое каменное лицо, бледного младенца с мечом, косматого черного козла ростом с зубра, мужчину в капюшоне, опершегося на посох. Остальные фигуры скрывались во мраке. Между

богами располагались темные ниши, в редкой из которых горела свеча.

Тихая, как тень, с мечом в руке, Арья шла между рядами каменных скамеек. Ноги говорили ей, что пол здесь каменный – не из полированного мрамора, как в Великой Септе Бейелора, а грубый, шероховатый. Кучка женщин, которых она миновала, шептались о чем-то. От тепла и духоты Арья зевнула. Свечи источали незнакомый ей аромат, но в глубине храма вдруг запахло снегом, сосновой хвоей и горячей мясной похлебкой. Эти славные запахи придали Арье храбрости, и она спрятала Иглу в ножны.

В самой середине она нашла воду, которую слышала, – чернильно-черный пруд десяти футов в поперечнике, освещенный теми же тускло-красными свечами. Сидящий на его берегу молодой человек в серебристом плаще тихо плакал. Он опустил руку в воду, и по пруду побежала алая рябь. Видя, как он обсасывает пальцы один за другим, Арья подумала, что он хочет пить, зачерпнула воды одной из стоящих тут же каменных чаш и подала ему. Юноша посмотрел на нее долгим взглядом и сказал:

– Валар моргулис.

– Валар дохаэрис, – ответила Арья.

Он напился, бросил чашу в пруд с тихим «плюх» и встал, пошатываясь, держась за живот. Ей показалось, что он сейчас свалится. Только теперь она разглядела темное пятно ниже его пояса.

– Ты ранен, – вырвалось у нее, но он, не отвечая, добрал до стены и лег на твердую каменную лежанку в нише. Осмотревшись, Арья увидела стариков, спящих кое-где в других нишах.

Нет, прошептал у нее в голове полузабытый голос. *Они мертвы или умирают. Смотри своими глазами.*

Кто-то тронул ее за плечо.

Она резко обернулась и увидела бледную девочку, совсем утонувшую в широком балахоне, черном с правой стороны, белом с левой. Под капюшоном пряталось щуплое личико с впалыми щеками и темными, большими как блюдца глазищами.

– Не трогай меня, – остерегла ее Арья. – Одного мальчишку я убила за это.

Девочка произнесла что-то непонятное.

– Ты разве не знаешь общего языка?

– Я знаю, – сказал кто-то позади.

Ей не нравилось, что они подкрадываются к ней бесшумно. Высокий мужчина был одет в такую же черно-белую хламиду, что и девочка. Под капюшоном виднелись только глаза, отражавшие красный огонь свечей.

– Что это за место? – спросила его Арья.

– Обитель мира, – ответил ласковый голос. – Здесь ты в безопасности. Это Черно-Белый Дом, дитя, но ты еще слишком юна, чтобы просить милости у Многоликого Бога.

– Он такой же, как бог южан с семью лицами?

– С семью? Нет. Его ликам нет числа, малютка, их много, как звезд на небе. В Браавосе все верят, во что хотят, но в конце каждой дороги ждет Многоликий. Ты тоже придешь к нему, не сомневайся. Не нужно бросаться в его объятия раньше времени.

– Я пришла сюда, чтобы найти Якена Хгара.

– Это имя мне незнакомо.

У Арьи упало сердце.

– Он из Лората. Волосы у него с одной стороны белые, а с другой – рыжие. Он сказал,

что научит меня разным тайнам, и дал мне вот это. – Железная монетка, которую она держала в кулаке, прилипла к потной ладони.

Жрец посмотрел на монету, не касаясь ее. Девочка-призрак с большими глазами тоже смотрела.

– Назови мне свое имя, дитя, – сказал наконец мужчина.

– Солинка из Солеварен в устье Трезубца.

Не видя его лица, она почему-то почувствовала, что он улыбается.

– Нет. Назови свое имя.

– Голубенок, – сказала она.

– Настоящее имя, дитя мое.

– Мать назвала меня Нэн, но чужие кликали Лаской.

– Твое имя.

– Арри, – сглотнула она. – Меня зовут Арри.

– Это уже ближе. А теперь скажи правду.

Страх ранит глубже, чем меч.

– Арья, – прошептала она и повторила громко, прямо ему в лицо: – Арья из дома Старков.

– Верно, – сказал он, – но Черно-Белый Дом не место для Арьи из дома Старков.

– Не гоните меня, – взмолилась она. – Мне некуда больше идти.

– Боишься ли ты смерти?

– Нет, – сказала она и прикусила губу.

– Посмотрим. – Жрец откинул свой капюшон. Лица под ним не было – только желтый череп с лоскутьями кожи. Из одной глазницы вылезал белый червь. – Поцелуй меня, дитя. – Его голос теперь походил на предсмертный хрип.

Пугает он меня, что ли? Арья чмокнула его в костяную переносицу, а червя хотела отправить в рот, но он растаял, как тень, у нее в руке.

Желтый череп тоже растаял. Под ним ей улыбался старичок – таких добрых людей она еще в жизни не видывала.

– Никто еще до сих пор не пытался съесть моего червяка. Ты, должно быть, изголодалась.

Да, подумала она, но не по хлебу.

Холодный дождь делал стены Красного Замка темными, словно кровь. Королева, держа короля за руку, вела его через грязный двор, где их ждали крытые носилки с эскортом.

– Дядя Джейме сказал, что я мог бы ехать верхом и бросать монетки простому люду, – капризничал мальчик.

– Простудиться хочешь? – Не станет она рисковать: здоровьем Томмен был всегда слабее, чем Джоффри. – Твой дед желал бы видеть тебя на своих похоронах истинным королем. Нельзя являться в Великую Септу мокрыми и забрызганными грязью. – Довольно и того, что ей пришлось опять надеть траур. Черное ей никогда не шло. Со своими светлыми волосами она в нем сама точно покойница. Она поднялась еще до рассвета, чтобы принять ванну и сделать прическу, – недоставало еще позволить дождю загубить все ее труды.

Томмен забрался в носилки и устроился поудобнее, глядя на дождь.

– Это боги оплакивают дедушку. Леди Джаселина так говорит.

– Джаселина Свифт просто дура. Будь боги способны лить слезы, они оплакали бы твоего брата. Это всего лишь дождь. Закрой занавески, чтобы он не попадал внутрь. Хочешь промочить свою соболью манию?

Томмен молча повиновался. Его послушание тревожило мать. Король должен быть сильным. Джоффри на месте брата заспорил бы – его всегда приходилось уговаривать.

– Не разваливайся так, – сказала она. – Сядь, как королю подобает. Выпрямись, поправь корону. Не хочешь же ты, чтобы она свалилась у тебя с головы при всех твоих лордах.

– Нет, матушка. – Мальчик сел прямо и поправил корону. Венец Джоффа слишком велик для него. Томмен всегда был полноват, но сейчас как будто осунулся. Хорошо ли он ест? Не забыть спросить стюарда. Нельзя допустить, чтобы Томмен расхворался теперь, когда Мирцелла в руках у дорнийцев. Пока корона Джоффа не станет ему впору, надо изготовить другую, поменьше, которая не проваливалась бы до самых ушей. Она обсудит это с золотых дел мастерами.

Носилки медленно тронулись вниз с холма Эйгона. Впереди ехали двое королевских гвардейцев – в белом, на белых конях. Промокшие белые плащи тяжело свисали с их плеч. Позади следовала полусотня гвардейцев Ланнистера в багрянце и золоте.

Томмен смотрел в щелку на пустые улицы.

– Я думал, будет много народу. Когда умер отец, все горожане вышли на улицы и глазели на нас.

– Дождь их разогнал по домам. – В Королевской Гавани лорда Тайвина никогда не любили, да он и не старался завоевать любовь – чью бы то ни было. «Любовью сыт не будешь, и коня на нее не купишь, и дом она не согреет в холодную ночь», – сказал он при ней Джейме, когда они с братом были не старше Томмена.

У великолепной мраморной септы на вершине холма Висеньи стояла жалкая кучка скорбящих – их было меньше, чем золотых плащей, выстроенных сиром Аддамом Марбрандом по ту сторону площади. Ничего, подойдут еще, сказала себе Серсея, выходя из носилок с помощью сира Меррина Транта. На утреннюю службу допущены только знатные лорды и их вассалы – днем состоится еще одна, для простых горожан, а вечером помолиться смогут все, кто пожелает. Ей тоже придется присутствовать, чтобы народ видел ее скорбь. Толпа должна получить свое зрелище. Что за доука – будто у нее и без того мало дел. Надо

назначать людей на вакантные должности, вести войну, управлять государством. Отец бы понял ее.

Верховный септон встречал их на верху лестницы. Ветхий старец с жидкой седой бороденкой так согнулся под тяжестью шитых золотом риз, что его глаза прищипись вровень с грудью королевы, но воздушная корона из кристаллов и золотых нитей прибавляла ему добрых полтора фута.

Эту корону дал ему лорд Тайвин взамен утраченной – та потерялась, когда чернь убила прежнего верховного септона. Жирного глупца вытащили из носилок и растерзали на части в тот самый день, когда Мирцелла отплыла в Дорн. Он был большой обжора и легко поддавался уговорам. Этот... Серсея вдруг вспомнила, что он ставленник Тириона, и ей стало не по себе.

Пятнистая рука старца наподобие куриной лапы торчала из рукава, расшитого золотом и кристаллами. Серсея, преклонив колени на мокром мраморе, поцеловала ее и подала Томмену знак сделать то же самое. *Что он обо мне знает? Много ли рассказал ему карлик?* Верховный септон улыбался ей, сопровождая в септу... но как знать, скрывается за этой улыбкой тайное знание или впалые губы старика кривятся просто так, по привычке?

Она вела Томмена за руку по Чертогу Лампад, под цветными хрустальными сферами. Трант и Кеттлблэк шли по бокам, капая на пол водой с мокрых плащей. Верховный септон ковылял, опираясь на посох из чардрева, увенчанный хрустальным шаром. Семеро Праведных, сопровождавших его, мерцали серебряной парчой. Томмен под собольей мантией был одет в золотую парчу, королева – в старое платье из черного бархата с горностаевой отделкой. Новое шить не было времени, а то, что она носила по Джоффри или в чем хоронила Роберта, Серсея надеть не могла.

Зато уж по Тириону ей траур носить не придется. По такому случаю она нарядится в золото и багряный шелк, а волосы украсит рубинами. Она объявила, что сделает лордом человека, который принесет ей голову карлика, какого бы низкого происхождения он ни был. Вороны разнесут это обещание по всем Семи Королевствам, а вскорости весть перекинется через Узкое море в Девять Вольных Городов и земли, что лежат еще дальше. Добеги Бес хоть до края света, от нее ему не уйти.

Король с королевой прошли по внутреннее святилище и двинулись по одному из семи широких проходов, пересекавших под куполом. Знатные особы справа и слева опускались на колени. Здесь присутствовали многие знаменосцы ее отца и рыцари, сражавшиеся рядом с лордом Тайвином в полусотне битв. Их вид придал Серсее уверенности. У нее еще есть друзья.

Под величественным куполом из стекла, хрусталя и золота покоился на ступенчатом мраморном помосте лорд Тайвин Ланнистер. В головах у него нес бдение Джейме, охватив единственной рукой рукоять длинного золотого меча, чье острие упиралось в пол. Плащ с капюшоном бел, как свежее выпавший снег, чешуйчатая кольчуга – из перламутра с золотом. Лорд Тайвин предпочел бы, чтобы он оделся в багряно-золотой наряд Ланнистера. Он всегда гневался, видя Джейме в белом. К тому же брат снова начал отпускать бороду, и отросшая щетина придает ему грубый, неряшливый вид. Мог подождать хотя бы, пока кости отца не обретут покой под Утесом.

Серсея и Томмен, взойдя по трем пологим ступеням, преклонили колени. В глазах мальчика стояли слезы.

– Плачь потихоньку, – наказала ему мать. – Ты король, а не плаксивый ребенок. Твои

лорды на тебя смотрят. – Томмен смахнул слезы рукой. Глаза у него материнские, изумрудно-зеленые, большие и ясные, как у Джейме в том же возрасте. Каким он был красавчиком, ее брат... но и злющим тоже, настоящим львенком, совсем как Джоффри. Серсея обняла Томмена за плечи, поцеловала его золотые локоны. Она нужна ему, чтобы научить его править и уберечь его от врагов. Некоторые из них стоят вокруг в это самое время, прикидываясь друзьями.

Молчаливые Сестры снарядили лорда Тайвина, как на последнюю битву. Он лежал в своих лучших стальных доспехах, крытых темно-красной эмалью. Раструбы перчаток, поножи и панцирь инкрустированы золотом. Нагрудные диски – золотые солнца, на каждом плече – золотая львица, на гребне шлема, стоящего рядом с его головой, – гривастый лев. Руки в золоченых кольчужных перчатках скрещены на рукояти меча в золоченых, с рубинами, ножнах. Черты его и в смерти сохранили свое благородство, вот только губы... Уголки рта слегка приподняты вверх, словно в тайном веселье. Куда смотрел Пицель? Надо было ей самой сказать Молчаливым Сестрам, что лорд Тайвин Ланнистер не улыбался никогда в жизни. От этого Пицеля проку, как от сосков на панцире. Полуулыбка вкупе с закрытыми глазами лишала лорда Тайвина обычного грозного вида. Под взглядом этих светло-зеленых, почти прозрачных, с золотыми искрами глаз все чувствовали себя неуютно. Они проникали тебе в самую душу, видя всю твою слабость, никчемность и безобразие. Такой взгляд не мог пройти незамеченным.

Серсее невольно вспомнился пир, данный королем Эйерисом, когда она только-только приехала ко двору, зеленая, как весенняя мурава. Старый Мерривезер, мастер над монетой, бубнил что-то о повышении налога на вино, и тут лорд Риккер сказал: «Если нам требуется золото, проще посадить лорда Тайвина на горшок». Эйерис вместе со своими прихлебателями громко расхохотался, отец же тяжело уставился на Риккера поверх чаши с вином. Смех давно утих, а он все смотрел. Риккер сперва отвернулся, потом притворился, что ему все равно, выпил кружку эля и вышел, весь красный, побежденный одним только взглядом.

Теперь глаза лорда Тайвина закрылись навеки. *Отныне они будут ежиться от моего взгляда, пугаться моего нахмуренного чела. Я тоже из рода львов.*

Из-за пасмурного неба в септе стоял полумрак. Если дождь когда-нибудь прекратится, солнце, пройдя сквозь висячие кристаллы, оденет мертвого радугой. Лорд Бобрового Утеса заслужил их сполна. Он был великим человеком. *Но я превзойду тебя, думала она. Тысячу лет спустя мейстеры в своих летописях помянут тебя лишь как родителя королевы Серсеи.*

– Матушка, – дернул ее за рукав Томмен, – что это так плохо пахнет?

Мой лорд-отец.

– Смерть, – ответила она вслух, сама морщась от легкого запаха разложения. Семеро септонов в серебряных одеждах, стоя в ногах, молили Отца Небесного рассудить лорда Тайвина по справедливости. Когда они завершили молитву, семьдесят семь септ собрались перед алтарем Матери, моля ее о милосердии. Томмен начать ерзать, у Серсеи тоже ломило колени. Она взглянула на Джейме. Ее брат-близнец стоял, точно высеченный из камня, и не смотрел ей в глаза.

У скамьи – придавленный горем дядя Киван рядом со своим сыном. Лансель сам мог бы сойти за покойника. Ему семнадцать, а на вид все семьдесят. Лицо серое, глаза и щеки ввалились, волосы высохли и побелели, как мел. Почему он жив, а Тайвин Ланнистер мертв? Неужто боги лишились рассудка?

Лорд Джайлс кашляет сильнее обычного, закрывая лицо красным шелковым платком. Запах и его донимает. У великого мастера Пицеля закрыты глаза. *Если он уснул, клянусь, что велю его высечь.* Справа от помоста – коленопреклоненные Тиреллы: лорд Хайгардена, его страшная матушка, бесцветная жена, сын Гарлан и дочь Маргери. *Королева* Маргери, вдова Джоффри и невеста Томмена. Дважды побывавшая замужем и якобы сохранившая невинность, что весьма подозрительно. Очень похожа на своего брата, Рыцаря Цветов. Возможно, между ними есть и еще нечто общее? *У нашей розочки много фрейлин, не покидающих ее ни днем, ни ночью.* Они и теперь здесь, чуть ли не дюжина. Серсея обвела любопытным взглядом их лица. Кто из них самая пугливая, самая разгульная, самая падкая на милости? У кого самый длинный язык? Надо будет этим заняться.

Пение, к счастью, наконец-то умолкло, но запах, идущий от тела, как будто усилился. Почти все присутствующие из учтивости делали вид, что ничего не замечают, лишь двое кузин Маргери всю морщили свои тирелловские носики. Пока Серсея шла назад по проходу с Томменом, ей послышалось, будто кто-то сказал «нужник» и фыркнул, – но, повернув голову, она увидела перед собой море торжественноскорбных лиц. При его жизни никто бы не осмелился отпускать подобные шутки. Они бы сами обгадились под его взглядом.

В Чертоге Лампад все зажужжали вокруг них, как мухи, наперебой высказывая свои пустые соболезнования. Братья-близнецы Редвин приложились к руке Серсеи, их отец расцеловал ее в обе щеки. Галлин-Пиромант пообещал, что в день, когда усопший отбудет на запад, над городом загорится огненная десница. Лорд Джайлс, перебарывая кашель, поведал, что нанятый им ваятель поставит памятник лорду Тайвину, дабы тот нес вечное бдение у Львиных ворот. Сир Ламберт Торнберри, с нашлапкой на правом глазу, поклялся, что не снимет ее, пока не принесет королеве голову злодея-карлика.

Не успела Серсея отвязаться от этого дурня, как ее атаковала Фалиса Стокворт вместе с мужем, сиром Бальманом Берчем.

– Моя леди-мать шлет свои соболезнования вашему величеству. У Лоллис вот-вот начнутся роды, и матушка не может оставить ее. Она молит вас о прощении и просит... она ведь так почитала вашего покойного батюшку... Если у сестры будет мальчик, дозволит ли ваше величество назвать его Тайвином?

Серсея опешила.

– Вашу полоумную сестру обесчестила половина Королевской Гавани, а Танда хочет назвать ее убудка в честь моего лорда-отца? Ну уж нет.

Фалиса отпрянула назад, словно получила пощечину, но ее муж, разгладив густые белокурые усы, молвил невозмутимо:

– Я так и сказал леди Танде. Мы подыщем сыну Лоллис более подходящее имя, даю вам слово.

– Уж потрудитесь, сир. – Серсея отвернулась от них и увидела, что Томмен попал в тиски Маргери Тирелл и ее бабки. Королеву Шипов из-за ее малого роста она в первый миг тоже приняла за ребенка. Спеша освободить сына из цепких розовых кустов, она оказалась лицом к лицу с дядей. Серсея напомнила ему, что они должны встретиться позже, и сир Киван, устало склонив голову, попросил разрешения удалиться. Лансель мог служить живой картинкой к поговорке «одной ногой в могиле». Неясно лишь, выкарабкивается он наверх или скоро ляжет в нее окончательно.

Серсея заставила себя улыбнуться.

– Рада видеть тебя в столь добром здравии, Лансель. Мейстер Баллабар приносил нам неутешительные вести, и мы опасались за твою жизнь. Но теперь, пожалуй, ты скоро отправишься в Дарри, чтобы вступить в права лорда. – Ее отец, желая умаслить своего брата Кивана, сделал Лансея лордом после битвы на Черноводной.

– Пока еще нет. В моем замке засели разбойники, – ответил кузен голосом хлипким, как усики над его верхней губой. Волосы у него побелели, но усики сохранили песочный цвет. Серсея часто видела их вблизи, пока мальчик добросовестно трудился, лежа на ней. Точно грязью намазаны – она, бывало, все грозилась поплевать и стереть их. – Отец говорит, что речные земли нуждаются в твердой руке.

Жаль в таком случае, что им достанешься ты.

– К тому же тебе предстоит жениться, – произнесла она вслух с улыбкой.

Изнуренное лицо молодого рыцаря помрачнело.

– На девице Фрей, и не по моему выбору. Вернее, даже не на девице – на вдове. С материнской стороны она Дарри. Отец говорит, что крестьяне благодаря этому будут больше меня любить, но ведь они все перебиты, крестьяне. – Он сделал движение, чтобы взять ее за руку. – Это жестоко, Серсея. Ваше величество знает мою любовь...

– К дому Ланнистеров, – договорила она за него. – Никто в ней не сомневается, Лансель. Пусть жена подарит тебе крепких сыновей. – Однако будет лучше, если свадьбу устроит не ее лорд-дедушка. – Я знаю, ты свершишь много славных дел в Дарри.

Лансель с несчастным видом кивнул.

– Когда все думали, что я при смерти, отец привел ко мне верховного септона. – Глаза ее кузена влажно блестели – глаза ребенка на лице старика. – Это святой человек. Он сказал, что Мать помилвала меня, дабы я мог искупить свои грехи.

Любопытно, как он намерен искупать *ее* грехи. Она совершила ошибку, посвятив его в рыцари, и еще больше ошиблась, когда легла с ним в постель. Лансель – слабый тростник, и его новообретенная святость ей совсем не по вкусу. Он был куда забавнее, когда строил из себя Джейме. Что этот плакса наговорил верховному септону? И что он расскажет маленькой Фрей, оказавшись с ней в темноте под одним одеялом? Если он исповедался, что спал с ней, это еще полбеды. Мужчины любят прилгнуть о своих победах – можно приписать это похвальбе юнца, сраженного ее красотой. Но если он вздумает болтать о Роберте и чаще с крепким вином...

– Грех лучше всего искупается молитвой, – сказала она. – *Тихой* молитвой. – И, оставив Лансея, выступила на битву с Тиреллами.

Маргери поцеловала ее как сестру – Серсея нашла это бесцеремонным, но не делать же ей выговор здесь и сейчас. Леди Алерия и кузины ограничились почтительным лобызанием пальцев. Беременная на сносях леди Грейсфорд попросила разрешения назвать дитя Тайвином, если будет мальчик, или Ланной, если будет девочка. Еще одна, едва не застонала Серсея. Скоро вокруг разведется полным-полно Тайвинов. Вслух она дала милостивое согласие, изобразив на лице восторг.

А вот леди Мерривезер порадовала ее по-настоящему.

– Ваше величество, – сказала она со страстными мирийскими придыханиями, – я отправила письма своим друзьям за море с просьбой схватить Беса, как только он покажет свою безобразную личину в Вольных Городах.

– А друзей у вас, полагаю, немало?

– Да, в Мире. И в Лиссе тоже, и в Тироше. Все люди влиятельные.

Серсея в этом не сомневалась. Уж очень она хороша, мирийка: длинноногая, полногрудая, гладкая оливковая кожа, чувственные губы, огромные темные глаза, а густые черные волосы всегда выглядят так, будто она только что встала с постели. Она источает аромат греха, как редкостный заморский цветок.

– Мы с лордом Мерривезером всей душой желаем послужить вашему величеству и юному королю, – промурлыкала мирийка, обещая взглядом не менее, чем леди Грейсфорд своим чревом.

У нее честолюбивые замыслы, а ее лорд горделив, но беден.

– Мы еще вернемся к этому разговору, миледи. Таэна, не так ли? Вы очень добры. Я чувствую, мы с вами станем близкими подругами.

Тут на Серсею обрушился лорд Хайгардена.

Мейс Тирелл старше ее всего лет на десять, но она всегда думала о нем как о ровеснике своего отца. Ростом он ниже покойного лорда Тайвина, но во всем прочем крупнее – грудь колесом, живот выпирает еще пуще. Волосы каштановые, но в бороде уже сквозит проседь. К мясистому лицу то и дело приливает кровь.

– Лорд Тайвин был великим мужем, какие редко являются в этот мир, – провозгласил он, чмокнув ее в обе щеки. – Боюсь, мы больше не увидим его подобия.

Оно перед тобой, дурень. Ты говоришь с его дочерью. Но без поддержки Хайгардена Томмен на троне не усидит, поэтому в ответ Серсея произнесла:

– Нам будет очень недоставать его.

Тирелл положил руку ей на плечо.

– Никто из живых не достоин носить доспехи лорда Тайвина, это так. Но королевство не может жить без правителя. Если я могу чем-то послужить государству в этот горестный час, вашему величеству стоит только сказать.

Если набиваешься в десницы, милорд, имей мужество заявить об этом прямо. Серсея улыbnулась – пусть толкует это как хочет.

– Милорд, конечно же, нужен Простору?

– Мой сын Уиллас – способный парень. – Мейс явно отказывался понимать ее весьма прозрачный намек. – Нога у него покалечена, зато ума не занимать. А Гарлан скоро возьмет Брайуотер, и если я буду нужен где-то в другом месте, Простор окажется в двух парах надежных рук. Государство прежде всего, как говаривал наш лорд Тайвин. И я счастлив поведать вашему величеству, что на этот счет у меня есть хорошая новость. Мой дядя Гарт согласен стать мастером над монетой, как было желательно вашему лорду-отцу. Он уже едет в Старомест, чтобы сесть на корабль. С ним его сыновья – лорд Тайвин хотел и им приискать какие-то должности, возможно, в городской страже.

От застывшей на лице улыбки у Серсеи заныли зубы. *Гарта Тучного – в малый совет, двум его бастардам – золотые плащи... уж не думают ли Тиреллы, что я им все королевство поднесу на золотом блюде? Просто дух захватывает от такой наглости.*

– Гарт был сенешалем у моего отца, а затем у меня, – продолжал Мейс, – и отменно послужил нам обоим. У Мизинца был нюх на золото, не отрицаю, но Гарт...

– Милорд, – прервала Серсея, – боюсь, здесь вышло недоразумение. Я просила лорда Джайлса Росби быть нашим новым мастером над монетой, и он оказал мне честь, дав согласие.

– Росби? Этот чахоточный? – уставился на нее Мейс. – Но как же быть с Гартом, ваше величество? Он уже выехал в Старомест.

– Пошлите ворона к лорду Хайтауэру и попросите его задержать вашего дядю. К чему понапрасну подвергать Гарта опасностям плавания по осеннему морю, – с любезной улыбкой предложила Серсея.

Толстая шея Тирелла побагровела.

– Но ваш лорд-отец заверил меня... – начал он, брызгая слюной.

Матушка лорда живо просунула руку ему под локоть.

– Похоже, лорд Тайвин не поделился своими планами с королевой-регентшей. Не знаю уж почему, однако заседать на ее величество не годится. Королева совершенно права: ты должен написать лорду Лейтону, пока еще Гарт не сел на корабль. От морской болезни его стало бы пучить еще сильнее. – Леди Оленна осклабилась в беззубой улыбке. – С лордом Джайлсом в зале совета будет лучше пахнуть, хотя меня кашель способен привести в иступление. Мы все обожаем милого старого дядю Гарта, но ветры он горазд пускать, что верно, то верно. Уж очень я не люблю, когда дурно пахнет. – Старушка сморщила свое морщинистое личико еще больше. – Здесь, в святой септе, тоже попахивает, вы не находите?

– Нет, – холодно процедила Серсея. – Как вы сказали – попахивает?

– Скажу больше: воняет.

– Вероятно, вам недостает ваших осенних роз. Мы слишком долго удерживали вас здесь. – Надо как можно скорее избавить двор от леди Оленны. Лорд Тирелл, несомненно, отрядит немалое число рыцарей, чтобы сопроводить свою родительницу домой, и чем меньше тирелловских мечей останется в городе, тем крепче будет спать королева.

– Признаюсь, что в самом деле тоскую по ароматам Хайгардена, – отвечала старушка, – но разве я могу уехать, пока мою милую Маргери не поженят с вашим славным маленьким Томменом?

– Я не с меньшим нетерпением жду этого дня, – вставил Тирелл. – Мы с лордом Тайвином собирались уже назначить его. Быть может, мы теперь обсудим это с вашим величеством?

– Позже.

– Что ж, пока довольно и этого, – легонько фыркнула леди Оленна. – Пойдем, Мейс, оставим ее величество наедине с ее... горем.

Я еще и тебя похороню, старушонка, мысленно пообещала Серсея, глядя, как она семенит между двумя здоровенными телохранителями семифутового роста, которых прозвала Правым и Левым. *Поглядим, какой ты станешь, когда упокоишься.* Эта женщина вдвое умнее своего лорда-сына, можно не сомневаться.

Вызволив сына от Маргери и ее кузин, Серсея двинулась к выходу. Дождь наконец перестал, в осеннем воздухе пахло свежестью. Томмен снял корону, но мать велела ему:

– Надень обратно.

– У меня от нее шея болит, – пожаловался мальчик, однако надел. – А я скоро женюсь? Маргери говорит, мы уедем в Хайгарден, как только поженимся.

– В Хайгарден ты не поедешь, однако до замка можешь доехать верхом. – Серсея поманила к себе сира Меррина Транта. – Коня его величеству – и пригласите лорда Джайлса сесть в носилки вместе со мной. – События развивались быстрее, чем она предвидела, и времени не приходилось терять.

Томмен был счастлив сесть на коня, а лорд Джайлс, разумеется, согласился – но когда она предложила ему занять пост мастера над монетой, он раскашлялся так, что она испугалась, как бы он не помер прямо в носилках. Но по милости Матери Небесной лорд

оправился настолько, что смог выразить свое согласие и стал выкашливать имена тех, кого бы желал заменить, – назначенных Мизинцем таможенников, факторов и даже одного хранителя ключей.

– Называйте любую корову, лишь бы молока было вдосталь. И если спросят, говорите, что я ввела вас в совет вчера.

– Вчера... – Лорд скрючился в новом припадке кашля. – Да, конечно. – Он откашливался в платок из красного шелка, явно желая скрыть кровь. Серсея сделала вид, будто не замечает этого.

Когда он умрет, она найдет ему замену. Возможно, отзовет обратно Мизинца. Вряд ли Петир Бейлиш после смерти Лизы Аррен останется лордом-протектором Долины надолго. Лорды Долины уже начинают волноваться, если верить словам Пицеля. Как только у лорда Петира отнимут этого несчастного мальчугана, он сразу приползет назад.

– Ваше величество... – Лорд Джайлс утер рот. – Могу я узнать... кто будет... королевским десницей?

– Мой дядя, – рассеянно отвечала Серсея. Впереди, к ее счастью, уже показались ворота Красного Замка. Передав Томмена на попечение его оруженосцев, она удалилась в свои покои.

Не успела она скинуть туфли, робко вошедшая Джаселина доложила, что Квиберн нижайше просит принять его.

– Пусть войдет, – сказала королева. Правителям отдых неведом.

У Квиберна, уже немолодого годами, в волосах все еще оставалось больше пепла, чем снега, а смешливые морщинки вокруг рта делали его похожим на доброго дедушку. Небогатого дедушку – воротник длинной хламиды обтрепан, один рукав оторван и неумело пришит.

– Прошу прощения за мой вид, ваше величество. Я был в темницах, расследовал побег Беса, как вы изволили приказать.

– И что же ты обнаружил?

– В ту ночь, когда лорд Варис и ваш брат исчезли, пропал еще один человек.

– Да, знаю. Тюремщик. И что же?

– Его звали Рюген, и он ведал каменными мешками. По описанию главного надзирателя, он был грузен, небрит и груб на язык. Он служил в тюрьме со времен старого короля, Эйериса. Приходил и уходил, когда вздумается. Последние годы каменные мешки не часто бывали заняты. Другие ключари, кажется, боялись его, но толком о нем никто ничего не знает. Ни друзей, ни родственников он не имел, не пил, не посещал публичных домов. Спал в сырой каморке на заплесневелой соломе. Судно выносил очень редко.

– Все это мне известно. – Джейме побывал в жилище Рюгена, а золотые плащи сира Аддама осмотрели его еще раз.

– Точно так – но известно ли вашему величеству, что под этим зловонным судном имелся расшатанный камень, а под ним углубление? Тайник, в каком человек обычно хранит свои ценности?

– Ценности? Золото, ты хочешь сказать? – Она с самого начала подозревала, что Тирион как-то подкупил этого тюремщика.

– Вне всяких сомнений. Сейчас тайник, разумеется, пуст – свои несправедно нажитые сокровища Рюген забрал с собой. Но, осветив дыру факелом, я увидел, что там что-то блестит, покопался в грязи и выскреб вот это. – Квиберн разжал ладонь. – Золотой.

Верно, золотой, но какой-то странный на вид. Слишком маленький, слишком тонкий. Истерся от старости. На одной стороне профиль какого-то короля, на другой изображение раскрытой руки.

– Это не дракон, – сказала Серсея.

– Нет, – подтвердил Квиберн. – Монету отчеканили еще до Завоевания. Король на ней – Гарт Двенадцатый, а рука – печать дома Гарденеров.

Печать Хайгардена. Серсея зажала монету в кулак. Нет ли тут измены? Мейс Тирелл был одним из судей Тириона и громко требовал казни преступника. Не для отвода ли глаз? Быть может, он все это время состоял в сговоре с Бесом, замышляя убить лорда Тайвина? С уходом Ланнистера десницей почти наверняка должен стать Тирелл, однако...

– Не говори никому об этом, – приказала Серсея.

– Ваше величество может положиться на мою скромность. Любой, кто вступает в шайку наемников, должен научиться держать язык за зубами, если не хочет его потерять.

– То же самое относится и к моим слугам. – Серсея убрала монету, чтобы подумать о ней на досуге. – Что скажешь о другом нашем деле?

– Сир Григор... – Квиберн пожал плечами. – Я осмотрел его по вашему приказанию и головой ручаюсь, что Змей смазал свое копьё ядом мантикора.

– Пицель иного мнения. Он сказал моему лорду-отцу, что яд мантикора убивает жертву, как только достигнет сердца.

– Так и есть. Но этот яд как-то сгустили, чтобы оттянуть смерть Горы.

– Применив какое-то другое снадобье?

– Возможно, и так, ваше величество, хотя зачастую такое вмешательство лишь делает яд менее сильным. Быть может, здесь воспользовались... не столь естественным средством. Чарами, ваше величество.

Неужели и он такой же дурак, как Пицель?

– Ты хочешь сказать, что Гора умирает от *черной магии*?

Квиберн пропустил насмешку мимо ушей.

– Он умирает от яда, но медленно и в невероятных мучениях. Мои попытки облегчить его страдания оказались столь же бесплодными, как усилия Пицеля. Боюсь, что мак на сира Григора уже не действует. Его оруженосец говорит, что рыцаря посещали сильные головные боли и он глушил маковое молоко, как другие – эль. Как бы там ни было, все вены в его теле сделались черными, моча загрязнена гноем, а в боку яд проел дырку величиной с мой кулак. По правде сказать, это чудо, что он еще жив.

– Григор очень велик, – хмуро произнесла королева. – И очень глуп, потому и не понимает, что пришло время умирать. – Она подставила чашу, и Сенелла подлила ей вина. – Его крики пугают Томмена, а порой будят по ночам и меня. Давно пора позвать к нему Илина Пейна.

– Быть может, перенести сира Григора в темницы, ваше величество? Там он вас не побеспокоит, и я смогу заняться им как подобает.

– Заняться? – рассмеялась она. – Пусть им займется сир Илин.

– Как вашему величеству будет угодно, но хорошо бы изучить этот яд получше. В народе говорят: хочешь убить рыцаря – пошли рыцаря, хочешь убить лучника – пошли лучника. Чтобы сразиться с черной магией... – И Квиберн умолк, улыбаясь Серсее.

Нет, он не Пицель, это ясно.

– За что Цитадель отняла у тебя цепь?

– Все архимейстеры в душе трусы. Серые овцы, как называет их Марвин. Я был не менее искусным целителем, чем Эброз, но мечтал превзойти его. В Цитадели веками вскрывают трупы, чтобы постичь суть жизни. Я желал постичь суть смерти и вскрывал живые тела. За это серые овцы осрамили меня и послали в изгнание... но я постиг природу жизни и смерти лучше всех остальных в Староместе.

– В самом деле? – Это заинтриговало Серсею. – Хорошо. Гора твой. Делай с ним что хочешь, лишь бы за пределами темниц об этом не знали. Когда он умрет, принесешь мне его голову. Отец обещал отослать ее в Дорн. Принц Доран, несомненно, предпочел бы убить Григора сам, но всех нас в этой жизни ждут разочарования.

– Слушаюсь, ваше величество, только... – Квиберн откашлялся. – Я оснащен не столь хорошо, как Пицель. Мне понадобятся кое-какие...

– Я велю лорду Джайлсу дать тебе золота, сколько потребуется. Заодно купи себе новую одежду, а то ты словно с Блошиного Конца явился. – Она посмотрела ему в глаза, прикидывая, насколько может довериться этому человеку. – Нужно ли говорить, что тебе придется худо, если хоть слово о твоих... трудах просочится за эти стены?

– Нет нужды, ваше величество, – ободряюще улыбнулся он. – Со мной ваши тайны будут в сохранности.

Когда он ушел, Серсея сама налила себе вина и подошла к окну, глядя, как ползут по двору тени. Монета... Золото Простора. Откуда у тюремщика из Королевской Гавани такое золото, если не за помощь в убийстве лорда Тайвина?

Она никак не могла представить себе отцовское лицо без этой глупой посмертной улыбки, и дурной запах, идущий от его тела, не оставлял ее. Может, и за этим стоит Тирион? Карлик на все способен. Не мог ли он сделать Пицеля своим орудием? В свое время он отправил великого мастера в темницу – как раз в те камеры, которыми ведал Рюген. Все нити этого дела перепутаны между собой. Верховного септона тоже назначал Тирион, вспомнилось ей, а тело отца всю ночь было на его попечении.

Дядя Киван пришел точно в срок, на закате, в стеганом угольно-черном дублете, мрачном, как и он сам. Сир Киван светлокож и светловолос, как все Ланнистеры, хотя волосы у него к пятидесяти пяти годам почти все выпали. Красавцем он никогда не слыл – мешковатый, узкоплечий, квадратный подбородок, плохо прикрытый желтой бородкой, выдается вперед. Ни дать ни взять старый сторожевой пес, но верный сторож – именно то, что ей сейчас нужно.

Они скромно поужинали кровавым мясом и свеклой, запив еду красным дорнийским вином. Сир Киван говорил мало и почти не притрагивался к винной чаше. Мрачные думы ему во вред, решила Серсея. Надо задать ему работу, чтобы помочь пережить горе.

Так она и сказала ему, когда слуги убрали со стола и вышли.

– Я знаю, как полагался на тебя отец, дядя, и намерена пойти по его стопам.

– Тебе нужен десница, а Джейме отказывается.

Он говорит без обиняков – тем лучше.

– Да, Джейме... Смерть отца так меня потрясла, что я едва помню, какие слова говорила. Джейме отважен, но, откровенно говоря, глуповат. Томмену нужен человек, умудренный опытом, старше годами...

– Мейс Тирелл старше.

– Ни за что. – Серсея, раздув ноздри, откинула прядь со лба. – Уж очень они загребушие, эти Тиреллы.

– Ты поступила бы глупо, сделав Мейса своим десницей, – признал сир Киван, – но еще глупее делать его своим врагом. Я слышал, что произошло в Чертоге Лампад. Мейс оплошал, вздумав обсуждать такие дела прилюдно, но и ты совершила промах, осрамив его перед половиной двора.

– Лучше уж так, чем терпеть в совете еще одного Тирелла. – Дядин упрек привел Серсею в раздражение. – Росби вполне пригоден быть мастером над монетой. Ты видел, какие у него лошади, видел его резные носилки с шелковыми занавесками. Его лошади одеты роскошнее многих рыцарей. Такой богач должен изыскивать золото без труда. Что до десницы, то кто же лучше завершит дело отца, чем его брат, заседавший с ним вместе в совете?

– Каждому нужен кто-то, кому можно довериться. У Тайвина были я и твоя покойная мать.

– Он очень ее любил. – Серсея запрещала себе думать о мертвой шлюхе в отцовской постели. – Я знаю, теперь они вместе.

– Я молюсь об этом. – Дядя пристально посмотрел на нее и сказал: – Ты многого у меня просишь, Серсея.

– Не больше, чем мой отец.

– Я устал. – Киван взял чашу с вином и отпил глоток. – Жены я не видел уже два года, один мой сын погиб, другой собирается жениться и вступить в права лорда. Надо отстроить замок Дарри, наладить оборону его земель, распахать и засеять заново сожженные поля. Лансель нуждается в моей помощи.

– И Томмен тоже. – Серсея не думала, что придется его уговаривать. С отцом он никогда не ломался. – И королевство.

– Да, королевство. И дом Ланнистеров. – Он сделал еще глоток. – Хорошо. Я останусь и послужу его величеству...

– Вот и отлично, – начала было Серсея, но сир Киван повысил голос.

– В том случае, если ты назначишь меня не только десницей, но и регентом, а сама уедешь в Бобровый Утес.

Долю мгновения она молча смотрела на него, а затем напонила:

– Королева-регентша – я.

– Ты была ею. Тайвин не намеревался оставлять тебя в этой роли. Он говорил мне, что хочет отправить тебя в Утес и найти тебе нового мужа.

– Он и мне говорил об этом, – в приливе гнева признала Серсея. – Но я ответила, что не желаю снова выходить замуж.

– Если ты настроена против замужества, я не стану тебя принуждать, – невозмутимо произнес дядя. – Что до отъезда, то ты теперь леди Бобрового Утеса. Твое место там, а не здесь.

«Как ты смеешь?» – хотелось завизжать ей, но она сдержалась и ответила:

– Помимо этого я остаюсь регентшей, и место мое – рядом с сыном.

– Твой отец думал иначе.

– Отца больше нет.

– К прискорбию моему и всего королевства. Открой глаза, Серсея. Страна превратилась в руины. Тайвин мог бы поправить дела, но...

– Их буду поправлять я! – И она добавила более мягко: – С твоей помощью, дядя. Если ты будешь служить мне столь же верно, как и отцу...

– Ты не твой отец. А своим полноправным наследником Тайвин всегда считал Джейме.

– Джейме дал обет! Он не умеет думать, смеется над всем на свете и говорит вслух все, что только придет ему в голову. Безмозглый красавчик, вот он кто.

– Однако десницей первым делом ты хотела выбрать его. Кто же после этого ты, Серсея?

– Говорю же тебе, я голову потеряла от горя, я не думала...

– Верно, не думала. Вот почему тебе следует вернуться в Бобровый Утес и оставить короля на попечение тех, кто думает.

– Король – мой сын! – Серсея вскочила на ноги.

– Да – и, судя по Джоффри, ты столь же негодная мать, как и правительница.

Она выплеснула остаток вина из чаши ему в лицо.

– Ваше величество, – сир Киван с достоинством поднялся из-за стола, – могу ли я удалиться? – Вино стекало у него по щекам в короткую бороду.

– По какому праву ты ставишь условия *мне*? Ты, простой рыцарь моего лорда-отца?

– Да, землями я не владею, но кое-какой доход у меня имеется, и золото в сундуках припрятано. Мой собственный отец никого из детей не забыл перед смертью, да и Тайвин умел награждать за хорошую службу. Я кормлю двести рыцарей и могу удвоить это число, коли будет нужда. Найдутся вольные всадники, которые встанут под мое знамя, и наемникам мне есть из чего платить. Ваше величество поступит разумно, приняв меня всерьез, – и еще разумнее, не враждуя со мной.

– Ты угрожаешь мне?

– Я даю вам совет.

– Мне следует бросить тебя в темницу.

– Нет. Тебе следует уступить мне регентство. Если же ты отказываешься, сделай меня кастеляном Бобрового Утеса, а десницей возьми Матиса Рована или Рендилла Тарли.

Оба – знаменосцы Тирелла, сообразила Серсея, на миг утратив дар речи. Подкуплен он, что ли? Взял золото Тиреллов за предательство дома Ланнистеров?

– Матис Рован человек рассудительный, и народ его любит, – как ни в чем не бывало продолжал дядя. – А Рендилл Тарли лучший солдат в королевстве. Неважный десница для мирного времени, но теперь, когда Тайвина нет, войну лучше него никто не закончит. Лорд Тирелл не обидится, если ты назначишь десницей кого-то из его знаменосцев. Тарли и Рован оба люди способные... и *преданные*. Кого бы ты ни выбрала, он будет твой безраздельно. Ты станешь крепче, Хайгарден слабее, а Мейс тебя еще и поблагодарит. Вот тебе мой совет, – пожал плечами Киван, – а дальше дело твое. По мне, хоть Лунатика в десницы бери. Мой брат умер, женщина, и я хочу проводить его прах домой.

Предатель, думала она. Перевертыш. Сколько же Мейс Тирелл тебе заплатил?

– Ты бросаешь своего короля, когда он нуждается в тебе больше всего. Бросаешь Томмена.

– У Томмена есть его мать. – Зеленые глаза Кивана смотрели на нее, не мигая. Последняя капля вина, повиснув на его подбородке, скатилась вниз. Он помолчал и добавил тихо: – И отец тоже, я полагаю.

Сир Джейме Ланнистер, весь в белом, стоял у погребального отцовского ложа, сомкнув пальцы на рукояти золотого меча.

Великая Септа Бейелора в сумерках вызывала странное чувство. Последний свет дня проникал в высокие окна, одевая красным заревом величественные изваяния Семерых. Вокруг алтарей мигали ароматические свечи, но тени уже собирались в приделах и слались по мраморному полу. Последние молящиеся покидали храм, и эхо песнопений затихало под сводами.

Рядом с Джейме остались только Бейлон Сванн и Лорас Тирелл.

– Никто не может нести бдение семь дней и семь ночей, – сказал сир Бейлон. – Когда вы спали в последний раз, милорд?

– Когда мой лорд-отец был еще жив.

– Позвольте мне заменить вас нынешней ночью, – попросил сир Лорас.

– Это не ваш отец. – *И убил его не ты. Это я сделал. Стрелу из арбалета в него пустил Тирион, но Тириона из тюрьмы выпустил я.* – Оставьте меня.

– Как прикажете, – сказал Сванн. Лорас, похоже, собрался спорить, но сир Бейлон взял его под руку и увел. Джейме слышал, как удаляются их шаги. Теперь он снова остался наедине со своим лордом-отцом, среди свечей, кристаллов и тошнотворно-сладкого запаха смерти. Спина ныла под тяжестью доспехов, ног он почти не чувствовал. Он переступил на месте, чтобы немного размять их, и сжал рукоять еще крепче. Мечом он владеть не способен, но по крайней мере может держать его. Отсутствующую руку дергало болью. Не смешно ли? Эту утраченную руку он чувствует больше, чем все остальное, оставшееся при нем.

Моя десница тоскует по мечу. Надо скорее убить кого-то. Вариса для начала, но попробуй найди камень, под которым он прячется.

– Я велел евнуху проводить его на корабль, а не в твою опочивальню, – сказал Джейме покойнику. – Его руки не меньше запятнаны кровью, чем... чем у Тириона. – «Чем у меня», – хотел сказать он, но слова застряли у него в горле. Варис, как бы велика ни была его вина, исполнял его, Джейме, приказание.

Решив наконец, что не даст умереть младшему брату, он ждал евнуха в его комнатах. Чтобы скоротать время, он точил одной рукой свой кинжал, находя странное успокоение в скрежете стали о камень. Заслышав шаги, Джейме стал у двери. Вошел Варис, благоухая пудрой и лавандой. Джейме подставил ему ногу, повалил, надавил коленом на грудь и приставил кинжал к мягкому белому горлу.

«Вот не думал встретить вас здесь, лорд Варис».

«Сир Джейме... Вы меня напугали».

«Я того и хотел. – Он слегка повернул клинок, и по нему заструилась кровь. – Думаю, вы могли бы помочь мне освободить брата, пока сир Илин не отрубил ему голову. Голова, конечно, не из красивых, но другой-то у него нет».

«Хорошо... как хотите... уберите нож... осторожней только, прошу вас... – Евнух потрогал шею и уставился на окровавленные пальцы. – Не выношу вида собственной крови».

«Зрелище станет еще невыносимее, если откажетесь мне помочь».

Варис с усилием сел. «Ваш брат... если Бес исчезнет из темницы ни с того ни с сего, возникнут вопросы. Я опасаюсь за свою жизнь...»

«Твоя жизнь в моих руках. Мне наплевать на кучу секретов, которые ты знаешь. Если мой брат умрет, ты переживешь его ненадолго, ручаюсь тебе».

«Ох. – Евнух слизнул кровь с пальцев. – Вы просите меня сделать ужасное – освободить Беса, который убил нашего любимого короля... или вы верите, что он невиновен?»

«Виновен он или нет, – как дурак, сказал Джейме, – Ланнистеры всегда платят свои долги».

С тех пор он не сомкнул глаз. Он все время видел перед собой лицо брата с обезображенным носом, видел, как тот ухмыляется при пляшущем свете факела. «Бедный ты, глупый калека. Серсея – лживая шлюха, она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, почем мне знать. А я именно то чудовище, которым меня все считают. Да, это я убил твоего мерзкого сына».

Он не сказал, однако, что намерен убить отца. Если бы он сказал, я остановил бы его. Я пролил бы родную кровь, а не он.

Где же скрывается Варис? У мастера над шептунами, конечно, достало ума не возвращаться в свои покои, и при обыске Красного Замка его нигде не нашли. Возможно, он сел на корабль вместе с Тирионом, боясь неизбежных вопросов. Если так, то они давно уже вышли в море и распивают в каюте борское золотое.

А может статься, братец убил заодно и Вариса, оставив труп гнить где-нибудь в подземелье. Там внизу можно годами искать, прежде чем обнаружатся его кости. Джейме спустился туда с дюжиной гвардейцев, взяв факелы, фонари и веревки. Много часов они шарили в извилистых коридорах с потайными дверями, скрытыми лестницами колодцами, уходящими в кромешную тьму. Редко Джейме чувствовал свое увечье так сильно. Две свои руки человек принимает как должное – когда надо лазать по лестницам, скажем. Даже ползать однорукому трудно – не зря ведь говорится «на четвереньках». Другие, карабкаясь по перекладинам, держали факел в свободной руке, а вот он не мог.

И все понапрасну. Ничего, кроме тьмы, пыли и крыс. И драконов. Он вспомнил, как тлели угли в пасти железного чудища. Жаровня обогревала помещение на дне шахты, где сходились с полдюжины туннелей. На полу Джейме увидел трехглавого дракона дома Таргариенов, выложенного черной и красной плиткой. «Я тебя знаю, Цареубийца, – будто бы говорил он. – Давно жду, когда ты придешь ко мне». Джейме узнал этот голос, эти стальные ноты – так говорил Рейегар, Принц Драконьего Камня.

Когда он прощался с Рейегаром во дворе Красного Замка, дул сильный ветер. Принц облачился в полночно-черные доспехи с трехглавым драконом, выложенным рубинами на груди.

«Ваше высочество, – умолял его Джейме, – пусть с королем на этот раз останется Дарри или сир Барристан. Их плащи столь же белы, как и мой».

«Твоего отца мой августейший родитель боится больше, нежели нашего кузена Роберта, – отвечал принц. – И по этой причине держит тебя при себе. Я не посмею лишить его этой подпорки в решающий час».

Джейме охватил гнев.

«Я не подпорка. Я рыцарь Королевской Гвардии».

«В таком случае охраняй короля, – рявкнул сир Джон Дарри. – Надев этот плащ, ты дал обет послушания».

Рейегар положил руку на плечо Джейме.

«После битвы я намерен созвать совет. Произойдут перемены. Я давно уже собирался...

впрочем, что толку забегать вперед. Поговорим, когда я вернусь».

Это были последние слова, которые он услышал от Рейегара Таргариена. Одна рать ждала за воротами, другая уже выступила на Трезубец. Принц сел на коня, надел черный высокий шлем и отправился навстречу своей судьбе.

Вышло так, что он сказал чистую правду. После битвы действительно произошли перемены.

– Эйерис думал, что с ним ничего не случится, если я буду у него под рукой, – сказал Джейме покойнику. – Забавно, правда? – Лорд Тайвин, видимо, разделял его мнение – улыбка у него на лице сделалась еще шире. Похоже, ему нравится быть мертвым.

Джейме, как ни странно, не ощущал горя. Где слезы? Где ярость? В последней он недостатка никогда не испытывал.

– Ты сам говорил мне, отец, что слезы у мужчины – признак слабости. Поэтому не жди, что я стану плакать по тебе.

Утром перед помостом прошла тысяча лордов и леди, днем – несколько тысяч простолюдинов. Они шли в трауре, с печальными лицами, но Джейме подозревал, что втайне многие радуются падению великого мужа. Даже на западе лорд Тайвин пользовался скорее уважением, чем любовью, а в Королевской Гавани ему до сих пор не забыли разграбление города.

Великий мейстер Пицель, судя по всему, скорбел больше всех.

«Я служил при шести королях, – сказал он Джейме после второй службы, озабоченно пригнувшись к запаху разложения, – но сейчас передо мною лежит самый великий из всех известных мне людей. Лорд Тайвин не носил короны, но был королем по сути своей».

Без бороды Пицель казался не столько старым, сколько ветхим. Тирион, побрив его, поступил крайне жестоко. Кто-кто, а Джейме знал, что значит потерять часть себя – ту часть, которая и делала тебя тобой. Борода Пицеля, белоснежная и мягкая, будто шерсть ягненка, доходила почти до пояса. Великий мейстер любил поглаживать ее, рассуждая о важных материях. Она придавала ему облик мудреца и скрывала разные неприглядные вещи: отвисшую кожу на подбородке, капризный маленький рот, недостающие зубы, бородавки, морщины, старческие пятна. Сейчас Пицель пытался отрастить ее заново, но это плохо удавалось ему. Из морщинистых щек и слабого подбородка торчали редкие волоски, не прячущие пятнистой розовой кожи.

«На своем веку я повидал много страшного, сир Джейме, – сказал старец. – Войны, битвы, ужаснейшие убийства. В Староместе, когда я был мальчиком, серая чума выкосила половину города и три четверти Цитадели. Лорд Хайтауэр сжег все стоявшие в порту корабли, запер ворота и приказал страже убивать всех, кто попытается убежать, будь то мужчина, женщина или младенец у матери на руках. Но как только чуме пришел конец, убили его самого. В тот день, когда он сызнова открыл порт, его стащили с коня и перерезали ему горло, а с ним погиб и его маленький сын. Городские невежды до сих пор плюются при упоминании его имени, однако Квентон Хайтауэр поступил как должно. Такого же рода человеком был ваш отец. Он всегда поступал как должно».

«Не потому ли он кажется таким довольным собой?»

Дух, идущий от тела, вышибал из глаз Пицеля слезы.

«Когда плоть усыхает, мышцы натягиваются и приподнимают уголки губ. Это не улыбка, а лишь следствие... усыхания. – Пицель смигнул слезы. – Прошу извинить меня, я очень устал». Опираясь на трость, он побрел прочь из септы. Скоро и этот умрет. Неудивительно, что Серсея называет его никчемным. Впрочем, сестрица половину придворных считает либо

никчемными, либо изменниками: Пицеля, Королевскую Гвардию, Тиреллов, самого Джейме... даже сира Илина Пейна, безмолвного рыцаря и королевского палача. За темницы в качестве Королевского Правосудия отвечал именно Пейн. Лишившись в свое время языка, он передоверил их своим подчиненным, но Серсея все равно винила его за побег Тириона. «Он ни при чем, это все я», – едва не сказал ей Джейме. Вместо этого он пообещал вытрясти все, что можно, из главного надзирателя, скрюченного старика по имени Реннифер Лонгуотерс.

«Я гляжу, вы дивитесь, что это за имя такое? – проскрипел старикан. – Стародавнее оно у меня. Не люблю бахвалиться, но во мне течет королевская кровь. Я происхожу от принцессы. Отец рассказал мне эту историю, когда я еще мальцом был. – С тех пор прошло порядочно времени, судя по пятнам на лысине старика и белой щетине на подбородке. – Она была самой прекрасной из всех, заключенных в Девичьем Склепе. Лорд Окенфист, верховный адмирал, любил ее без памяти, хотя и женился на другой. Их незаконнорожденного сына она назвала Уотерс, или «водный», в честь отца. С возрастом он стал славным рыцарем, а сын его, тоже славный рыцарь, поставил «Лонг» перед Уотерс» в знак того, что сам он родился в законном браке. Так что во мне тоже есть частица дракона».

«Угу. Я чуть не спутал тебя с Эйегоном Завоевателем, – ответил на это Джейме. Уотерсами называли всех бастардов на Черноводном заливе, и предком старого тюремщика был скорее всего какой-нибудь незначительный рыцарь. – Меня, однако, занимает дело менее древнее, чем твоя родословная».

«Сбежавший узник», – кивнул Лонгуотерс.

«И пропавший тюремщик».

«Да, Рюген. Занимался третьим ярусом, каменными мешками».

«Расскажи мне о нем». Что за дурацкий фарс. Джейме хорошо знал, кто такой Рюген, хотя Лонгуотерс мог и не знать.

«Грязный, вечно небритый, сквернослов. Я, признаться, его недолюбливал. Когда я пришел, двенадцать лет тому, Рюген здесь уже был. На должность его назначал король Эйерис. В тюрьме он почитай что не появлялся. Я упоминал об этом в моих донесениях, милорд. Слово чести, слово отпрыска королевской крови».

Если не перестанешь долдонить про свою кровь, я пуцую ее тебе, подумал Джейме.

«Кто читал твои донесения?»

«Одни шли мастеру над монетой, другие мастеру над шептунами. Но сперва все они подавались смотрителю тюрьмы и Королевскому Правосудию. Так у нас в темницах заведено. Правда, когда в нем нужда появлялась, Рюген всегда был на месте. Каменные мешки редко бывают заняты. Пока к нам не прислали брата вашей милости, там погостил немного великий мейстер, а до него изменник лорд Старк. Были еще трое, простого звания, но их лорд Старк отдал в Ночной Дозор. Я не считал разумным их отпускать, но что делать, раз бумага составлена надлежащим образом. Об этом я тоже упомянул в донесении, могу вас заверить».

«Расскажи теперь о двух надзирателях, которых нашли спящими».

«Какие они надзиратели, – фыркнул старик, – ключари просто. Корона выплачивает жалованье двадцати ключарям, милорд, но при мне здесь никогда не было больше дюжины. Надзирателей полагается иметь шестерых, по два на каждый ярус, а у нас только трое».

«Считая тебя?»

«Я главный надзиратель, милорд, – снова фыркнул Лонгуотерс. – Начальник над ними. Моя обязанность – вести счета. Если милорд пожелает заглянуть в мои книги, то увидит, что цифры все правильные. – Лонгуотерс сверился с раскрытым перед ним пухлым томом. – Сейчас у нас четверо заключенных наверху да один на втором ярусе, да еще брат вашей милости. Он, правда, сбежал, – нахмурился старый тюремщик. – Надо его вычеркнуть». И стал оттачивать перо, чтобы исполнить свое намерение.

Шестеро узников, кисло подумал Джейме, а платим мы двадцати ключарям, шести надзирателям, главному надзирателю, смотрителю и Королевскому Правосудию.

«Мне надо допросить этих двух ключарей».

Реннифер Лонгуотерс заострил перо и посмотрел на Джейме с сомнением.

«Допросить, милорд?»

«Ты не расслышал, что я сказал?»

«Нет, милорд, конечно, расслышал, но... не мне указывать милорду, кого допрашивать, а кого нет... только, не обессудьте за дерзость, вряд ли они станут отвечать вашей милости. Они мертвы, милорд».

«Мертвы? Кто приказал умертвить их?»

«Я думал, что вы, милорд... а может, король. Я не спрашивал. Задавать вопросы королевским гвардейцам – не мое дело».

Джейме воспринял это как соль на рану. Серсея использовала для грязной работы его людей – их и своих ненаглядных Кеттлблэков.

«Дураки безмозглые, – накинулся он чуть позже на Бороса Блаунта и Осмунда Кеттлблэка в подземелье, пропахшем кровью и смертью. – Что вы такое творите?»

«То, что нам приказывают, милорд, – сказал сир Борос, ниже Джейме, но более крепко сбитый. – Так распорядилась ее величество, ваша сестра».

Сир Осмунд просунул большие пальцы за пояс.

«Пусть уснут вечным сном, сказала она, и мы с братьями позаботились об этом».

Хорошо позаботились. Один тюремщик упал лицом вниз на стол, будто хмельной гость на пиру, но под головой у него растекалась не винная, а кровавая лужа. Второй успел вскочить со скамьи и достать кинжал, но чей-то меч рубанул его по ребрам. Его постигла более долгая смерть. Джейме сказал Варису, что при побеге никто не пострадает... но забыл сказать то же самое брату с сестрой.

«Вы поступили дурно, сир».

«Кому нужна эта шваль, – пожал плечами сир Осмунд. – Бьюсь об заклад, они были замешаны – как и тот, что пропал».

Нет, мог бы ответить Джейме. Варис подмешал им в вино сонного зелья.

«Если так, мы имели возможность выжать из них правду. *(Она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, почему мне знать...)* Будь я подозрителен по натуре, я бы задумался, почему вы так спешили убрать концы в воду, пока этих двоих никто не успел допросить. Быть может, вы заткнули им рот, чтобы скрыть собственное участие в побеге?»

«Мы? – поперхнулся Кеттлблэк. – Мы всего лишь исполнили приказ королевы. Клянусь в этом как ваш брат по Гвардии».

Джейме, сжав в кулак утраченные пальцы, сказал:

«Вызовите сюда Осни, Осфрида и уберите грязь, которую развели. Когда моя дражайшая сестра снова прикажет вам кого-то убить, обратитесь ко мне, но без крайней надобности не

попадайтесь мне на глаза, сир».

Эти слова звучали у него в голове и теперь, среди теней и шорохов септы. Окна почернели, и он видел в них далекие звезды. Солнце зашло окончательно. Запах смерти крепчал, несмотря на ароматические свечи. Это напоминало Джейме перевал под Золотым Зубом, где он одержал блистательную победу в первые дни войны. Утром после битвы воронье слетелось клевать и побежденных, и победителей. Рейегар Таргариен на Трезубце тоже послужил пищей для ворон. Много ли стоит корона, если принцем лакомится ворона?

Ему казалось, что они и теперь кружат над семьей башнями и куполом Септы Бейелора – бьют черными крыльями, стараются попасть внутрь. *Все стервятники Семи Королевств должны поклониться тебе, отец. Ты накормил их досыта, от Кастамере до Черноводной.* Эта мысль, как видно, пришлась лорду Тайвину по вкусу, ибо он заулыбался еще пуще прежнего. Проклятие. Ухмыляется, как жених перед брачной ночью.

Глядя на это, Джейме рассмеялся помимо воли.

Смех прокатился по всему храму, как будто мертвые, погребенные в стенах, тоже смеялись. Почему бы и нет? *Это смешнее всякого скоморошьего представления – я, соучастник в убийстве отца, несу бдение у его тела, я рассылаю людей на розыски брата, которого сам же освободил.* Джейме особо наказывал сирю Аддаму Марбранду поискать на Шелковой улице. «Загляните под все кровати – вы знаете, как мой брат любил посещать притоны разврата». Надо думать, у девок под юбками золотые плащи буду искать старательнее, чем под кроватями. Любопытно знать, сколько бастардов народится после такого обыска.

Его мысли неожиданно обратились к Бриенне Тарт. Упрямая, глупая страхолюдина. Где-то она сейчас? *Дай ей силы, Отец.* К кому обращена эта молитва – к богу, чье золоченое изваяние мерцает в огнях свечей, или к мертвому на помосте? Впрочем, какая разница. Они все равно не послушают, ни тот, ни другой. Богом Джейме с тех пор, как он дорос до настоящего меча, всегда был Воин. Мужчина может быть отцом, сыном, мужем – любой, только не золотоволосый Джейме Ланнистер с золотым мечом. Он был воином и никем другим быть не желал.

Надо было сказать Серсее правду, признаться, что это я выпустил из тюрьмы нашего младшего братца. Тирион полной мерой отплатил мне за правду. «Я убил твоего мерзкого сына, а теперь и отца убью». Джейме слышал, как смеется во мраке Бес. Он повернул голову – но нет, это его собственный смех вернулся к нему. Джейме смежил глаза и тут же снова раскрыл их. Спать нельзя. Еще, чего доброго, сон привидится. Ох, как издевался над ним Тирион... лживая шляха... спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком...

В полночь заскрипели Отцовы Двери, и вошли септоны – много, несколько сотен. Одни, Праведные, в серебряных одеждах и кристальных тиарах, другие, смиренные иноки, с кристаллами на шее и в белых рясах, подпоясанных семью шнурами, каждый разного цвета. Через Материнские Двери с тихим пением, по семеро в ряд, входили белые септы. Молчаливые Сестры, служительницы смерти, вереницей спускались по Ступеням Неведомого. На их закрытых платками лицах виднелись только глаза. Явились также нищие братья в бурых, песочных, а то и вовсе не крашенных домотканых хламидах, с вервием вместо пояса. У них на шее висели либо железные молотки Кузнеца, либо чаши для подаяния.

Святые люди, не обращая на Джейме никакого внимания, обходили септу по кругу и молились перед каждым алтарем, воздавая почести всем семи воплощениям божества. Каждому из Семерых приносили дары, каждому пели гимн. Под стройное пение Джейме

закрыв глаза, но его шатнуло, и он снова раскрыл их. Он устал больше, чем ему представлялось.

С его последнего бдения прошли годы. Тогда ему было всего-то пятнадцать лет. Он совершал обряд без доспехов, в одном только белом хитоне. Септа, где он провел ночь, втрое уступала величиной любому из семи приделов Великой Септы. Джейме водрузил свой меч на колени Воина, сложил доспехи к его ногам и опустился на неровный каменный пол. К утру он стер колени до крови. «Все рыцари проливают кровь, Джейме, – сказал ему, заметив это, сир Эртур Дейн. – Кровь – знак нашего посвящения». Своим мечом, Рассветом, он ударил юношу по плечу. Бледный клинок был таким острым, что даже плащмя прорвал хитон, и на плече тоже проступила кровь, но Джейме ничего не почувствовал. Он преклонил колени мальчиком, а встал рыцарем. Не Цареубийцей – Молодым Львом.

Но это было давно. Того мальчика больше нет на свете.

Он не заметил, как закончилась служба – возможно, он все-таки уснул стоя. Священнослужители вышли, и септу вновь наполнила тишина. Свечи пылали, как звезды, и пахло смертью. Джейме перехватил рукоять золотого меча. Зря он, пожалуй, не уступил свой пост сиру Лорасу. Серсея сильно разгневалась бы, узнав о такой замене. Рыцарь Цветов еще наполовину мальчишка, заносчивый и тщеславный, но есть в нем задатки славного воина. Он способен свершить дела, достойные Белой Книги.

Белая Книга, раскрытая на столе, с неммым укором ждет, когда завершится бдение. Лучше изрубить ее на куски, чем вписывать в нее лживые строки. Но если он не солжет, что может он написать, кроме правды?

Перед ним появилась женщина.

Снова дождь пошел, подумал он, видя, как промок ее плащ. Вода, стекая с него, собиралась в лужицу под ногами. Как она попала сюда? Шагов он не слышал. Плащ плохо выкрашен и обтрепался внизу – такой могла бы носить прислужница из таверны. Лицо пряталось под капюшоном, но в зеленых озерах глаз отражались свечи, и Джейме узнал ее.

– Серсея, – произнес он медленно, точно пробуждаясь от сна. – Который час?

– Час волка. – Она откинула капюшон, скорчила рожицу. – Волка-утопленника скорее всего. Помнишь, как я пришла к тебе вот так в первый раз? – Она одарила его лучистой улыбкой. – В какую-то захудалую гостиницу в Ласкином переулке. Я оделась служанкой, чтобы обмануть отцовскую стражу.

– Помню. Это был Угревой переулок. – Джейме знал, что она пришла неспроста. – Зачем ты здесь в такой час? Чего тебе надо? – «Надо-адо-адо-адо», затихая, покатилося по септе. На миг он позволил себе надеяться, что она просто ищет утешения в его объятиях.

– Тише. – Ее голос звучал странно, почти испуганно. – Киван мне отказал, Джейме. Не пожелал быть десницей. Он дал понять, что знает о нас с тобой.

– Отказал? – удивился Джейме. – Но откуда он может знать? Он, конечно, читал письмо Станниса, но это не...

– Об этом знал Тирион, – напомнила Серсея. – Неизвестно, что и кому наболтал злобный карлик. Дядя Киван – еще полбеды, а вот верховный септон... Тирион назначил его, когда толстяка убили. Вдруг и он знает? – Она подступила ближе. – Десницей Томмена должен стать ты. Мейсу Тиреллу я не верю. Что, если он сговорился с Тирионом и приложил руку к смерти отца? Возможно, Бес сейчас едет в Хайгарден...

– Нет. Не едет.

– Будь моим десницей, – взмолилась она, – и мы станем править вместе, как король с

королевой.

– Ты была королевой Роберта, а моей быть не захотела.

– Я не осмелилась. Но наш сын...

– Томмен не мой сын, и Джоффри им не был. Их ты тоже сделала детьми Роберта.

– Ты клялся, что будешь любить меня вечно. Что это за любовь, если тебя приходится умолять?

Джейме чувствовал запах ее страха даже сквозь гнилостный дух разложения. Обнять бы ее, расцеловать, зарыться лицом в ее золотые кудри, сказать, что не даст ее никому в обиду... только не здесь, не в присутствии богов и отца.

– Нет, – сказал он. – Я не могу. Я не сделаю этого.

– Ты нужен мне. Я беспомощна без своей второй половины. – Дождь стучал по окнам над ними. – Ты – это я, а я – это ты. Мне необходимо, чтобы ты был со мной. *Во мне*. Прошу тебя, Джейме. Прошу.

Джейме взглянул на лорда Тайвина – не восстал ли тот с помоста в праведном гневе? Но нет, отец лежал все так же, холодный и недвижимый.

– Я создан для ратного поля, не для совета. А теперь от меня и в поле никакой пользы.

Серсея вытерла слезы бурым потрепанным рукавом.

– Хорошо. Раз ты создан для ратного поля, я его тебе предоставлю. – Она сердито надвинула капюшон. – Дура я была, что пришла сюда. Дура была, что тебя любила. – Ее шаги гулко застучали по мрамору, оставляя цепочку мокрых следов.

Рассвет нагрянул неожиданно. Купол как-то вдруг просветлел, и радуги замерцали под ним, одев многоцветным сиянием лорда Тайвина. Покойный десница гнил на глазах. Провалившиеся глаза образовали черные ямы на зеленоватом лице. Щеки потрескались, из сочленений великолепных багровых доспехов сочилась мерзкая белая жижа.

Септоны, пришедшие к утренней службе, заметили это первыми. Морща носы, они пропели положенные молитвы. Одному сделалось дурно, и его пришлось вывести. Явившиеся после них служки начали кадить так усердно, что помост скрылся за пеленой благовонного дыма. Даже радуги погасли в этом тумане, но запах, стоявший у Джейме в горле, никуда не пропал.

Когда двери септы открылись, Тиреллы вошли в числе первых, сообразно своему рангу. Маргери возложила к ногам лорда Тайвина большой букет золотистых роз, но одну оставила и, заняв место на скамье, не отнимала ее от носа. Девица столь же умна, как и хороша собой. Томмену могла достаться королева и похуже нее. Далек ходить не надо. Фрейлины Маргери последовали ее примеру.

Серсея дождалась, когда все рассядутся, и лишь тогда вошла вместе с Томменом. Рядом вышагивал сир Осмунд Кеттлблэк в белом эмалевом панцире и белом плаще.

...Она спала с Ланселем, с Осмундом Кеттлблэком, а может, и с Лунатиком, откуда мне знать...

Джейме видел Кеттлблэка голым в бане – черные волосы на груди, поросль между ног еще гуще. Он представил себе, как эта шерсть колет мягкие груди его сестры. Нет, она ни за что не стала бы. Бес солгал. Золотые завитки, мокрые от пота, перепутались с черными. Кеттлблэк стискивает челюсти при каждом рывке. Серсея стонет. Нет! Все это ложь. Ложь.

Бледная, с красными глазами, Серсея вошла по ступеням, преклонила колени, поставила рядом Томмена. Мальчик отпрянул при виде покойника, но мать схватила его за руку и удержала на месте.

– Молись, – прошипела она. Томмен зашевелил губами, но для ребенка восьми лет лорд Тайвин был слишком ужасен. Король всхлипнул и разрыдался. – Перестань! – приказала Серсея. Томмен отвернулся, скрючился пополам, и его вырвало. Упавшая с головы корона покатила по полу. Серсея в приступе отвращения отпустила его, и король бросился к двери во всю прыть своих детских ног.

– Сир Осмунд, смените меня, – крикнул Джейме Кеттлблэку, побежавшему догонять корону. Передав рыцарю свой золотой меч, он устремился за королем. Томмена он настиг в Чертоге Лампад, на глазах у двадцати перепуганных септ.

– Извините, – прорыдал мальчик. – Завтра я выдержу лучше. Матушка говорит, что король должен показывать всем пример. Но там пахнет так, что меня стошнило.

Нет, так не пойдет. Слишком много тут любопытных глаз и ушей.

– Давайте-ка выйдем, ваше величество, – сказал Джейме и вывел мальчика на воздух – свежий, насколько это возможно в Королевской Гавани. Сорок золотых плащей, расставленные вокруг площади, охраняли лошадей и носилки. Джейме отошел в королем в сторону и усадил его на мраморные ступени.

– Я совсем не боялся, – убеждал его Томмен. – Меня просто стошнило. А вас разве не тошнит? Как вы только терпите, сир дядя?

Я нюхал собственную гниющую руку, которую повесил мне на шею Варго Хоут.

– Человек может вытерпеть почти все, если нужда заставит, – сказал Джейме своему сыну. – *Я чуял запах поджаренной плоти, когда король Эйерис испек человека в его собственных доспехах.* – На свете много страшного, Томмен. Можно бороться с ужасом, можно над ним смеяться... можно смотреть, не видя... уйти в себя...

Томмен задумался.

– В себя... Да, я уже делал это, когда Джоффи...

– *Джоффри.* – Перед ними возникла Серсея. Ветер хлопал ее юбками. – Твоего брата звали Джоффри, и он никогда бы не осрамил меня так, как ты.

– Я нечаянно. Я совсем не боялся, матушка, но от вашего лорда-отца так пахнет...

– Думаешь, мне так приятно это нюхать? У меня тоже есть нос. – Серсея взяла сына за ухо и подняла на ноги. – И у лорда Тирелла есть. Но он не блюет в святой септе, а леди Маргери не хнычет, как дитя малое.

Джейме тоже встал.

– Довольно, Серсея.

Ее ноздри раздулись.

– А вы зачем здесь, сир? Вы, насколько я помню, поклялись не покидать отца, пока не закончится бдение.

– Оно закончилось. Поди посмотри на него.

– Я сказала, что оно будет длиться семь дней и семь ночей. Надеюсь, лорд-командующий помнит, как считать до семи. Загни пальцы на одной руке и прибавь два.

Придворные, спасаясь от зловония, тоже выходили из септы.

– Тише, Серсея, – предостерег Джейме. – Лорд Тирелл идет сюда.

Это подействовало. Когда Мейс Тирелл склонился перед ней, она обнимала сына за плечи.

– Надеюсь, его величество здоров? – спросил лорд.

– Король во власти горя, – сказала Серсея.

– Как и все мы. Если я могу сделать хоть что-то...

Высоко над ними каркнула ворона. Она сидела на статуе короля Бейелора и гадила святому на голову.

– Вы могли бы сделать для Томмена очень многое, милорд, – сказал Джейме. – Не угодно ли вам поужинать с ее величеством после вечерней службы?

Серсея испепелила брата взглядом, но в кои-то веки у нее достало благоразумия промолчать.

– Поужинать? – опешил Тирелл. – Да, разумеется... почту за честь... вместе с моей леди-женой.

Королева с деланной улыбкой произнесла нечто любезное. Но когда Тирелл удалился, а Томмена увел сир Аддам Марбранд, она напустилась на брата.

– Вы пьяны, сир, или бредите? С какой стати я должна ужинать с этим алчным глупцом и его пустоголовой женой? – Ветер шевелил ее золотые волосы. – Я никогда не назначу его десницей, если ты это...

– Тирелл нужен тебе, – перебил ее Джейме, – но не здесь. Попроси его взять Штормовой Предел. Польсти ему, скажи, что тебе необходим сильный полководец взамен отца. Мейс воображает себя славным воином. Либо он возьмет эту крепость, либо провалит дело и выставит себя дураком. Выигрыш в любом случае будет за тобой.

– Штормовой Предел? – Серсея задумалась. – Да, но он ясно дал понять, что не уедет из Королевской Гавани, пока Томмена с Маргери не поженят.

– Так пожени их, – вздохнул Джейме. – Пройдут годы, прежде чем Томмен сможет осуществить свои супружеские права... а до тех пор брак всегда можно будет расторгнуть. Утешь Тирелла этой свадьбой и отправь его поиграть в войну.

На лице Серсеи проглянула улыбка.

– Осада тоже бывает опасной. Наш лорд Хайгарденский, чего доброго, может и жизни лишиться.

– Такая опасность есть, – признал Джейме. – Особенно если терпение на сей раз изменит ему и он вздумает штурмовать ворота.

– Знаешь, – пристально посмотрев на него, сказала Серсея, – ты сказал это в точности как отец.

Ворота Синего Дола были заперты наглухо. Городские стены белели в предрассветном сумраке. Над ними, как призрачные часовые, плыли прядки тумана. Около дюжины повозок, запряженных лошадьми и волами, стояло у ворот, ожидая восхода солнца. Бриенна заняла очередь за возом, груженным репой. Икры у нее болели от долгой езды, и она с удовольствием спешила, чтобы размять ноги. Из леса, грохоча, выкатилась еще одна телега. К тому времени, как небо стало светлеть, хвост вытянулся на четверть мили.

Крестьяне поглядывали на нее с любопытством, но разговор завязать не пытались. Ей следовало бы заговорить первой, но она всегда стеснялась заводить речь с незнакомыми, даже в детстве, а долгие годы пренебрежения только усугубили ее застенчивость. Но спрашивать нужно – как же иначе она найдет Сансу? Бриенна прочистила горло и обратилась к селянке, сидевшей на возу с репой:

– Добрая женщина, не встречала ли ты на дороге мою сестру? Девушка, совсем юная, тринадцати лет, и очень красивая – глаза голубые, волосы золотисто-рыжие. Ее мог сопровождать подвыпивший рыцарь.

Женщина потрясла головой, а ее муж заметил:

– Ну тогда она, поди, уж не девушка. А имя у нее есть, у бедняжки?

Бриенне ничего не шло в голову. Надо было придумать имя заранее, любое, какое ни на есть.

– Нету? Ну, безымянных на дорогах полно.

– А на кладбище еще больше, – вставила женщина.

Когда рассвело, на стене появились стражники. Возчики взобрались на козлы, разобрали вожжи. Бриенна, сев на лошадь, оглянулась. Все больше крестьяне, едущие на рынок с грузом фруктов и овощей. Пара зажиточных горожан на крепких лошадках и тощий парень на пегой кляче. Ни межевых рыцарей, ее попутчиков, ни сира Шадрика Бешеная Мышь не видно.

Повозки стража пропускала почти не глядя, но с Бриенной вышла заминка.

– А ну стой! – приказал капитан, и двое стражей в кольчугах скрестили перед ней копья. – С какой целью едете в город?

– Мне нужен лорд Синего Дола или его мейстер.

Капитан посмотрел на ее щит.

– Черный нетопырь Лотстонов. Этот герб пользуется дурной репутацией.

– Это не мой герб. Я намерена перекрасить щит.

– Вот как? – Он поскреб заросший подбородок. – Моя сестра как раз этим занимается.

Вы найдете ее в доме с расписной дверью, наискосок от «Семи мечей». Пропустите, ребята. Это женщина.

Рынок располагался прямо за воротами, и торговцы, проехавшие в город раньше нее, уже выкликали свой товар – ячмень, репу и лук. Другие продавали оружие и доспехи – очень дешево, судя по называемым ценам. Явные мародеры, налетающие на поле недавней битвы заодно с вороньем. Бриенна ехала мимо кольчуг с запекшейся кровью, помятых шлемов, выщербленных мечей. Попадались также сапоги, меховые плащи, запачканные камзолы с подозрительными прорехами. Многие эмблемы были знакомы ей: кольчужный кулак, голова лося, белое солнце, обоюдоострый топор. Все это были гербы северян, но их противники, люди Тарли и жители штормовых земель, тоже погибли на этом поле. Бриенна видела

зеленые и красные яблоки, щит с тройной молнией Лейгудов, попону с муравьями Амбросов. Шагающий охотник самого лорда Тарли то и дело встречался ей. Стервятники не разбирают, кто ты – друг или враг.

Сосновые и липовые щиты можно было купить за гроши, но Бриенна на них не польстилась. Ей хотелось сохранить свой, из крепкого дуба, тот, который ей дал Джейме и которым он сам пользовался в дороге от Харренхолла до Королевской Гавани. У соснового щита есть свои преимущества. Он не такой тяжелый, и вражеский топор или меч легко вязнет в мягком дереве. Но дуб, если воин достаточно силен для него, защищает лучше.

Синий Дол строился вокруг гавани. К северу от города высились меловые утесы, на юге скалистый мыс загораживал стоящие на якоре корабли от штормов Узкого моря. Замок с главной прямоугольной башней и несколькими круглыми стоял над портом, видный с любой точки города. По булыжным улочкам, где толпился народ, было легче идти, чем ехать, поэтому Бриенна пристроила лошадь в одну из платных конюшен и пошла дальше пешком – щит за спиной, свернутые одеяла под мышкой.

Капитанову сестру найти оказалось нетрудно. «Семь мечей» были самой большой гостиницей в городе. Четырехэтажное здание возвышалось над всеми прочими, и расписные двери дома напротив сразу бросались в глаза. Картина изображала замок, стоящий в осеннем лесу, среди золотой и ржавой листвы. Стволы старых дубов обвивал плющ, и даже желуди мастер выписал с большим тщанием. Присмотревшись, Бриенна разглядела и живность: хитрую рыжую лису, двух ласточек на ветке, вебря в чаше.

– Какие красивые у вас двери, – сказала она темноволосой женщине, открывшей на ее стук. – Чей это замок?

– Да ничей. Сама я видела только один – Данфорт, что около гавани. Этот, нарисованный, я из головы выдумала. Драконов я ведь тоже никогда не видала, и грифонов, и единорогов. – Она говорила весело, но при виде щита Бриенны ее лицо омрачилось. – В детстве матушка мне говорила, что большие нетопыри вылетают из Харренхолла в безлунные ночи и уносят плохих детей к Безумной Данелле, а она из них варит похлебку. Порой я слышу, как они скребутся в ставни. – Женщина цыкнула зубом и деловито спросила: – Что вместо него рисовать будем?

Герб Тартов, поделенный на четверти, розовые и лазурные, имеет в себе желтое солнце и полумесяц, но Бриенна после того, как ее обвинили в убийстве, не смела носить его.

– Ваши двери напомнили мне один старый щит, виденный у отца в оружейной. – И Бриенна описала его как могла лучше.

– Могу сделать прямо сейчас, – кивнула женщина, – но краска должна просохнуть. Советую вам занять комнату в «Семи мечях», а щит я вам принесу завтра утром.

В намерения Бриенны не входило ночевать в Синем Доле, но, может быть, это и к лучшему. Как знать, в замке ли сейчас лорд и согласится ли он принять ее. Поблагодарив мастерицу, она перешла на ту сторону улицы. Вывеской гостинице служили семь деревянных мечей под железной пикой. Известка, которой они были выбелены, сильно облупилась, но Бриенна знала, что они обозначают семерых сынов Дарклина, носивших плащи Королевской Гвардии, – ни один другой дом Вестероса не мог похвалиться таким количеством белых рыцарей. Они прославили свой род, а теперь висят над дверью гостиницы. Войдя в общую залу, Бриенна попросила комнату и горячую ванну.

Хозяин провел ее на второй этаж. Служанка с красным родимым пятном на лице притащила лохань и принялась носить ведрами воду.

– А что, Дарклины до сих пор живут в Синем Доле? – спросила, усевшись в лохань, Бриенна.

– Есть у нас Дарки, я сама из них. Тут, коли плюнешь, непременно попадешь в Дарка, Дарквуда или Даргула, но самих лордов Дарклинов давно уже нет. Лорд Денис, глупенький, был последним. Известно ли вам, что до прихода андалов они были королями Синего Дола? По мне не скажешь, но королевская кровь и в моих жилах течет. «Ваше величество, – кричат они мне, бывало, – еще кружку эля. Ваше величество, соблаговолите вынести ночную посуду и приволочь хвороста, а то огонь гаснет». – Женщина со смехом вытрясла из ведра последние капли. – Ну вот. Горячо ли?

– Сойдет. – Вода была еле теплая.

– Я бы еще принесла, да она выльется через край. Очень уж вы большая.

Или кадка у вас маловата. В Харренхолле ванны огромные и вырублены из камня. В купальне от воды пар стоит, и Джейме шел в этом пару нагишом – полумертвец-полубог. Бриенна залилась краской, вспомнив, как он залез в ее ванну. Схватила кусок щелочного мыла и стала тереть под мышками, пытаюсь представить себе лицо Ренли.

Кое-как вымывшись, пока вода окончательно не остыла, она облачилась в ту же одежду и опоясалась мечом, но кольчугу и шлем надевать не стала, чтобы не пугать обитателей Данфорта. У ворот замка стояли часовые в кожаных колетах с эмблемой боевых молотов, скрещенных поверх белого креста.

– Я хочу поговорить с вашим лордом, – сказала Бриенна.

– Громко же вам придется кричать, – засмеялся один, а второй пояснил:

– Лорд Риккер уехал в Девичий Пруд с Рендиллом Тарли. А присматривать за леди Риккер и ребятишками оставил кастеляна, сира Руфуса Лека.

К Леку ее и сопроводили. У сира Руфуса, седобородого крепыша, недоставало левой ноги.

– Извините, что не встаю, – сказал он. Бриенна предъявила ему свою грамоту, но он, не умея читать, отослал гостью к пожилому мейстеру с пятнами на лысине и жесткими рыжими усами.

Услышав имя «Холлард», мейстер нахмурился.

– Сколько раз мне еще петь ту же песню?

Мое лицо выдает меня, решила Бриенна.

– Думаете, вы первая, кто ищет Донтоса? Скорее уж двадцать первая. На днях здесь побывали золотые плащи по делу об убийстве короля, с бумагой от лорда Тайвина. А у вас что есть?

Бриенна показала ему свою, с печатью и детской подписью Томмена. Мейстер долго хмыкал, разглядывая печать, и наконец вернул бумагу Бриенне.

– В порядке как будто. – Он сел на высокий табурет и указал Бриенне на другой. – Сира Донтоса я не знаю. Из Синего Дола он уехал еще ребенком. Некогда Холларды были славным родом. Знаете их герб? Поперечные полосы, красные и розовые, с тремя золотыми коронами, на голубом поле. Трое Дарклинов, здешних королей Века Героев, были женаты на девицах из дома Холлардов. Позже это маленькое королевство перестало существовать, но Дарклины остались, и Холларды продолжали служить им... даже в пору мятежа. Знаете его историю?

– Слышала. – Их собственный мейстер рассказывал ей, что король Эйерис лишился разума именно из-за Синедольского мятежа.

– В Синем Доле до сих пор любят лорда Дениса, несмотря на все горе, которое он

принес. Всю вину возлагают на леди Сорелу, его жену-мирийку. Прозвали ее Кружевной Змеей. Если бы, мол, лорд взял жену из Стаунтонов или Стоквортов... ну, вы знаете, как в народе говорят. Кружевная Змея лила в уши своему мужу мирийский яд, говорят они, пока лорд Денис не взбунтовался против своего короля и не взял его в плен. При захвате короля сир Саймон Холлард, бывший у Дениса мастером над оружием, зарубил сира Гвейна Тощего из Королевской Гвардии. Полгода Эйериса держали вот в этих стенах, а королевский десница стоял у города с большим войском. Лорд Тайвин мог в любое время взять город приступом, но лорд Денис пригрозил, что убьет короля при первых признаках штурма.

Что было дальше, Бриенна помнила.

– Но Барристан Смелый вызволил короля.

– Верно. Лорд Денис, лишившись заложника, тут же открыл ворота и сдался, чтобы лорду Тайвину не пришлось брать Синий Дол. Он преклонил колени и молил о милосердии, но король не соизволил простить его. Лорд Денис сложил голову на плахе, а с ним его братья, сестра, дядья, кузены – весь род Дарклинов. Кружевную Змею, бедняжку, сожгли заживо, вырвав ей перед тем язык и женское естество, которым она будто бы поработила своего лорда. Половина Синего Дола до сих пор уверена, что Эйерис поступил с ней чересчур мягко.

– А Холларды?

– Их взяли под стражу и вывели всех под корень. В то время я выковывал свою цепь в Цитадели, но позже прочел записи о суде над ними. Сир Джон Холлард, стюард, был женат на сестре лорда Дениса. Его казнили вместе с нею и с маленьким сыном, наполовину Дарклином. Робин Холлард, оруженосец, который скакал вокруг пленного короля и дергал его за бороду, умер на дыбе. Сира Саймона Холларда убил, спасая короля, сир Барристан. Земли у Холлардов отобрали, их замок снесли, их деревни предали огню. Дому Холлардов пришел конец, как и дому Дарклинов.

– Всем, кроме Донтоса.

– Верно. Донтос был сыном сира Стеффона Холларда, брата-близнеца сира Саймона. Тот уже несколько лет как умер от лихорадки и в мятеже не участвовал. Эйерис тем не менее казнил бы и мальчика, но сир Барристан попросил сохранить ему жизнь. Король не мог отказать своему спасителю, и Донтоса взяли в Королевскую Гавань оруженосцем. Насколько я знаю, в Синий Дол он ни разу не возвращался, да и зачем? Здесь у него не осталось ни земель, ни родных, ни замка. Если Донтос и эта юная северянка замешаны в убийстве нашего славного короля, они, думается мне, постараются уйти как можно дальше от правосудия. Ищите их в Староместе, ищите за Узким морем. Ищите в Дорне и на Стене. Одним словом, не здесь. – Мейстер встал. – Меня зовут мои вороны. Позвольте пожелать вам доброго дня.

Дорога обратно в гостиницу показалась Бриенне длиннее, чем дорога в Данфорт, – возможно, из-за угнетенного настроения. В Синем Доле ей Сансу Старк не найти, это ясно. Если сир Донтос увез ее в Старомест или за Узкое море, как, похоже, предполагает мейстер, то дело Бриенны проиграно. Но этот мейстер не знал Сансу, как не знал он и Холларда. Зачем ей было ехать в Старомест, к чужим людям?

Бывшая служанка Сансы Брелла, отысканная Бриенной в Королевской Гавани, теперь работала прачкой в публичном доме. «До миледи Сансы я служила у лорда Ренли, и оба оказались изменниками, – горько сетовала она. – Теперь меня ни один лорд не возьмет, вот и стираю на шлюх. – На вопросы Бриенны о Сансе она ответила: – Скажу вам то, что сказала и лорду Тайвину. Эта девушка без конца молилась. Днем ходила в септу и ставила свечи, как

подобает леди, а чуть ли не каждую ночь бегала в богорошу. Она вернулась на север, вот что. Там ее боги живут».

Но север велик, и Бриенна не имела понятия, кому из знаменосцев своего отца Санса доверилась бы в первую очередь. Возможно, она предпочла родных? Братья ее и сестра убиты, но дядя и побочный брат служат в Ночном Дозоре. Другой дядя, Эдмар Талли, сидит в плену в Близнецах, а его собственный дядя, сир Бринден, все еще держит Риверран. Есть еще младшая сестра леди Кейтилин, правительница Долины. Кровные узы – самые крепкие. Санса могла направиться к кому-то из них, но к кому?

До Стены далеко, притом это место мрачное и суровое. Чтобы добраться до Риверрана, Сансе пришлось бы пересечь речные земли, разоренные войной и наводненные солдатами Ланнистеров. Напрашивается Долина, где леди Лиза наверняка дала бы приют своей племяннице...

Бриенна, задумавшись, свернула не туда и оказалась в тупике, на грязном дворе, где рылись в земле три свиньи. Одна завизжала, и вышедшая во двор старуха подозрительно осведомилась:

– Вам чего?

– Я ищу «Семь мечей».

– Это вам в обратную сторону. Как дойдете до септы, поверните налево.

– Спасибо.

Бриенна зашагала обратно и за первым углом налетела на какого-то человека. Встречный, совсем мальчишка, с прямыми тонкими волосами и ячменем на глазу, от столкновения плюхнулся задом в грязь.

– Прошу прощения. – Бриенна подала ему руку, чтобы помочь встать, но парень проворно отполз от нее. Лет ему было от силы десять-двенадцать, однако он носил кольчугу, а за спиной у него висел длинный меч. – Я тебя знаю? – Его лицо казалось ей смутно знакомым, но она никак не могла вспомнить откуда.

– Нет. Не знаете. Мы никогда... – Паренек вскочил на ноги. – П-простите меня, миледи. Я не смотрел, куда иду. То есть смотрел, но вниз. Под ноги. – Он повернулся и стремглав припустил обратно.

Все это показалось Бриенне подозрительным, но не гнаться же за ним по улицам Синего Дола. *У городских ворот утром, вот где я его видела*, вспомнила вдруг она. Верхом на пегой лошади. И еще где-то, только вот где?

Когда она снова отыскивала гостиницу, народу в зале было полным-полно. Ближе всего к огню сидели четыре септы в грязных с дороги рясах. На прочих скамьях местные жители заедали хлебом горячую крабовую похлебку. От ее запаха у Бриенны в животе заурчало, но она не могла найти ни одного свободного места.

– Садитесь сюда, миледи, – предложил кто-то сзади. Человек соскочил со скамьи, и лишь тогда Бриенна увидела, что это карлик не более пяти футов ростом. Нос весь в красных прожилках, зубы красные от кислота. Одет в бурый балахон нищего брата, на толстой шее железный молоток кузнеца.

– Сидите, – сказала она. – Я вполне могу постоять.

– Лучше уж я – моя-то голова вряд ли о потолок стукнется. – Он говорил грубым голосом, однако учтиво. Бриенна видела сверху его выбритую макушку. Многие монахи носят такие тонзуры. По словам септы Роэллы, этим они показывают, что им нечего скрывать от Отца. «А через волосы Отец разве не видит?» – спросила как-то Бриенна. Глупый вопрос.

Она с детства туго соображала – септа Роэлла часто ей пеняла на это. Сейчас, чувствуя себя почти столь же глупо, она заняла место карлика на конце скамейки, знаком попросила подать ей похлебку и спросила человечка в рясе:

– Вы служите при какой-нибудь обители в Синем Доле, брат мой?

– Наша обитель стояла ближе к Девичьему Пруду, но волки пожгли нас, – ответил карлик, жуя горбушку. – Мы отстроили ее, как могли, и тут явились наемники. Не знаю, чьи это были люди, но они забрали наших свиней и поубивали всю братию. Я сам спрятался в пустом чурбаке, другие же там не могли поместиться. Чтобы похоронить их всех, понадобилось много времени, но Кузнец дал мне силы. Исполнив это, я раскопал тайник, где наш настоятель хранил немного монет, и ушел.

– Я встречала на дороге братьев, идущих в Королевскую Гавань.

– Их, воробьев, теперь на дорогах сотни. И братия, и септоны, и простой люд. Может, я и сам воробей – вон каким маленьким сделал меня Кузнец, – ухмыльнулся карлик. – А какова ваша печальная повесть, миледи?

– Я ищу свою сестру, дочь знатного дома, тринадцати лет. Прекрасную собой, голубоглазую, с золотистыми волосами. Ее мог сопровождать рыцарь, а может быть, шут. – Бриенна помялась. – Я дам золота тому, кто поможет найти ее.

– Золота? – Карлик выставил в улыбке красные зубы. – С меня довольно и миски вот этой похлебки, но боюсь, что не смогу вам помочь. Дураков я встречал в изобилии, а вот прекрасных дев нет. – Он пораздумал, склонив голову набок. – Помню, видел шута в Девичьем Пруду – очень грязного и оборванного, но лохмотья на нем были пестрые.

Носил ли Донтос Холлард шутовской наряд? Бриенна ни от кого об этом не слышала... но и против никто ничего не сказал. Когда он, однако, успел так обтрепаться? Они с Сансой испытали какие-то злоключения после бегства из Королевской Гавани? Очень может быть, когда на дорогах так опасно. Может также быть, что это был вовсе не Донтос.

– А нос у того шута был красный?

– Не могу поклясться. Я, признаться, его не разглядывал. Я пришел в Девичий Пруд, только что схоронив своих братьев, и думал найти там корабль, который отвез бы меня в Королевскую Гавань. Дурак мне встретился в гавани, и я заметил, что он старательно избегает солдат лорда Тарли. Потом я увидел его снова, в «Смердящей гуске».

– В «Смердящей гуске»?

– Место не из пристойных, – признал карлик. – В гавани там несут караул люди лорда Тарли, а в «Гуске» всегда полно матросов, которые за хорошую плату охотно проводят желающих на свои корабли. Тот дурак договаривался о провозе трех человек через Узкое море. Я часто видел, как он там толкует с гребцами, а порой слышал, как он поет.

– Трех человек? Не двух?

– Трех, миледи. В этом я могу вам поклясться хотя бы и Семерыми.

Трое, думала Бриенна. Санса, сир Донтос... а кто же третий? Бес?

– И что же, стоворился он с кем-нибудь?

– Этого я сказать не могу, но однажды ночью люди лорда Тарли наведались в «Гуску», разыскивая его, а пару дней спустя один человек хвастал, что обдурил дурака, и показывал золото в доказательство. Он был крепко пьян и всех угощал элем.

– Обдурил дурака... Что он хотел сказать этим?

– Опять-таки не знаю, миледи. Помню только, что звали его Дик-Пройдоха. Боюсь, это все, что я вам могу предложить, кроме разве молитвы грешного человека.

Бриенна, верная слову, заказала ему еще миску похлебки, и свежего горячего хлеба, и чашу вина. Пока он ел, стоя рядом с ней, она думала над его рассказом. Мог ли Бес присоединиться к ним? Если за исчезновением Сансы стоял Тирион Ланнистер, а не Донтос Холлард, понятно, что все трое решили уйти через Узкое море.

Человечек между тем расправился со своей порцией, а заодно доел и то, что осталось в миске Бриенны.

– Вам надо побольше есть, – заметил он. – Такая большая женщина должна хорошенько поддерживать свои силы. До Девичьего Пруда ехать недалеко – только опасно, по правде сказать.

Еще как опасно. На этой самой дороге погиб сир Клеос Фрей, а их с Джейме захватили в плен Кровавые Скоморохи. Джейме тогда чуть ее не убил, несмотря на худобу, слабость и скованные запястья. Вот каким он был до того, как Золло отсек ему правую руку. Этот Золло, и Рорж, и Шагвелл раз сто надругались бы над Бриенной, если бы Джейме не сказал им, что за нее дадут столько сапфиров, сколько она весит.

– Вы что-то загрузили, миледи. Думаете о вашей сестре? – Карлик похлопал ее по руке. – Не страшитесь: Старица осветит вам дорогу к ней, а Дева ее сохранит.

– Вашими бы молитвами.

– Вот увидите, они сбудутся. Однако мне пора, – с поклоном добавил он. – До Королевской Гавани путь неблизкий.

– Есть у вас лошадь? Или мул?

– Я путешествую на своих двоих. Они несут меня, куда мне захочется. – Карлик засмеялся, поклонился еще раз и вразвалку направился к двери.

Бриенна осталась сидеть, задумавшись над чашей разбавленного вина. Вино она пила лишь в тех редких случаях, когда хотела унять тревогу. Куда же теперь податься? В Девичий Пруд, чтобы найти человека по имени Дик-Пройдоха в месте под названием «Смердящая гуска»?

Когда она видела Девичий Пруд в последний раз, город был разорен, лорд заперся в своем замке, жители, не считая убитых, разбежались или сидели в укрытиях. Ей помнились пустые улицы, сожженные дома, выломанные ворота. Одичавшие собаки украдкой следовали за всадниками. В родниковом пруду, давшем городу имя, плавали, точно чудовищные кувшинки, раздутые трупы. Джейме запел «Шесть юных дев в пруду искристом» и засмеялся, когда Бриенна велела ему замолчать. Теперь в Девичьем Пруду Рендилл Тарли – еще одна причина, по которой ей не следует туда ехать. Лучше сесть на корабль до Чаячьего города или Белой Гавани. Два этих дела, впрочем, можно и совместить. Заехать в «Смердящую гуску», поговорить с Диком-Пройдохой, а затем отплыть дальше на север. Обедавшие начинали понемногу расходиться. Бриенна, разломив хлебную краюху надвое, стала слушать разговоры за соседними столами. Почти все они касались смерти лорда Тайвина Ланнистера.

– Говорят, его родной сын убил, – сказал мужчина, по виду сапожник. – Злобный карлик.

– А король-то совсем еще мал, – добавила старшая из четырех септ. – Кто же будет нами править, пока он не вырастет?

– Брат лорда Тайвина, – предположил стражник. – А может, лорд Тирелл. Или Цареубийца.

– Только не этот клятвопреступник, – плюнул в огонь хозяин гостиницы. Бриенна положила хлеб и смахнула крошки с колен. С нее было довольно.

Ночью, во сне, она снова оказалась в шатре у Ренли. Все свечи погасли, вокруг стоял холод. В зеленой тьме шевелилось что-то, мерзкое и ужасное, грозившее ее королю. Бриенна рвалась защитить его, но все ее члены застыли и онемели – она даже руки не могла поднять. Когда же теневой меч рассек зеленый стальной ворот и хлынула кровь, она увидела, что павший король – вовсе не Ренли, а Джейме Ланнистер, которого она не сумела спасти.

Капитанова сестра застала ее в общей зале, над чашей молока с медом и тремя размешанными сырыми яйцами.

– Прекрасная работа, – похвалила Бриенна, когда женщина показала ей свежерасписанный щит. Это был даже не герб, а настоящая картина, вернувшая Бриенну в прошлое, в прохладный сумрак отцовской оружейной. Она заново почувствовала, как ее пальцы прикасаются к растрескавшейся краске, к зеленым листьям дерева, к падающей звезде.

Бриенна заплатила живописице в полтора раза больше условленного. Когда она покидала гостиницу, закупив на дорогу муки, сухарей и сыра, щит висел у нее за плечом. Из города она выехала через северные ворота и медленно двинулась через поля и деревни. Здесь происходили самые жестокие бои, когда волки пришли к Синему Долю.

Армией Джоффри, составленной из жителей Запада, штурмовых земель и Простора, командовал Рендилл Тарли. Его воинов, павших в бою, похоронили как героев, в склепах под септами Синего Дола. Убитых северян, куда более многочисленных, свалили в общую яму у моря. «ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ ВОЛКИ» – написали победители на грубо вытесанном деревянном столбе, что стоял над могилой. Бриенна, остановившись рядом, безмолвно помолилась за павших, за Кейтилин Старк и ее сына Робба и за всех, кто погиб вместе с ними.

Она хорошо помнила ночь, когда Кейтилин узнала о смерти двух своих младших сыновей, мальчиков, которых она оставила в Винтерфелле ради их безопасности. Бриенна, чувствуя неладное, спросила, нет ли у леди Старк каких-то вестей о них. «У меня нет больше сыновей, кроме Робба», – ответила Кейтилин так, будто в животе у нее повернули нож. Бриенна протянула руку через стол, желая утешить ее, – и остановилась, боясь, что та отшатнется. Леди Кейтилин обратила к ней свои изрезанные кинжалом ладони и завела разговор о своих дочерях. «Санса всегда была маленькой леди, – говорила она, – вежливой и стремящейся всем угодить. Она любила истории о доблестных рыцарях. Когда она вырастет, то будет гораздо красивей меня, вот увидишь. Я часто сама расчесывала ей волосы, такие густые и мягкие, цвета осенних листьев... при свете факелов они блестят, словно медь».

Она говорила и об Арье, своей младшей дочери, но Арья давно пропала и скорее всего мертва. Санса же... «Я найду ее, миледи, – поклялась Бриенна неуспокоенной тени леди Кейтилин. – Никогда не перестану искать. Не пожалею ни жизни, ни чести, если придется, забуду свои мечты, но найду ее».

За полем недавней битвы дорога потянулась по берегу, между взволнованным серо-зеленым морем и низкими известковыми холмами. Здесь то и дело встречались рыбацьи деревни, чьи жители по этой дороге возили свой улов в город. Одна семья, рыбацка и ее дочери, как раз возвращалась домой, неся на плечах пустые корзины. Бриенну в доспехах они приняли за рыцаря, но, увидев ее лицо, девушки начали перешептываться и бросать на нее любопытные взгляды.

– Не видали ли вы на дороге благородную девицу тринадцати лет? – спросила она. – С голубыми глазами и золотистыми волосами? – После встречи с сиром Шадриком она стала осторожнее, но нужда заставляла ее расспрашивать всех. – Ее мог сопровождать шут. – Но

рыбачки только головами качали да посмеивались, заслоняя ладонями рот.

В первой деревне за ней увязались босоногие мальчишки. Опасаясь новых насмешек, Бриенна надела шлем, и ее снова приняли за мужчину. Один мальчонка предлагал ей моллюсков, другой крабов, третий свою сестру.

Она купила у второго трех крабов. На выезде из деревни ее застал дождь. Поднялся ветер. Шторм идет, решила она, посмотрев на море. От лупивших по шлему капель звенело в ушах, но все лучше, чем оказаться сейчас в лодке среди волн.

Час спустя она приехала к развилке у руин небольшого замка. Правая дорога вилась по берегу к мысу Раздвоенный Коготь, болотистому и заросшему сосняком, левая вела через холмы, леса и поля к Девичьему Пруду. Дождь полил еще пуще. Бриенна спешила и повела лошадь в руины, надеясь найти там укрытие. За ежевикой, бурьяном и молодыми вязами еще просматривалось, где стояли прежние крепостные стены, но камни, из которых они были сложены, валялись между двух дорог, как детские кубики. Главное строение уцелело только наполовину. На верхушках трех башен, построенных из серого гранита, как и весь замок, виднелись зубцы из желтого песчаника. Три короны, поняла Бриенна, глядя на них сквозь струи дождя. Три золотые короны. Замок Холлардов. Здесь, по всей вероятности, и родился сир Донтос.

Бриенна, ступая по щебню, шла вместе с лошадью к главному входу. От дверей остались только ржавые петли, но кровля еще держалась, и внутри было сухо. Бриенна привязала кобылу к сенному светильнику, сняла шлем, распустила волосы. Отыскивая какое-нибудь топливо для костра, она услышала перестук копыт другой лошади и безотчетно отступила в тень, чтобы ее не заметили с дороги. На этой самой дороге ее с сиром Джейме взяли в плен. Недоставало еще снова подвергнуться этой участи.

Всадник был невелик ростом. *Бешеная Мышь*, предположила она с первого взгляда. *Умудрился меня как-то выследить*. Рука Бриенны легла на меч. Сир Шадрик, как видно, посчитал ее легкой добычей потому только, что она женщина. Кастелян лорда Грандисона совершил когда-то ту же ошибку. Этого горделивого старика шестидесяти пяти лет с ястребиным носом и пятнистым черепом звали Хамфри Вагстафф. В день их помолвки он заявил Бриенне, что после свадьбы она должна будет вести себя как истая женщина. «Я не потерплю, чтобы моя леди-жена разъезжала повсюду в мужской кольчуге. Если же вы меня ослушаетесь, мне придется вас наказать».

Ей было шестнадцать, и она уже неплохо владела мечом, однако страдала крайней застенчивостью. Тем не менее она набралась мужества сказать сир Хамфри, что подчинится лишь тому мужчине, который победит ее в единоборстве. Старый рыцарь побагровел, но все же облачился в доспехи, дабы указать женщине ее место. Они сражались турнирным оружием, и булава Бриенны не имела шипов. Сломав сир Хамфри ключицу и два ребра, она поломала заодно и помолвку. Их трех ее женихов он оказался последним. Больше отец не настаивал.

Если это в самом деле сир Шадрик, то ей, очень возможно, предстоит еще один бой. Бриенна не собиралась объединяться с ним и не желала привести его к Сансе без своего вельможи. Он держит себя как искусный боец, но при этом мал и тщедушен. Бриенна полагала, что окажется не только выше, но и сильнее его.

Она не слабее многих рыцарей, а их старый мастер над оружием говаривал, что она намного проворнее, чем можно ожидать от женщины ее роста. Боги наградили ее также выносливостью, которую сир Гудвин почитал великим достоинством. Биться с мечом и

щитом – дело утомительное, и победа зачастую достается более терпеливому. Сир Гудвин учил ее драться осмотрительно и беречь силу, предоставляя врагу расходовать свою в яростных атаках. «Мужчины будут тебя недооценивать, – говорил он, – и в гордыне своей захотят победить тебя сразу, чтобы никто не сказал, что баба их загоняла». Отправившись в странствия, Бриенна убедилась в правоте его слов. Даже Джейме Ланнистер в лесу под Девичьим Прудом повел себя таким образом. То же самое, по милости богов, будет и с Бешеной Мышью. Возможно, он опытный воин, однако не Джейме Ланнистер. Бриенна наполовину вынула меч из ножен.

На развилке дорог, однако, появился не гнедой скакун сира Шадрика, а старая пегая лошадь с тощим пареньком на спине. *Тот самый мальчишка*, поразила Бриенна, разглядев под капюшоном его лицо. *Тот, которого я сбила с ног в Синем Доле.*

На разрушенный замок мальчик даже не смотрел – он, видно, раздумывал, какую дорогу выбрать. После недолгого колебания он повернул в холмы, скрывшись за пеленой дождя, и тут Бриенна вспомнила, что видела его в Росби. *Следит за мной*, догадалась она, *но в эту игру и по-другому можно сыграть.* Она отвязала кобылу и пустилась за ним вдогонку.

Мальчишка смотрел вниз, изучая наполненные водой колеи. Дождь, а вдобавок и капюшон мешали ему расслышать погоню. Он ни разу не оглянулся, пока Бриенна, подъехав к нему вплотную, не хлопнула плащмя его лошадь по крупу своим мечом.

Лошадь сделала свечку, наездник же взвился в воздух, хлопая плащом, словно крыльями, и шлепнулся в грязь. Привстав с полным ртом земли и сухой травы, он увидел над собою Бриенну. Мальчишка, без сомнения, был тот же самый – она узнала ячмень.

– Ты кто? – осведомилась она.

Мальчишка с глазами как блюдца зашевелил губами.

– П-по... – только и выговорил он. Его трясло так, что кольчуга позвякивала. – П-по...

– Ты хочешь сказать «пожалуйста»? – Бриенна приставила меч к его горлу. – Пожалуйста, скажи мне, кто ты такой и зачем меня преследуешь.

– П-под... – Он выковырнул изо рта комок грязи и сплюнул. – Это меня так зовут. П-подрик П-пейн.

Бриенна опустила меч, почувствовав жалость к этому мальчугану. Ей вспомнился Вечерний Замок и молодой рыцарь с розой в руке. Роза предназначалась Бриенне – так сказала ей септа. Чтобы ее получить, нужно было всего лишь приветствовать его у входа в отцовский замок. Восемнадцатилетний рыцарь с рыжими волосами до плеч и она, двенадцати лет, затянутая в нарядное, расшитое гранатами платье. Они были одного роста, но она не могла ни взглянуть на него, ни произнести простых слов, которым ее научила септа: «Добро пожаловать в замок моего лорда-отца, сир Роннет. Я рада, что вижу вас наконец воочию».

– Почему ты меня преследуешь? – повторила она. – Тебя послали шпионить за мной? Кому ты служишь, Варису? Королеве?

– Нет. Не ему. И не ей.

Бриенна полагала, что ему десять лет, но она плохо умела определять возраст детей. Они всегда казались ей младше, чем были на самом деле, – может быть, потому, что сама она в детстве всегда была очень большой. Настоящая дылда, говорила септа Роэлла. Здоровенная и мужеподобная.

– Ребенку опасно путешествовать одному, – сказала она.

– Я не ребенок. Оруженосец. Десницы.

– Лорда Тайвина? – Бриенна убрала меч в ножны.

– Нет. Другого десницы. Старого. Его сына. Мы с ним сражались вместе. И все кричали: «Полумуж! Полумуж!»

Бес. Бриенна не знала даже, что у него имелся оруженосец. Ведь Тирион Ланнистер – не рыцарь. У него мог быть слуга – паж или чашник, кто помогал бы ему одеваться. Но оруженосец?

– Зачем ты следил за мной? Что тебе нужно?

– Найти его леди. – Паренек поднялся с земли. – Которую ищете вы. Мне Брелла сказала. Она его жена. Не Брелла, леди Санса. – Лицо мальчика, мокрое от дождя, внезапно скривилось в приступе горя. – Я его оруженосец, а он меня бросил.

Однажды, когда она была маленькой, в Винтерфелл пришел странствующий певец и прожил с ними полгода. Он был стар, с обветренным лицом и белыми волосами, но пел о доблестных рыцарях и прекрасных дамах. Когда он уходил, Санса горько плакала и просила отца не отпускать его. «Он уже трижды пропел все песни, которые знает, – мягко сказал дочери лорд Эддард. – Я не могу держать его здесь против воли. – Не надо плакать, к нам придут другие певцы».

Но минуло больше года, а они все не приходили. Санса молилась Семерым в септе и старым богам под сердце-деревом, прося их вернуть старика, а еще лучше прислать другого певца, молодого и красивого. Но боги не отвечали ей, и в чертогах Винтерфелла по-прежнему было тихо.

Тогда она была маленькой и глупой, теперь она взрослая девушка – и молит о тишине среди песен, звучащих каждую ночь.

Будь Орлиное Гнездо таким же, как другие замки, только крысы да тюремщики слышали бы пение мертвеца. Стены темниц надежно глушат и песни, и крики. Но небесные камеры открываются прямо в воздух, и каждый аккорд мертвеца отражается эхом от каменных плеч Копья Гиганта. А как он поет! О Пляске Драконов, о прекрасной Джонквиль и ее дураке, о Дженни из Старых Камней и Принце Стрекоз. Поет об изменах, о жестоких убийствах, о повешенных и кровной мести. Горе и печаль, вот о чем все его песни.

Нет в замке такого места, где Санса могла бы спастись от его музыки. Звуки поднимаются за ней по ступенькам винтовой лестницы, вторят плеску воды в ее ванне, ужинают с ней вечером и пробираются в спальню, когда она наглухо запирает ставни. Они пронизывают ее холодом, как здешний разреженный воздух. Снегопада в Гнезде не было со дня падения леди Лизы, но по ночам стоят жестокие холода.

Голос певца, красивый и сильный, стал даже как будто лучше, чем прежде, – боль, страх и тоска обогатили его. Санса не понимала, за что боги наделили таким голосом этого подлого человека. Он взял бы ее силой в Перстах, если бы Петир не приставил сира Лотора охранять ее. Он играл, заглушая крики Сансы, когда тетя Лиза хотела убить ее.

Санса постоянно напоминала себе об этом, но слушать его песни по-прежнему было невыносимо.

– Пожалуйста, – взмолилась она, придя к лорду Петиру, – заставьте его замолчать!

– Я дал ему слово, милая. – Петир Бейлиш, лорд Харренхолла, верховный лорд Трезубца, лорд-протектор Гнезда и Долины Аррен, поднял глаза от письма. После падения леди Лизы он написал не меньше ста писем. Санса видела, как улетаются и прилетают вороны. – Уж лучше терпеть его песни, чем слушать его рыдания.

Да, пусть уж лучше поет, но...

– Но не всю же ночь напролет, милорд. Лорд Роберт плачет, потому что не может уснуть...

– Он горюет по матери – но что ж делать, раз она умерла. – Лорд Петир пожал плечами. – Осталось недолго. Завтра сюда поднимется лорд Нестор.

Санса уже встречалась однажды с лордом Нестором Ройсом после того, как Петир женился на ее тетке. Ройс – хранитель Ворот Луны, самого большого замка у подножия горы, охраняющего подходы к Гнезду. Свадебный кортеж остановился у него на всю ночь, прежде

чем подняться к себе. Лорд Нестор едва взглянул на нее, но его предстоящий приезд вселял в Сансу ужас. Он к тому же Высокий Стюард Долины, доверенный вассал Джона Аррена и леди Лизы...

– Вы ведь... не допустите лорда Нестора к Мариллону, правда?

Петир отложил перо – видимо, лицо Сансы красноречиво выражало ужас, который она испытывала.

– Напротив. Буду настаивать, чтобы лорд его посетил. – Он жестом пригласил Сансу сесть рядом с собой. – Мы с Мариллоном пришли к согласию. Морд умеет убеждать весьма хорошо. Если же наш певец вопреки ожиданиям пропоет песенку, которая нам не придется по вкусу, мы с вами попросту скажем, что он лжет. Кому, по-вашему, лорд Нестор скорее поверит?

– Нам? – Сансе очень хотелось в это поверить.

– Ну конечно. Наша ложь ему только на пользу.

Огонь весело трещал в натопленной горнице, но Санса дрожала.

– Да... но что, если...

– Если лорд Нестор поставит честь выше выгоды? – Петир обнял Сансу за плечи. – Если он предпочтет истину и захочет воздать по закону за смерть своей госпожи? Я хорошо знаю лорда Нестора, милая. Не думаешь же ты, что я позволю ему причинить вред моей дочери?

Я не ваша дочь, думала Санса. Я Санса Старк из Винтерфелла, дочь лорда Эддарда и леди Кейтилин. Но вслух она этого не сказала. Если бы не Петир Бейлиш, это она, а не Лиза Аррен, улетела бы в холодное синее небо и разбилась о камни шестьюстами футами ниже. Он такой смелый – ей бы его отвагу. Сансе хотелось одного – лечь в постель, забиться под одеяло, спать и не просыпаться. После смерти Лизы она не проспала толком ни одной ночи.

– А не могли бы вы сказать лорду Нестору, что я нездорова или...

– Он захочет выслушать твои показания относительно гибели Лизы.

– Милорд, если Мариллон скажет, что было на самом деле...

– То есть солжет?

– Солжет? Ну да, если он солжет... это будет мое слово против его, а лорд Нестор посмотрит мне в глаза и увидит, как я напугана...

– Страх в твоём случае вполне уместен, Алейна, ведь ты видела нечто ужасное. Нестор будет тронут. – Петир сам посмотрел ей в глаза, будто видел их в первый раз. – У тебя глаза твоей матери, честные и невинные. Голубые, как море в солнечный день. Многие мужчины будут тонуть в них, когда ты подрастешь немного.

Санса не нашлась с ответом, и Петир добавил:

– Все, что от тебя требуется, – это сказать лорду Нестору то же самое, что ты сказала лорду Роберту.

Но Роберт – маленький мальчик, а лорд Нестор – зрелый муж, суровый и подозрительный... Роберта, слабого здоровьем, приходится оберегать от всего, даже от правды. «Порой мы вынуждены лгать из любви», – убеждал ее Петир.

– Лорду Роберту мы солгали, щадя его, – напомнила ему Санса.

– А на сей раз солжем, щадя себя. Иначе нам с тобой придется покинуть Гнездо через ту же дверь, что и Лиза. – Петир снова взялся за перо. – Мы попотчует его ложью и борским золотым, а он проглотит все это и попросит еще, ручаюсь тебе.

Он и меня потчует ложью, подумала Санса, хотя и с самыми лучшими намерениями, желая утешить. Утешительная ложь не так уж страшна – если бы только в нее можно было

поверить...

То, что наговорила ей тетка перед тем, как упасть, до сих пор не давало Сансе покоя. «Бред, – уверял ее Петир. – Моя жена была сумасшедшая, ты сама убедилась в этом». *Да, верно. Я ничего не сделала, только построила замок из снега, а она хотела выбросить меня в Лунную Дверь. Меня спас Петир. Он любил мою мать и...*

И ее тоже любит? Как может она сомневаться в этом? Он ведь спас ее.

Он спасал Алейну, свою дочь, нашептывал Сансе внутренний голос. Да, но ведь Алейна в то же время и Санса... а порой ей кажется, что и в самом лорде-протекторе живут два человека. Он Петир, ее защитник, умеющий развеселить и успокоить... и в то же время Мизинец, лорд, знакомый ей по Королевской Гавани – лорд, с хитрой улыбкой поглаживающий бороду и нашептывающий что-то королеве Серсее. Тот, Мизинец, не был ей другом. Когда Джофф велел побить Сансу, за нее вступился Бес, не Мизинец. Когда чернь хотела надругаться над ней, ее увез Пес, не Мизинец. Когда Ланнистеры против воли выдали ее за Тириона, ее утешал сир Гарлан Галантный, а не Мизинец. Мизинец ни разу даже пальцем не шевельнул ради нее, даже мизинцем.

А потом устроил ее побег. Она думала, что это придумал Донтос, старый пьяница, ее бедный Флориан, но замысел с самого начала принадлежал Петире. Мизинец – всего лишь маска, которую он вынужден был носить. Санса, правда, порой затруднялась определить, где маска, а где истинное лицо. Они так похожи, Мизинец и лорд Петир. Она бы охотно сбежала от них обоих, но куда ей бежать? Винтерфелл сожжен, Бран и Рикон мертвы, Робб предательски убит в Близнецах вместе с их леди-матерью. Тирион осужден на смерть за убийство Джоффри – если Сансе вздумается вернуться в Королевскую Гавань, королева казнит и ее. Тетя, на чью помощь и защиту она надеялась, чуть не стала ее убийцей. Дядя Эдмар в плену у Фреев, двоюродный дед, Черная Рыба, посажен врагами в Риверране. Нет у нее места на всей земле, кроме Долины, и ни единого друга нет, кроме Петира.

В эту ночь мертвец спел «День, когда вешали Черного Робина», «Материнские слезы» и «Рейны из Кастамере». Потом замолчал, но, как только Санса начала засыпать, музыка полилась снова. Он спел «Шесть скорбей», «Опавшие листья» и «Алисанну» – грустные песни, одна грустнее другой. Санса представляла себе Мариллона в небесной келье, как он жмется в углу под шубой, подальше от черного неба, прижимая к груди свою лютню. Не нужно его жалеть, говорила она себе. Он тщеславен, жесток, и его ждет скорая смерть. Избавить его от этой участи она все равно не может, да и зачем? Он хотел взять ее силой. Петир спас ее не однажды, а дважды. Ложь порой бывает необходима. Только ложь и позволила ей остаться живой в Королевской Гавани. Если бы она не лгала Джоффри, его королевские гвардейцы избили бы ее в кровь.

После «Алисанны» певец снова умолк, и это позволило Сансе урвать час спокойного сна. Но как только рассвет проник сквозь ставни, ее разбудил тихий перебор струн. «Туманным утром» – песня для женского голоса, жалоба матери, отыскивающей единственного сына среди павших наутро после жестокой битвы. Понятно, однако, почему Мариллон ее выбрал. Мать оплакивает своего сына, а он – свои пальцы, свои глаза. Слова пронзали Сансу, как стрелы.

Скажите, где мальчик мой, добрый сир?

Где сын мой русоголовый?

Он обещал, что вернется ко мне,

Санса накрыла голову подушкой, чтобы не слышать больше, – но она уже проснулась, и настал день, когда лорд Нестор Ройс должен был подняться на гору.

Высокий Стюард со своими присными добрался до Гнезда во второй половине дня. Долина, золотая и алая, лежала внизу, ветер крепчал. С лордом приехал его сын сир Албар, не считая дюжины рыцарей и двадцати латников. Санса всматривалась в лицо незнакомых ей людей, гадая, друзья они или враги.

Петир встречал гостей в черном бархатном дублете с серыми рукавами и в серых бриджах. Черное делало его зеленовато-серые глаза чуть более темными. Рядом стоял мастер Колемон с цепью, висящей свободно на длинной костлявой шее. Несмотря на то что мастер был много выше, все взоры притягивал к себе лорд-протектор. От улыбок ради такого дня он решительно отказался. Выслушав имена рыцарей, которых представлял ему Ройс, он сказал:

– Добро пожаловать в замок, милорды. Мастера Колемона вы знаете, а лорд Нестор, думаю, помнит и Алейну, мою побочную дочь.

– Разумеется. – Лорд Нестор, с наметившейся плешью, бычьей шеей, выпуклой грудью и сединой в бороде, на полдюйма склонил голову в знак приветствия.

Санса молча, боясь сказать что-нибудь не то, сделала реверанс. Петир помог ей встать.

– Будь умницей, милая, приведи лорда Роберта в Высокий Чертог для приема гостей.

– Да, отец, – ответила она тонким и напряженным голосом. Голос лгуны, говорила себе она, торопливо поднимаясь по лестнице и проходя по галерее в Лунную башню. Голос преступницы.

Гретчель и Мадди помогали Роберту Аррену натянуть бриджи. Лорд Орлиного Гнезда плакал снова. Глаза покраснели, ресницы слиплись, под распухшим носом блестели сопли, а нижнюю губу он прикусил до крови. Нельзя, чтобы лорд Нестор видел его таким, в отчаянии подумала Санса.

– Принеси мне тазик для умывания, Гретчель. – Она взяла мальчика за руку и села с ним на кровать. – Хорошо ли мой зяблик спал нынче ночью?

– Плохо. – Роберт шмыгнул носом. – Совсем не спал, Алейна. Он опять пел, а мою дверь заперли! Я кричал, чтобы открыли, но никто ко мне не пришел. Они меня заперли!

– Как нехорошо. – Она обмакнула мягкую тряпицу в теплую воду и стала вытирать ему лицо – с большой осторожностью. Если тереть сильно, у мальчика начнется трясучка. Он слаб и очень мал для своего возраста. Ему уже восемь, но Санса видела пятилетних, которые были больше его.

– Я хотел пойти спать к тебе, – с дрожащими губами проговорил Роберт.

Знаю, что хотел. Зяблик привык забираться в постель к своей матери, пока она не вышла за лорда Петира. Когда она умерла, он стал бродить по Гнезду в поисках другого убежища. Постель Сансы он предпочитал всем остальным, потому она и попросила сира Лотора Брюна запереть его дверь прошлой ночью. Если бы он просто спал у нее, это еще ничего, но он все время старается зарыться носом ей в грудь, а во время припадков мочится прямо в кровать.

– Лорд Нестор Ройс приехал повидаться с тобой. – Санса вытерла мальчику нос.

– Не хочу. Хочу сказку. Про крылатого рыцаря.

– После. Сначала ты должен увидаться с лордом Нестором.

– У него бородавка. – Роберт съежился – он боялся родимых пятен и бородавок. – Мама говорила, он страшный.

– Бедный мой зяблик. – Санса пригладила ему волосы. – Ты скучаешь по ней, я знаю. И лорд Петир тоже скучает, он ведь любил ее, как и ты. – Снова ложь, и опять утешительная. Единственной женщиной, которую Петир любил, была покойная мать Сансы. Он сам так сказал леди Лизе, прежде чем вытолкнул ее в Лунную Дверь. *Она лишилась разума и стала опасна. Она убила своего лорда-мужа и меня убила бы, если б не подоспел Петир.*

Но Роберту этого знать не надо. Он всего лишь болезненный мальчик, который любил свою мать.

– Ну вот, теперь ты у нас настоящий лорд. Принеси его плащ, Мадди.

Санса закутала Роберта поверх кремового камзола в небесно-голубой плащ из шерсти ягненка, теплый и мягкий, застегнула его на плече серебряной пряжкой-полумесяцем. Мальчик вопреки обыкновению пошел с ней без капризов.

Высокий Чертог был закрыт со дня смерти Лизы, и Санса содрогнулась, войдя в него снова. Многие, возможно, нашли бы этот длинный бледный зал красивым – многие, но не она. Здесь даже в лучшие времена слишком бело и холодно. Тонкие колонны похожи на костистые пальцы, белый мрамор с голубыми прожилками заставляет вспомнить старушечьи ноги. При том, что на стенах имелось пятьдесят серебряных светильников, сейчас в чертоге горело меньше дюжины факелов. Тени плясали по мраморным плитам и скапливались в каждом углу. Шаги вошедших звучали гулко, и Санса слышала, как сотрясает ветер Лунную Дверь. *Не надо смотреть туда, говорила она себе, иначе меня затрясет, как Роберта.*

С помощью Мадди она усадила Роберта на его трон из чардрева, снабженный грудой подушек, и послала доложить, что его милость готов к приему гостей. Двое часовых в голубых плащах растворили двери на нижнем конце, и Петир во главе процессии двинулся по голубой ковровой дорожке между рядами бледных колонн.

Мальчик приветствовал лорда Нестора пискляво, но вполне вежливо, не сказав ни слова о его бородавке. Когда Высокий Стюард задал ему вопрос о его леди-матери, руки Роберта слегка задрожали.

– Мариллон погубил матушку. Выбросил ее в Лунную Дверь.

– Ваша милость видели это своими глазами? – спросил сир Марвин Бельмор, долговязый и рыжий. Он служил у Лизы капитаном гвардии, пока Петир не взял на его место сира Лотора Брюна.

– Алейна видела. И мой лорд-отчим.

Лорд Нестор, сир Албар, сир Марвин, мейстер Колемон – все смотрели на Сансу. *Она была моей тетей, но хотела убить меня. Она подтащила меня к Лунной Двери и пыталась вытолкнуть из нее. Я не просила меня целовать. Я строила снежный замок.* Санса обхватила себя руками, чтобы унять дрожь.

– Извините ее, милорды, – тихо промолвил Петир. – Ей до сих пор еще снятся кошмары. Неудивительно, что ей тяжело говорить об этом. – Он встал позади Сансы, положил ей руки на плечи. – Я знаю, как это трудно, Алейна, но наши друзья должны знать правду.

– Да. – В горле так пересохло, что речь давалась ей почти с болью. – Я видела... я была с леди Лизой, когда... – По щеке у нее скатилась слеза. Это ничего. Слезы здесь даже к месту. – Когда Мариллон... толкнул ее. – И она поведала всю историю заново, почти не слыша собственных слов.

На середине ее рассказа Роберт залился слезами, и подушки под ним разъехались.

– Он убил мою матушку. Пусть теперь сам полетит! – Руки у него тряслись все сильнее, голова дергалась, зубы стучали. – Пусть полетит! Полетит! Полетит! – Лотор Брюн подошел как раз вовремя и подхватил мальчика, соскользнувшего с трона. Мейстер Колемон, которого рыцарь опередил только на шаг, ничего поделать не мог.

Санса наблюдала припадок, беспомощная, как и все остальные. Роберт задел ногой сира Лотора по лицу. Брюн выругался, но не отпустил бьющегося в судорогах ребенка, даже когда тот обмочился. Приезжие молчали. Лорду Нестору, во всяком случае, уже доводилось видеть такие припадки – может быть, и другим тоже. Когда корчи наконец прекратились, маленький лорд так ослаб, что не мог стоять на ногах.

– Лучше всего отнести его милость обратно в постель и пустить ему кровь, – сказал Петир. Брюн с мальчиком на руках вышел из зала, Колемон с угрюмым лицом поспешил за ним.

Их шаги затихли, и в Высоком Чертоге настала полная тишина. Санса слышала, как окрепший к ночи ветер воет и скребется в Лунную Дверь. Она замерзла и очень устала. Неужели придется повторять все еще раз?

Но ее история, видимо, оказалась достаточно убедительной.

– Я сразу невзлюбил этого певуна, – проворчал лорд Нестор. – И много раз говорил леди Лизе, чтобы она его прогнала.

– Вы всегда давали ей мудрые советы, милорд, – сказал Петир.

– Она им не следовала, – посетовал Ройс. – Слушала их неохотно и делала все по-своему.

– Миледи была слишком доверчива для этого мира, – с трепетной нежностью произнес Петир. Санса, не зная она всей подноготной, ни на миг не усомнилась бы в его любви к покойной жене. – Лиза видела в людях только хорошее. Мариллон хорошо пел, и она думала, что у него доброе сердце.

– Он обозвал нас свиньями, – заявил широкоплечий сир Албар Ройс. Бороду он брил, но отпускал бакенбарды, обрамлявшие его простое лицо, как две густые черные изгороди. Вылитый отец, только моложе. – Сочинил песню про двух свиней, которые роются у подножия горы и пожирают объедки сокола. Я сказал ему, что знаю, в кого он метил, а он засмеялся и говорит: «Да полно вам, сир, это же про хрюшек».

– Он и надо мной насмеялся, – подхватил сир Марвин Бельмор. – Дал мне прозвище «сир Дин-Дон». А когда я поклялся, что вырежу ему язык, он мигом спрятался за юбками леди Лизы.

– Он часто там укрывался, – сказал лорд Нестор. – По натуре он трус, но леди Лиза осыпала его милостями, и он обнаглел. Она одевала его как лорда, дарила ему золотые кольца, дала пояс из лунных камней.

– Даже любимый сокол лорда Джона перешел к нему, – заметил рыцарь с шестью белыми свечами Ваксли на дублете. – Лорд Джон любил эту птицу – ее подарил ему король Роберт.

– Все это никуда не годилось, – со вздохом признал Петир Бейлиш, – и я положил этому конец. Леди Лиза согласилась отослать его прочь, потому и позвала его в этот чертог. Мне следовало присутствовать, но я и помыслить не мог... Если бы я настоял... она погибла из-за меня.

Так нельзя говорить, в панике подумала Санса. Нельзя. Нельзя.

Но Албар Ройс, качая головой, возразил:

– Нет, милорд, не вините себя.

– Во всем виноват певец, – подтвердил лорд Нестор. – Приведите его сюда, лорд Петир, и покончим с этим прискорбным делом.

– Воля ваша, милорд. – Петир, овладев собой, отдал приказ стражникам, и певца привели. С ним явился тюремщик Морд, страшный человек с маленькими черными глазками на обезображенном лице. Одно ухо и часть скулы он потерял в каком-то сражении, но двадцать стоунов его бледной плоти сохранились в целости. От одежды, слишком тесной ему, исходил скверный запах.

Мариллон рядом с ним казался почти изящным. Ему дали помыться и облачили его в голубые бриджи и просторный белый камзол с пышными рукавами, подпоясанный серебряным кушаком, подарком леди Лизы. На руки натянули белые шелковые перчатки, глаза, чтобы пощадить взоры благородных лордов и рыцарей, завязали белой шелковой лентой.

Морд, имевший при себе плеть, ткнул ею узника в ребра, и тот припал на одно колено.

– Молю вас о прощении, добрые лорды.

– Сознаешься ли ты в своем преступлении? – нахмурясь, спросил лорд Нестор.

– Будь у меня глаза, я заплакал бы. – Голос певца, такой сильный и уверенный ночью, сейчас звучал еле слышно. – Я любил ее так, что не мог видеть ее в объятиях другого, знать, что другой мужчина делит с ней ложе. Я не хотел делать зла моей возлюбленной леди, клянусь. Дверь я запер, чтобы никто не помешал мне высказать свои чувства, но леди Лиза была так холодна... и когда она сказала, что носит дитя лорда Петира, я обезумел...

Пока он говорил, Санса смотрела на его руки. Толстуха Мадди уверяла, что Морд отрезал ему три пальца, оба мизинца и один безымянный. Мизинцами он и правда как будто не шевелил, но в перчатках разве что-нибудь разглядишь. Выдумка, должно быть. Откуда Мадди об этом знать?

– Лорд Петир по доброте своей оставил мне лютню, – продолжал слепой. – И язык тоже... поэтому я могу петь. Леди Лиза любила слушать, как я пою.

– Уведите это ничтожество, пока я сам его не убил, – громыхнул лорд Нестор. – Мне тошно смотреть на него.

– Морд, отведи его обратно в небесную камеру, – приказал Петир.

– Да, милорд. – Морд грубо схватил Мариллона за ворот. – Поговорил и будет. – Санса с изумлением заметила, что зубы у тюремщика золотые. Все смотрели, как он тащит и толкает певца к выходу из чертога.

– Этот человек должен умереть, – заявил сир Марвин Бельмор, когда они вышли. – Нужно отправить его вслед за леди Лизой через Лунную Дверь.

– Лишив прежде того языка, – добавил сир Албар Ройс. – Лживого и язвительного.

– Я знаю, что был слишком мягок с ним, – как будто оправдываясь, сказал Петир Бейлиш. – По правде говоря, мне его жаль. На убийство его толкнула любовь.

– Любовь или ненависть, он должен умереть, – настаивал Бельмор.

– Ждать недолго, – ворчливо заметил лорд Нестор. – В небесных камерах долго никто не засиживается. Небо зовет их к себе.

– Да, но кто знает, откликнется ли Мариллон на зов. – По знаку Петира часовые растворили двери на дальнем конце. – Я знаю, сиры, вы устали после своего восхождения. Для всех вас приготовлены комнаты на ночь, а в Нижнем Чертоге вас ожидает накрытый стол. Проводи гостей, Освелл, и позаботься, чтобы они ни в чем не нуждались. Не желаете

ли выпить со мной в горнице чашу вина, милорд? – обратился хозяин к Нестору Ройсу. – Алейна, милая, побудь у нас чашницей.

В горнице теплился огонь и стоял винный штоф – борское золотое. Санса налила лорду Нестору, Петир поворошил кочергой дрова.

Ройс подсел к очагу.

– Это еще не конец, – сказал он Петиму так, будто Сансы здесь не было. – Мой кузен намерен сам допросить певца.

– Бронзовый Джон мне не верит. – Петир сдвинул пару поленьев.

– Он явится сюда не один. С ним будет Саймонд Темплтон, можете быть уверены. Боюсь, что и леди Уэйнвуд тоже.

– И лорд Бельмор, и молодой лорд Хантер, и Хортон Редфорт. А они, в свою очередь, захватят с собой Сэма Стоуна-Силача, Толлеттов, Шеттов, Колдуотеров и Корбреев.

– Вы хорошо осведомлены. Кто будет из Корбреев? Лорд Лионель?

– Нет, его брат. Сир Лин меня недолюбливает – не знаю уж почему.

– Лин Корбрей – опасный человек. Что вы намерены делать?

– Что еще я могу, кроме как оказать им радушный прием? – Петир еще раз поворошил огонь и отставил кочергу в сторону.

– Мой кузен хочет сместить вас с поста лорда-протектора.

– Не в моих силах ему помешать. У меня в гарнизоне двадцать человек, а лорд Ройс со своими друзьями способен собрать двадцать тысяч. – Петир подошел к дубовому ларю под окном. – Бронзовый Джон поступит так, как ему будет угодно. – Петир откинул крышку, достал пергаментный свиток и вручил его лорду Нестору. – Вот свидетельство любви, которую питала к вам моя леди-жена, милорд.

Ройс развернул свиток.

– Этого я не ждал. – На глазах лорда Нестора заблестели слезы.

– Однако вы вполне это заслужили. Миледи ценила вас превыше всех других своих знаменосцев. Говорила, что вы как утес.

– Неужто? – зарделся лорд Нестор.

– Говорила, и не раз. А вот вам и доказательство. – Петир указал на пергамент.

– Я рад... рад это слышать. Джон Аррен ценил мою службу, я знаю, но леди Лиза... она пренебрегла моими ухаживаниями, и я думал... – Лорд Нестор наморщил лоб. – Я вижу здесь печать Арренов, однако подпись...

– Лиза погибла прежде, чем этот документ представили ей на подпись, поэтому его как лорд-протектор подписал я. Я знаю, она желала бы этого.

– Понимаю. – Лорд Нестор свернул пергамент. – Вы человек долга, милорд. И в отваге вам не откажешь. Многие сочтут это неподобающим и будут вас упрекать. Титул владельца никогда не был наследственным. Ворота построили Аррены в те времена, когда они еще носили Соколиную Корону и правили Долиной, как короли. Гнездо служило им летней резиденцией, но когда выпадал снег, они со своим двором спускались в Ворота. Многие помнят, что Ворота были королевским замком, как и Гнездо.

– Короля в Долине не было уже триста лет, – заметил Петир.

– Да, с тех пор, как драконы пришли. Но Ворота все равно оставались владением Арренов. Джон Аррен при жизни своего отца сам был владельцем. Став лордом, он даровал этот титул своему брату Роннелу, а после – кузену Денису.

– У лорда Роберта братьев нет. Только дальние родственники.

– Да, верно. – Лорд Нестор зажал в кулаке пергамент. – Надежда у меня все же была, не стану скрывать. Пока лорд Джон, будучи десницей, правил страной, я за него правил Долиной. Я исполнял все, что он требовал, и ничего не просил для себя. Но видят боги, я это заслужил!

– Еще как заслужили – и лорд Роберт будет спать крепче, зная, что там, под горой, у него есть надежный и верный друг. – Петир поднял чашу. – За дом Ройсов, милорд, за владетелей Лунных Ворот... отныне и во веки веков.

– Отныне и во веки веков! – Серебряные чаши сошлись со звоном.

Лишь много позже, когда штоф с борским золотым опустел, лорд Нестор ушел к своим рыцарям. Санса, давно уже клевавшая носом, попыталась ускользнуть к себе, чтобы лечь, но Петир поймал ее за руку.

– Видишь, какие чудеса творят ложь и борское золотое?

Почему ей так хочется плакать? Это ведь хорошо, что Нестор Ройс теперь с ними.

– Так это ложь? С начала и до конца?

– Не совсем. Лиза часто называла лорда Нестора утесом, но не думаю, что этим она хотела ему польстить. Сына его она именовала колодой. Она знала, что он мечтает сделать Ворота своими и стать лордом на деле, а не только по имени, но сама мечтала о других сыновьях и предназначала замок младшему брату Роберта. – Петир встал. – Понимаешь ли ты, что здесь произошло, Алейна?

Санса замялась.

– Вы отдали Ворота Луны лорду Нестору, чтобы заручиться его поддержкой.

– Верно, но наша скала носит имя Ройс, а это значит, что он горд и чересчур щепетилен. Если бы я спросил, что он хочет взамен, он раздулся бы, как сердитая жаба, и счел это покушением на свою честь. А так... он не такой уж непреходимый глупец, но моя ложь оказалась для него слаще правды. Ему *хочется* верить, что Лиза ценила его больше других своих знаменосцев. Один из них как-никак Бронзовый Джон, а сир Нестор слишком хорошо помнит, что родился от *младшей* ветви дома Ройсов. Для своего сына он хочет большего. Люди чести ради своих детей совершают такие вещи, которые им даже в голову не пришло бы делать ради себя самих.

– И еще подпись, – кивнула Санса. – Вы могли бы сделать так, чтобы лорд Роберт приложил свою руку, но вместо этого...

– Подписал грамоту сам как лорд-протектор. А почему?

– Если вас низложат или... или убьют...

– Права лорда Нестора на Ворота окажутся под вопросом. И он это хорошо понимает, уверяю тебя. Ты умница, что это подметила. Впрочем, чему же тут удивляться – ведь ты моя дочь.

– Благодарю вас. – То, что она угадала правильно, делало Сансу до нелепости гордой, но к гордости примешивалось смущение. – Только по-настоящему я ведь не ваша дочь. Я притворяюсь ею, но вы-то знаете...

Петир приложил палец к ее губам.

– Я знаю то, что знаю, как и ты. Кое-что лучше не говорить вслух, милая.

– Даже когда мы одни?

– *Особенно* когда мы одни. Иначе когда-нибудь в комнату без спроса войдет служанка или часовой у дверей ненароком услышит то, что не должен был слышать. Ты ведь не хочешь, милая, чтобы твои нежные ручки замарала еще чья-то кровь?

Перед ней возникло лицо Мариллона с белой повязкой на глазах. За ним маячил сир Донтос с торчащими в нем арбалетными болтами.

– Нет. Не надо больше.

– Я мог бы сказать, что это не игра, дочь моя, но это именно игра. Игра престолов.

Я не хотела в нее играть, думала Санса. Она слишком опасна. Один неверный шаг, и я погибла.

– Освелл... – сказала она. – Освелл вез меня на лодке в ночь моего побега из Королевской Гавани. Он должен знать, кто я.

– Должен, если у него есть хоть капля мозгов. Но Освелл давно уже состоит у меня на службе, а Брюн молчалив по натуре. Кеттлблэк следит за Брюном по моему велению, а Брюн – за Кеттлблэком. Не доверяйте никому, сказал я однажды Эддарду Старку, но он меня не послушал. Ты Алейна и должна оставаться Алейной всегда. – Он приложил два пальца к ее левой груди. – Даже здесь. В своем сердце. Способна ли ты на это? Способна ли быть моей дочерью от чистого сердца?

– Я... – *Я не знаю, милорд*, чуть не сказала она, но это не то, что он хотел бы услышать. Ложь и борское золотое. – Я Алейна, отец, – кем же мне еще быть?

Лорд Мизинец поцеловал ее в щеку.

– С моим умом и красотой Кет весь мир будет твоим, душечка. А теперь отправляйся в постель.

Гретчель развела огонь в ее спальне, взбила перину. Санса разделась и юркнула под одеяло. Он не станет петь в эту ночь, от души понадеялась она, когда в замке лорд Нестор и все остальные. Он не посмеет.

Она закрыла глаза и проснулась среди ночи от того, что в постель к ней забрался Роберт. Она забыла сказать Лотору, чтобы снова запер его, а теперь уж ничего не поделаешь.

– Ты можешь остаться, зяблик, – сказала она, обнимая его, – только постарайся не ерзать. Просто закрой глазки и усни, мой маленький.

– Хорошо. – Роберт свернулся калачиком и положил голову ей на грудь. – Алейна... ты теперь моя матушка?

– Пожалуй. – Это ложь утешительная, от нее никому нет вреда.

Дочь кракена

В чертоге гомонили хмельные Харло, ее дальние родственники. Каждый лорд вывесил свое знамя над скамьями, где сидели его люди. Слишком их мало, думала Аша, глядя вниз с галереи, слишком мало. Скамьи заполнены едва ли на четверть.

Кварл-Девица так и сказал ей, пока «Черный ветер» подходил к берегу. Сосчитав ладьи, стоящие на приколе под дядиным замком, он стиснул рот. «Они не пришли, – сказал он, – или пришли, но малым числом». Он был прав, но Аша в присутствии всей команды не могла согласиться с ним. В их преданности она не сомневалась, но даже Железные Люди могут задуматься, стоит ли отдавать свою жизнь за дело, пропащее с самого начала.

Неужели у нее так мало друзей? Среди знамен Аша видела серебристую рыбу Ботли, каменное дерево Стонтри, черного левиафана Вольмарков, силки Майров. На всех остальных изгибались серпы Харло. Бормунд поместил свой на бледно-голубом поле, Гото обрамил воинственными эмблемами, рыцарь окружил с четырех сторон павлинами материнского дома. Даже Зигфрид Сребровласый расположил два, один перевернутый, на поделенном перевязью гербе. Лишь у истинного лорда Харло, как на заре времен, серп остался серебряным на полночно-черном поле. Родрик, прозванный Чтецом, лорд Десяти Башен, глава дома Харло, был любимым дядей Аши.

Его высокое сиденье с двумя серпами из кованого серебра, скрещенными над спинкой – такими огромными, что и великан затруднился бы орудовать ими, – сейчас пустовало. Аша не удивлялась этому. Пир давно завершился, на сборных столах от него остались только кости да грязные блюда. Теперь в чертоге шло винопитие, а дядя Родрик всегда сторонился пьяных и буйных сборищ.

– Дядя, верно, среди своих книг? – спросила Аша у Троезубой, древней старухи – та служила у Родрика домоправительницей, будучи еще Двенадцатизубой.

– А где ж еще? – Троезубая, по словам одного септона, не иначе как нянчила саму Старицу. Тогда Семерых, а заодно и септонов, еще терпели на островах. Лорд Родрик тоже держал нескольких в Десяти Башнях – не ради спасения души, а из-за книг. – Кроме книг, с ним там был еще Ботли.

Штандарт Ботли, косяк серебристой рыбы на бледно-зеленом поле, висел в чертоге, но «Быстрого плавника» среди прочих ладей Аша не видела.

– Я слышала, что мой дядя Вороний Глаз утопил старого Сейвина Ботли.

– Этот, что у нас, – лорд Тристифер.

Трис. Любопытно знать, что стало со старшим сыном прежнего лорда, Харреном. Ничего, скоро она это выяснит. Неловко получается – Триса Ботли она не видела с тех самых пор... впрочем, лучше об этом не думать.

– А что моя леди-мать?

– Легла уже. У себя во Вдовьей башне.

Само собой. Вдовьей башню назвали, когда тетка Аши, леди Гвинесса, вернулась домой оплакивать мужа – тот погиб близ Светлого острова во время первого мятежа Бейлона Грейджоя. «Я останусь здесь, пока не пройдет мое горе, – были знаменитые слова, которые сказала она своему брату, – хотя Десять Башен по праву должны быть моими, ибо я на семь лет старше тебя». С тех пор прошло много лет, но вдова все еще скрипела, предавалась своему горю и время от времени заявляла, что замок должен принадлежать ей. Теперь лорд

Родрик заполучил под свой кров еще одну полоумную вдовую сестрицу. Неудивительно, что он ищет прибежища среди книг.

И теперь еще трудно поверить, что хворающая леди Аланнис пережила своего мужа Бейлона, казавшегося таким крепким и сильным. На войну Аша уходила с тяжелым сердцем, опасаясь, что мать умрет без нее. За отца она не боялась нисколько. Утонувший Бог играет шутки со смертными, но люди еще более жестоки, чем он. Внезапный шторм и лопнувшая веревка привели к смерти Бейлона Грейджоя – так по крайней мере говорят все.

В последний раз Аша видела мать, когда заходила в Десять Башен пополнить запас пресной воды – ее корабль держал путь к северу, собираясь ударить на Темнолесье. Аланнис Харло никогда не была красавицей из тех, о которых поется в песнях, но дочь любила ее сильное лицо и смеющиеся глаза. В тот последний раз леди Аланнис сидела в оконной нише, закутавшись в груду мехов, и смотрела на море. Кто это – она или ее тень? – подумала Аша, целуя ее.

Кожа матери истончилась, как пергамент, длинные волосы побелели. В посадке ее головы еще сквозила прежняя гордость, но глаза потускнели и затуманились. Дрожащими губами она спросила дочь о Теоне. «Привезла ты моего малыша?» Теону было десять, когда его увезли заложником в Винтерфелл, и для леди Аланнис, как видно, он навсегда остался маленьким мальчиком. «Теон не смог приехать, – пришлось сказать Аше. – Отец отправил его в набег на Каменный Берег». Леди Аланнис ничего не сказала на это, только кивнула – но видно было, как глубоко ее ранили слова дочери.

А теперь придется сказать ей, что Теон мертв, и вонзить еще один кинжал в ее сердце. На тех двух, что уже пронзили его, написано «Родрик» и «Марон». Кто сочтет ночи, когда они вновь и вновь поворачивались в ранах? *Я увижусь с ней завтра*, дала себе слово Аша. Сейчас, устав после морской дороги, она не находила в себе сил взглянуть в лицо матери.

– Мне нужно поговорить с лордом Родриком, – сказала она домоправительнице. – Позаботься о моих людях, когда они закончат разгружать «Черный ветер». Мы привезли пленных. Пусть каждый получит теплую постель и горячую пищу.

– На кухне есть холодная говядина. И горчица в каменном кувшине. Из Староместа. – Старуха улыбнулась, упомянув о горчице. Во рту у нее одиноко торчал длинный коричневый зуб.

– Нет, не пойдет. В море мы натерпелись лиха. Надо накормить их горячим. – Аша заложила большие пальцы за пояс. – Всех, кроме леди Гловер с детьми. Их помести куда-нибудь в башню, но не в темницу. Младенец болеет.

– Они то и дело болеют и умирают часто, а родителям горе. Я спрошу у милорда, куда деть волчицу с волчатами.

Аша защемила старухин нос двумя пальцами.

– Делай, что тебе велено. И если *этот* младенец умрет, ты будешь горевать больше всех.

Старуха заныла и обещала исполнить все в точности. Аша отпустила ее и отправилась к дяде.

Хорошо было снова оказаться в этих стенах. В Десяти Башнях Аша всегда чувствовала себя больше дома, чем в Пайке. Это не один замок, а целых десять, подумала она, увидев его впервые. Девочкой она сломя голову бегала по его лестницам, по крепостным стенам и крытым мостам, удила рыбу с Длинного Мола, дни и ночи сидела над дядиными томами. Этот замок, самый новый на островах, построил в незапамятные времена лорд Теомор Харло. Он потерял трех сыновей еще в колыбели и винил в этом сырые подвалы и обросшие

селитрой камни Старого Замка. В Десяти Башнях воздуха больше, они уютнее и стоят в лучшем месте... но лорд Теомор, как пришлось узнать на себе его женам, был человек переменчивый. Жен у него было шестеро, и они столь же мало походили одна на другую, как его десять башен.

Книжная – самая толстая, восьмиугольная и сложена из больших тесаных камней. Лестница расположена в толще стен. Аша быстро поднялась на пятый этаж, в комнату, служившую дяде читальней. Как будто есть комнаты, в которых он не читает. Лорда Родрика редко видели без книги в руках, будь то в отхожем месте, на палубе «Морской песни» или в собрании других лордов. Аше случалось видеть, как он читает, сидя на своем высоком месте под скрещенными серпами. Он выслушивал дело, требующее его разбирательства, произносил приговор... и успевал прочитать страницу, пока капитан стражи не вводил очередного просителя.

Сейчас он сидел у окна за столом, где лежали свитки, написанные, возможно, еще в Валирии до Рокового Дня, и книги в кожаных переплетах с железными и бронзовыми застежками. По обе стороны от него в витых чугунных подсвечниках горели восковые свечи в руку длиной и толщиной. Лорд Родрик Харло ни толст и ни тонок, ни высок ни низок, ни урод ни красавец. Глаза у него карие, волосы каштановые, но короткая холеная борода уже поседела. Словом, человек самый обыкновенный, знаменитый лишь своей любовью к рукописному слову, которую многие островитяне почитали вывихом, недостойным мужчины.

– Дядюшка. – Аша притворила за собой дверь. – Что за чтение увело тебя от гостей?

– «Книга о потерянных книгах» архимейстера Марвина. – Родрик поднял глаза на племянницу. – Гото привез ее мне из Староместа. Хочет сосватать за меня свою дочку. – Он постучал по раскрытому листу длинным ногтем. – Марвин пишет, что отыскал три страницы «Знаков и предзнаменований» – это книга видений, посещавших незамужнюю дочь Эйенара Таргариена перед Роковым Днем. Ланни знает, что ты здесь?

Этим ласкательным именем мать называл один только Чтец.

– Нет еще. Пусть отдыхает. – Аша сняла с табурета кипу книг и села. – Похоже, у Троезубой выпало еще два зуба. Как ты зовешь ее теперь – Однозубая?

– Звать ее я стараюсь как можно реже. Она на меня страх нагоняет. Который час? – Лорд Родрик взглянул в окно на освещенное луной море. – Смотри-ка, стемнело уже, а я не заметил. Что-то ты припоздала. Мы тебя высматриваем уже несколько дней.

– Ветер был неблагоприятный, и мне приходилось думать о пленниках – жене и детях Роберта Гловера. Младшая девочка еще грудная, а молоко у леди Гловер пропало в пути. Пришлось мне причалить на Каменном Берегу и послать людей за кормилицей. Вместо нее они притащили козу. Ребенок чахнет. Нет ли в твоей деревне кормящей матери? Темнолесье – важная часть моих планов.

– Твои планы могут перемениться. Слишком ты задержалась в пути.

– Задержалась и проголодалась. – Аша, вытянув под столом длинные ноги, перелистала лежавшую рядом книгу – записки какого-то септона о войне Мейегора Жестокоего с Честными Бедняками. – Пить тоже хочется. Рог эля был бы мне в самый раз, дядюшка.

– Ты же знаешь, что в библиотеке я не разрешаю ни пить, ни есть, – поджал губы лорд Родрик. – Книги...

– Могут пострадать, – засмеялась Аша.

– Любишь ты меня подразнить, – нахмурился дядя.

– Не огорчайся так. Тебе должно быть известно, что моих дразнилок ни один мужчина

не избежал. Но довольно обо мне. Как твое здоровье?

– Неплохо, – пожал плечами лорд. – Глаза стали слабеть. Я послал в Мир за стеклами в помощь чтению.

– А тетушка как поживает?

– Она по-прежнему на семь лет меня старше, – вздохнул Родрик, – и убеждена, что Десять Башен должны быть ее владением. С памятью у Гвинессы худо, но *об этом* она помнит всегда. Мужа она оплакивает столь же безутешно, как и в день его смерти, хотя порой забывает, как его звали.

– Не уверена, что она это и раньше знала. – Аша с шумом захлопнула книгу. – Отца убили?

– Так думает твоя мать.

Было время, когда она охотно бы разделалась с ним сама, подумала Аша.

– А как полагает мой дядя?

– Бейлон упал, когда под ним обрушился подвесной мост. Надвигался шторм, и мост раскачивался при каждом порыве ветра. Так нас, во всяком случае, известили. К твоей матери прилетела птица от мастера Вендамира.

Аша вынула из ножен кинжал и принялась чистить ногти.

– Миновало три года, и Вороний Глаз возвращается в тот самый день, как умирает отец.

– На следующий день, так мы слышали. Утверждают, что «Молчаливый» был еще в море, когда Бейлон погиб. Однако я согласен, что Эурон вернулся... весьма своевременно, скажем так.

– Я бы сказала по-другому. – Аша вонзила кинжал в столешницу. – Где мои корабли? Я насчитала под замком сорок ладей – этого недостаточно, чтобы ссадить Вороний Глаз с отцовского места.

– Я разослал письма – от твоего имени. Это сделано из любви, которую я питаю к тебе и к твоей матери. Дом Харло собрался весь, и Стонтри, и Вольмарки. Майры тоже, хотя и не все...

– И все они жители Харло, одного острова из семи. С Пайка только Ботли – я видела в чертоге его одинокое знамя. Где корабли с Солтклифа, с Оркмонта, с обоих Виков?

– Бейелор Блэкрид пришел с Блэкрида посоветоваться со мной и тут же отплыл обратно. – Лорд Родрик закрыл «Книгу о потерянных книгах». – Сейчас он на Старом Вике.

– На Старом Вике? – Аша боялась услышать, что все недостающие ушли на Пайк, присягать Вороньему Глазу. – Зачем?

– Я думал, ты уже слышала. Эйерон Мокроголовый созвал вече.

Аша расхохоталась, запрокинув голову.

– Должно быть, Утонувший Бог засунул ерша ему в зад. Вече! Он что, пошутить решил?

– Мокроголовый перестал шутить с тех пор, как утонул. Другие жрецы тоже откликнулись. Слепой Берон Блэкрид, Тарл Трижды Тонувший... даже Седой Буревестник слез со своего утеса и сзывает весь Харло на вече. Все капитаны идут к Старому Вику.

– А Вороний Глаз? Неужто и он согласен участвовать в этой священной комедии и подчиниться решению веча?

– Меня он не извещает. После вызова на Пайк, где я должен был ему присягнуть, я не получал от него ни слова.

Вече... Это нечто новое – вернее сказать, очень старое.

– Ну а мой дядя Виктарион? Что говорит он о замысле Мокроголового?

– Виктариона уведомили о смерти твоего отца. И о вече тоже, не сомневаюсь. Больше я ничего не знаю о нем.

Лучше уж вече, чем война.

– Придется мне, видно, облобызать благоуханные ноги Мокроголового и вытащить водоросли, застрявшие у него между пальцами. – Аша выдернула кинжал из стола и снова спрятала в ножны. – Вече! Ну надо же!

– На Старом Вике, – подтвердил лорд. – Молюсь, чтобы там не случилось кровопролития. Я перечитал Хейрегову «Историю Железных Людей». Когда короли соли и камня собрались на вече в последний раз, Уррон с Оркмонта отдал приказ своим топорщикам, и ребра Нагги обагрились кровью. С того черного дня короля больше не выбирали, и Грейароны правили островами тысячу лет, до самого пришествия андалов.

– Дай мне почитать эту книгу, дядя. – Надо узнать о вече все, что возможно, перед отплытием на Старый Вик.

– Читай здесь. Книга старая, может рассыпаться. – Дядя смотрел на нее хмуро. – Архимейстер Ригни сказал как-то, что история – это колесо, ибо натура человека неизменна по сути своей. То, что было раньше, случится опять. Я вспоминаю это всякий раз, думая о Вороньем Глазе. Для моих старых ушей «Эурон Грейджой» звучит очень похоже на «Уррон Грейарон». Сам я на Старый Вик не пойду и тебе не советую.

Аша улыбнулась.

– Пропустить первое вече со времен... как долго они не созывались, дядя?

– Четыре тысячелетия, если верить Хейрегу. Два, если принять сторону мейстера Денстана в его «Вопросах». То, что затевается на Старом Вике, бессмысленно. Мечта иметь короля – наше наследственное островное безумие. Я с самого начала говорил об этом твоему отцу, а теперь мои слова оправдались. Нам нужны земли, а не короны. Пока Станнис Баратеон и Тайвин Ланнистер сражаются за Железный Трон, нам представляется редкостный случай улучшить свою судьбу. Надо примкнуть к одному из них, помочь ему одержать победу, и благодарный король щедро одарит нас.

– Я подумаю над этим, когда взойду на Морской Трон.

– То, что скажу, тебе не понравится, Аша, – вздохнул лорд Родрик, – но изберут не тебя. Женщин-правительниц еще не бывало на островах. Гвинесса на самом деле старше меня, но когда наш отец умер, Десять Башен отошли ко мне. То же самое и с тобой будет. Ты дочь Бейлона, а не сын, и у тебя есть трое дядей.

– Четверо.

– Три дяди-кракена. Я не в счет.

– Очень даже в счет. Пока у меня есть дядя в Десяти Башнях, Харло мой. – Харло не самый большой из Железных островов, зато самый богатый и населенный, и власть лорда Родрика – не пустой звук. На Харло у него нет соперников. У Вольмарков и Стонтри на острове большие владения, на службе у них знаменитые капитаны и свирепые воины, но даже самые свирепые кланяются серпу. А Кеннинги и Майры, некогда заклятые враги дома Харло, давно смирились и стали его вассалами.

– Мои кузены подчиняются мне, и в случае войны мне надлежит командовать их мечами и парусами. Но вече... На костях Нагги все капитаны равны. Некоторые, я не сомневаюсь, выкрикнут твое имя, но их будет недостаточно. А когда начнут кричать Виктариона или Вороньего Глаза, многие из тех, что сейчас пьют в моем чертоге, примкнут к остальным. Снова говорю тебе: не надо править навстречу шторму. Надежды победить у тебя нет.

– Надежда есть всегда, пока битва не проиграна. Из всех претендентов я самая лучшая. Я плоть от плоти короля Бейлона.

– Ты упрямый ребенок, вот ты кто. Подумай о своей бедной матери. Ты все, что у Ланни осталось в жизни. Я сожгу «Черный ветер», если понадобится, лишь бы удержать тебя здесь.

– Как? Ты хочешь, чтобы я вплавь добиралась до Старого Вика?

– Тебе долго придется плыть по холодному морю за короной, которую ты все равно не удержишь. У твоего отца отваги было больше, чем здравого смысла. Старый закон хорошо служил нам, пока мы были маленьким королевством среди многих других, но завоевание Эйгона положило всему конец. Бейлон отказывался видеть то, что было у него перед глазами. Старый закон умер вместе с Черным Харреном и его сыновьями.

– Да, знаю. – Аша любила отца, но не обманывалась на его счет. Бейлон и впрямь был слеп кое в чем. Храбрый воин, но плохой лорд. – Но это еще не значит, что мы должны жить и умирать, как рабы Железного Трона. Если по правому борту скалы, а с левого идет шторм, мудрый капитан выберет третий путь.

– Что же это за путь? Назови мне его.

– И назову... на своем королевском вече. Как можешь ты думать остаться в стороне от него? Ведь это живая история...

– Предпочитаю мертвую. Мертвая история пишется чернилами, живая же – кровью.

– Хочешь умереть старым в своей постели, как трус?

– Именно. И не ранее того дня, когда не смогу больше читать. – Лорд Родрик подошел к окну. – Ты не спрашиваешь меня о своей леди-матери.

Не спрашиваю потому, что боюсь, подумала Аша, а вслух сказала:

– Прости. Как она?

– Лучше. Того гляди переживет нас с тобой. Тебя-то уж верно, если будешь упорствовать в своем безумии. Она стала есть больше, чем после приезда сюда, и часто спит, не просыпаясь, всю ночь.

– Это хорошо. – На Пайке леди Аланнис последнее время совсем не спала. Она бродила по замку со свечкой и искала своих сыновей. «Марон! – пронзительно вскрикивала она. – Родрик! Где вы? Теон, мальчик мой, иди к маме!» Она босая переходила по висячему дощатому мосту в Морскую башню, а поутру мейстер вынимал занозы из ее стоп. – Я повидаюсь с ней утром.

– Она спросит тебя о Теоне.

Принц Винтерфелла...

– Ты уже говорил ей что-нибудь?

– Нет – что я мог сказать? – Дядя замялся. – Ты уверена, что его нет в живых?

– Я ни в чем не уверена.

– Ты не нашла тела?

– Мы нашли части многих тел. До нас там побывали волки... настоящие, на четырех ногах, но своей двуногой родне они уважения не выказали. Кости убитых раскиданы и сильно изгрызены. Трудно разобраться, что там произошло. Похоже, что северяне передрались между собой.

– Стервятники дерутся над мертвым телом и убивают друг друга из-за глаз мертвеца. – Лорд Родрик смотрел, как лунный свет играет на волнах. – У нас был один король, потом стало пятеро. Ныне все, кого я вижу, превратились в стервятников, дерущихся над трупом Вестероса. – Лорд закрыл ставни. – Не ходи на Старый Вик, Аша. Остайся с матерью.

Боюсь, она недолго пробудет с нами.

– Мать растила меня смелой. Если не пойду, то весь остаток жизни буду думать, что было бы, если б я решила иначе.

– А если пойдешь, твоей жизни не хватит и на то, чтоб задуматься.

– Лучше уж так, чем до конца дней жаловаться, что Морской Трон был по праву моим. Я не Гвинесса.

Дядя поморщился от ее слов.

– Аша, двое моих сыновей кормят крабов у Светлого острова. Снова я вряд ли женюсь. Останься, и я сделаю тебя наследницей Десяти Башен. Удовольствуйся этим.

– Десять Башен? – Если б она только могла... – Твоим кузенам это не придется по вкусу. Рыцарю, старому Зигфриду, горбуну Гото...

– У них есть свои поместья.

Верно. У Зигфрида Сребровласого – сырой, насквозь прогнивший Старый Замок, Сверкающая Башня горбатого Гото стоит на скале над западным берегом, рыцарь, сир Харрас, владеет Каменным Садам, Бормунд Синий правит на Ведьмином Холме, и все они – подданные лорда Родрика.

– У Бормунда три сына, у Зигфрида – внуки, у Гото – непомерное честолюбие. Все они надеются наследовать тебе, даже Зигфрид – он думает, что будет жить вечно.

– Лордом Харло после меня станет рыцарь, но он преотлично может повелевать островом из своего Каменного Сада. Присягни ему на верность, и он будет тебя защищать.

– Я сама способна себя защитить. Я кракен, дядя, я Аша из дома Грейджоев. – Она поднялась на ноги. – Я хочу занять отцовское место, а не твое. Твои серпы уж очень страшны – один может упасть и отрезать мне голову. Предпочитаю сидеть на Морском Троне.

– Тогда ты тоже стервятница, с криком летящая на добычу. – Лорд Родрик снова уселся за стол. – Ступай и оставь меня с архимейстером Марвином.

– Если прочтешь, что он нашел еще какую-то редкость, скажи мне. – Дядя есть дядя, его уже не переделать. Но на Старом Вике он будет, несмотря на все свои отговорки.

Ее команда, должно быть, уже села ужинать в большом чертоге. Надо пойти к ним, поговорить о собрании на Старом Вике, о том, чего им ждать от него. Ее люди пойдут за ней как один, однако ей нужны не только они, но и Харло, и Стонтри, и Вольмарки. Вот кого ей придется завоевать. Победа в Темнолесье сослужит ей хорошую службу, когда дружина начнет хвастать ею – а хвастать они непременно будут. Люди с «Черного ветра» отчаянно гордятся подвигами своего капитана. Половина из них любит ее как дочь, другая половина мечтает с ней переспать, но те и другие с готовностью умрут за нее. *А я – за них*, думала Аша, выходя через узкую дверцу башни на лунный двор.

– Аша? – От стены отделилась тень.

Она взялась за кинжал – но тень при луне сделалась человеком в плаще из нерпы. Еще один призрак.

– Трис. Я думала, ты в чертоге.

– Захотел посмотреть на тебя.

– Ну что ж, вот она я. Совсем взрослая, как видишь. Любишься.

– Да, взрослая. – Он подошел ближе. – И красивая.

Тристифер Ботли пополнил с их последней встречи, но волосы у него остались все такими же непослушными, а глаза – большими и доверчивыми, как у тюленя. Нежными. В этом вся беда бедного Тристифера – слишком он нежен для Железных островов. Он стал

совсем хорош, войдя в возраст, – в отрочестве его прыщи портили. И Ашу тоже. Это их, возможно, и сблизило.

– Кончина твоего отца меня опечалила, – сказала она.

– А я скорблю о твоём.

С чего бы это, едва не сказала она. Ведь это Бейлон усладил тебя с Пайка, Бейелору Блэкриду на воспитание.

– Правда ли, что ты теперь лорд Ботли?

– Пока лишь по имени. Харрен погиб у Рва Кейлин. Какой-то болотный дьявол пустил в него отравленную стрелу. Я лорд без лордства. Когда отец оказался присягнуть Морскому Трону, Вороний Глаз утопил его, а дядей вынудил принести ему клятву, но половину отцовских земель все же отдал Железному Хольту. Лорд Винч первым склонил колени и признал его королем.

Дом Винчей имел большую силу на Пайке, но Аша постаралась не выдать, как поразила ее эта весть.

– Винч никогда не обладал мужеством твоего отца.

– Твой дядя просто купил его. «Молчаливый» пришел с трюмами, полными сокровищ. Серебро, жемчуг, изумруды, рубины и сапфиры с яйцо величиной, неподъемные мешки с монетами... есть на что покупать сторонников. Мой дядя Гермунд теперь именуется лордом Ботли и правит в Лордпорте как вассал твоего дяди.

– Настоящий лорд Ботли – ты, – заверила Аша. – Когда я взойду на Морской Трон, тебе вернут отцовские земли.

– На то твоя воля. Я о них не печалюсь. Как ты хороша при луне, Аша. Просто красавица – я ведь запомнил тебя девчонкой, прыщавой худышкой.

Дались им эти прыщи.

– Я тоже вспоминаю то время. – *Хотя и не с такой любовью, как ты.* Из пятерых воспитанников, которых привезла ее мать на Пайк после того, как Нед Старк взял в заложники ее последнего уцелевшего сына, Трис был ближе всех к Аше по возрасту. Она уже целовалась с мальчиками, но он первый распустил шнуровку на ее камзольчике и щупал потной ладонью ее чуть подросшие груди.

Она бы и больше ему позволила, будь он посмелей. Расцвет, настигший Ашу в пору войны, пробудил в ней томление, а любопытничала она еще прежде. Довольно было сверстника, который желал ее, и начала месячных... Она, впрочем, искренне думала, что у них любовь, пока Трис не начал болтать об их будущих детях – не меньше дюжины сыновей, ну и дочери тоже. «Не хочу я дюжину сыновей, – отбивалась испуганная Аша. – Хочу приключений». Вскоре мейстер Квелен увидел, как они играют, и юного Тристифера отправили к Блэкридам.

[Купить полную версию книги](#)

Кракен – гигантский кальмар, эмблема дома Грейджоев.